

ИРЗИТСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

1357

Библиотека ученическая

№ хронолог. катал. 1351

809

системат. катал. 87

отдѣль... III

II-20

Цена съ перекладомъ 43к.

Музей II-28.

M
0

z.3. 5495

6
1 5

4 3

А. 8

Библиотека для семьи и школы.

0

8и
свз

Ив. Ив. Ивановъ.

РЫЦАРЬ СЛОВА И ЖИЗНИ.

(Сервантесъ и его „Донъ-Нихотъ“).

СЪ РИСУНКАМИ.

муниципальное казенное учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

2-е ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„Юная Россія“.

МОСКВА, БОЛЬШАЯ МОЛЧАВКА, ДОМЪ № 18.

Цѣна 50 коп.

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Ивановъ, Ив. Ив., проф. Изъ исторіи Москвы. Историческій очеркъ. 3-е испр. и доп. изд. Съ рисунками. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. одобрена въ ученичскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. (Отношеніе № 2728, отъ 27 января 1901 года).

— Национальная героиня Франціи (Жанна д'Аркъ). Биографическій очеркъ. Съ 12 рисунками и портретами. 3-е изд. испр. и доп. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. одобрена для ученич. библ. гимназій и реальн. училищъ и допущена въ ученич. библ. город. и уѣздн. училищъ, въ учт. библ. нач. нар. школъ и въ бесплатн. народн. библ. и читальни. (Отношеніе № 31316, отъ 3 дек. 1908 г.).

— Какъ царь Петръ сталъ преобразователемъ Россіи. Съ рисунками. 2-е изданіе. Ц. 50 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учл. (Отношеніе № 19346, отъ 9 июня 1904 г.).

— Святой король Франціи и его время. Изд. 2-е. Ц. 50 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. (Отнош. № 6387, отъ 30 мая 1906 г.).

— Императоръ Александръ II. Съ портретами, рисунками и факсимиле. 2-е изд. Ц. 45 к.

— Пушкинъ. Съ рисунками и портретами. Ц. 25 к.

— Разказы о старинѣ. Египтяне. Культурно-историч. очерки. Съ рисунками. 2-е изд. Ц. 25 коп. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученич. младшаго возраста бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. (Отношеніе № 17111, отъ 1 июня 1903 г.).

— Разказы о старинѣ. Халдеи. Культурно-историческіе очерки. Съ рисунками. 2-е изд. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученичскія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни. (Отнош. № 12167, отъ 14 апрѣля 1904 года).

— Разказы о старинѣ. Иранцы. Культурно-историческіе очерки. Со многими рисунками. Ц. 40 коп.

— Разказы о старинѣ. Индусы. Культурно-историческіе очерки. Выпускъ I. Цѣна 35 коп.

— Разказы о старинѣ. Индусы. Культурно-историческіе очерки. Выпускъ II. Ц. 70 коп.

— Разказы о старинѣ. Будда и буддизмъ. Культурно-историческіе очерки. Ц. 75 коп.

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

83.3 (7)
СЗР

Библиотека для семьи и школы.

Ив. Ив. Ивановъ.

РЫЦАРЬ СЛОВА И ЖИЗНИ.

(Сервантесъ и его „Донъ-Нихотъ“).

СЪ РИСУНКАМИ.

2-ое издание РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„Юная Россія“.

Москва, Б. Молчановка, домъ № 18.

ИРБИТСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБ-КА

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ К. Л. МЕНЬШОВА.

Арбатъ, Никольскій переулокъ, домъ 21.

1911.

7.3.5495

W. B. E. 1911

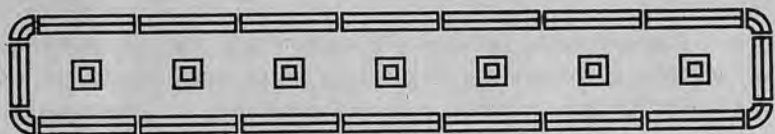
ENTRANCE
No. 10
1911

Донъ Мигуэль Сервантесъ де Сааведра.

Съ рѣдкой старинной гравюры, воспроизведенной съ оригинала, приписываемаго самому Сервантесу.

„Смѣю сказать, —если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ“.

Сервантесъ.

I.

Всякій разъ, когда мы читаемъ какую-либо книгу, и книга кажется намъ занимательной,—у насъ непремѣнно возникаетъ желаніе узнать возможно подробнѣе, кто такой авторъ, какова была его жизнь, вообще, что это былъ за человѣкъ?

Это желаніе становится особенно сильнымъ, когда мы встрѣчаемъ въ книгѣ много задушевнаго и искренняго; когда авторъ, видимо, желалъ подѣлиться съ читателемъ не только своими думами, но и своими личными радостями и огорченіями. Тогда намъ становится дорогъ не только писатель, но и человѣкъ, и его собственная жизнь является необходимымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ.

И вотъ предъ нами одинъ изъ такихъ случаевъ, и едва ли не самый замѣчательный.

Дѣло идетъ о книгѣ въ высшей степени извѣстной. Трудно найти человѣка, любящаго чтеніе и ни разу на своемъ вѣку не прочитавшаго исторію Ламанческаго рыцаря. Даже больше можно сказать: кто разъ прочиталъ эту исторію, тотъ рано или поздно обязательно пожелаетъ возобновить ее въ памяти. Ужъ очень рѣдкая и удивительная книга! И написана чрезвычайно увлекательно, и при этомъ полна глубокой мудрости, и самыя умныя

мысли высказываются здѣсь необыкновенно просто, — авторъ будто шутить и забавляетъ читателя, — а на самомъ дѣлѣ онъ все время не забываетъ учить его, сообщать ему ту или другую истину насчетъ его самого — читателя, насчетъ человѣческой жизни вообще. И читатель невольно чувствуетъ, что все это говорится не ради сочинительства, а все это пережито и выстрадано писателемъ, и часто трудно отличить героя отъ самого автора. —

Въ нашемъ случаѣ это можетъ показаться страннымъ. Приключенія Донъ-Кихота весьма часто слишкомъ смѣшны, даже безумны; самъ рыцарь безпрестанно попадаетъ въ самыя забавныя и жалкія положенія; здравомыслящіе люди считаютъ его сумасшедшимъ, и самъ авторъ такого же мнѣнія о немъ... Какъ же послѣ этого допустить, чтобы подобный герой могъ хотя бы отчасти изображать самого автора и говорить отъ его лица?

Оказывается, — не только допустимо, но именно такова была цѣль самого писателя.

И въ этомъ заключается глубокій смыслъ судьбы и личности Донъ-Кихота, и потому о безумномъ рыцарѣ писало множество умнѣйшихъ и талантливѣйшихъ людей: всѣ желали разгадать мудрость, скрытую въ невѣроятныхъ происшествіяхъ, въ странныхъ рѣчахъ, — и въ рѣчахъ не только рыцаря, но и его оруженосца, — неуклюжаго, прожорливаго, болтливаго Санчо Пансы.

Этотъ герой не страдаетъ сумасшествіемъ, но зато его безпрестанно обзываютъ глупцомъ, — онъ и самъ не заботится объ умѣ, а исключительно о томъ, чтобы сытнѣе поѣсть и крѣпче поспать. Чего, кажется, ждуть отъ подобнаго мудреца? Онъ и чувствуетъ-то себя особенно по душѣ въ обществѣ своего осла, самаго дорогого для него существа на свѣтѣ.

И между тѣмъ Санчо вовсе не шутъ и не глупецъ.

Давно сказано: „устами младенцевъ говорить истина“, — нѣчто подобное и здѣсь. Грубый, смѣшной, испанскій мужикъ безпрестанно оказывается умнѣе умниковъ и высказываетъ такого рода, — повидимому, совершенно простыя мысли, что приводитъ въ изумленіе людей книжныхъ и благородныхъ.

Какъ это возможно? Можетъ быть, авторъ по своей прихоти заставляеть глупца превращаться въ умника, наряжаетъ его въ неподходящій нарядъ?

Вовсе нѣтъ. Санчо уменъ, потому что въ будничной, хотя бы и мужицкой, жизни много умнаго и честнаго,—надо только уметь почувствовать мудрость и честность жизни. А Санчо нечего и стараться чувствовать это. Онъ изо дня въ день работаетъ, добывается того, чтобы честнымъ трудомъ прокормить себя и семью, принужденъ полагаться только на свои силы и на свой здравый смыслъ. А такой трудъ — самая настоящая наука,—и вотъ ее-то Санчо пускаетъ въ ходъ всякій разъ, когда ему приходится судить о жизни и людяхъ.

И тогда мы не удивляемся, если знатному лицу, полагающему все свое достоинство въ своей знатности, приходится замолчать предъ искреннимъ и сильнымъ труженикомъ, если всевозможныя прихоти и забавы праздныхъ скучающихъ господъ встрѣчаютъ добродушное, но уничтожающее слово человѣка, привыкшаго жизнь считать дѣломъ важнымъ и нравственнымъ долгомъ.

Когда другіе изумляются мѣткимъ сужденіямъ Санчо, онъ совершенно основательно отвѣчаетъ:

— Кто хорошо живетъ, тотъ хорошо и проповѣдуетъ,—другихъ проповѣдей я не знаю.

И только,—но это очень много, потому что всѣ такія проповѣди внушены нашему проповѣднику личнымъ опытомъ, личными, часто весьма нелегкими, столкновеніями съ людьми и обстоятельствами. И великій писатель не затрудняется устами Санчо высказывать истины, столь же поучительныя и для насъ, какъ и для собесѣдниковъ Санчо,—истины безсмертныя.

Теперь легко понять, какая тѣсная духовная связь существуетъ между героями автора и имъ самимъ. Авторъ и не скрывалъ этого. Объ исторіи Донъ-Кихота онъ выражался такъ: „Книга эта есть важное дѣло моей жизни“, и прибавлялъ, что страстующій неудачливый рыцарь составляетъ съ нимъ одно тѣло и одну душу.

Да, авторъ—тоже Донъ-Кихоть, тоже рыцарь, много, — даже

слишкомъ много боровшійся въ теченіе своей жизни, пережившій приключенія, еще болѣе жестокія, чѣмъ его герой. Авторъ не сражался съ вѣтранными мельницами въ буквальномъ смыслѣ, не принималъ стада животныхъ за грозную армію,—но на взглядъ другихъ и его сраженія выходили и безумными, и смѣшными: Безуміе заключалось въ томъ, что благородному человѣку хотѣлось бы облагородить и жизнь, и людей, видѣть и въ дѣйствительности правду, справедливость, добро, высокія цѣли. Возможно ли это?

Разсудительные люди утверждаютъ, что все это — неосновательныя и несбыточныя мечты, люди вѣчно останутся себялюбцами, и стремиться передѣлать ихъ—значить, сражаться съ вѣтранными мельницами, или грубую и уродливую крестьянку считать прекрасной, благородной дамой.

Какъ видите,—„донъ-кихотство“ возможно во всякое время и среди безусловно умныхъ и здоровыхъ людей. Весь вопросъ только, что считать за вѣтранныя мельницы? Если благоразуміе заключается въ томъ, чтобы жить изо дня въ день, какъ живутъ всѣ тихіе и сѣрые люди, вообще ни мыслями, ни дѣлами не отличаться отъ другихъ,—тогда битвой съ вѣтранными мельницами можно обозвать даже девольное возмущеніе противъ человѣческой мелочности, малодушія и раболѣпія предъ всякой силой. И Донъ-Кихотомъ окажется просто честный и независимый человекъ.

Искусство Сервантеса именно въ томъ, чтобы въ безумствахъ искателя приключеній показать глубокое человѣческое страданіе за поруганную правду, чтобы подъ видомъ смѣшныхъ и грустныхъ подвиговъ рыцаря-мечтателя разсказать вѣчную и вполне дѣйствительную исторію всякаго, кто рѣшается идти противъ людскаго зла, полагаясь только на свое измученное сердце да на торжество справедливости.

И такова именно исторія самого автора.

Онъ также былъ рыцаремъ и также сражался всю жизнь и также умеръ, не одолѣвъ своихъ враговъ. Но враги Сервантеса—также и наши враги, хотя приключенія Сервантеса и происхо-

дили болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ, и его „донъ-кихотство“ навсегда останется честью и славой чловѣчества, пока оно не перестанетъ отличать добро отъ зла.

Мы расскажем сначала исторію дѣйствительнаго Донъ-Кихота. Она не менѣе богата любопытными приключеніями, чѣмъ жизнь Ламанческаго рыцаря,—съ одной лишь разницей: здѣсь всѣ приключенія—подлинныя, здѣсь всѣ разбитыя надежды—истинныя страданія чловѣка, всѣ несбывшіяся мечты—самое горькое и правдивое безуміе.

Исторія будетъ часто печальна и обидна. Самъ герой передъ смертію назоветъ ее: „безконечнымъ неблагоразуміемъ“ и съ грустью заявитъ: „я уношу на плечахъ камень съ надписью о моихъ разрушенныхъ надеждахъ“.

Но въ насъ послѣ исторіи останется не одна грусть. Мы увидимъ,—при какихъ обстоятельствахъ какой благородный чловѣкъ могъ жить и неутомимо дѣйствовать! Во всемъ этомъ была вѣдь только чловѣческая сила, чловѣческое благородство. Нашъ Донъ-Кихотъ—не сказка, и его враги—не вѣтряныя мельницы и не бараны, а могучіе и славные люди его времени и, кромѣ того, всѣ, кто подчинялся этимъ людямъ и прославлялъ ихъ. И все-таки явился борець и сдѣлалъ вызовъ! И не только сдѣлалъ, но и не переставалъ повторять его—послѣ всѣхъ неудачъ и насмѣшекъ. И при этомъ сумѣлъ остаться добродушнымъ, чловѣчнымъ и не потерять вѣры въ чловѣка. Развѣ здѣсь можетъ быть мѣсто одной только грусти и печали?

Когда какая-нибудь страна узнаетъ о смерти своего доблестнаго гражданина на полѣ битвы,—она испытываетъ глубокое чувство сожалѣнія, но въ то же время не можетъ не гордиться и не радоваться, что павшій—ея гражданинъ,—сынъ ея народа.

Такъ и смерть Сервантеса.

Его надежды не сбылись, его разумъ до конца казался безуміемъ его врагамъ и зрителямъ борьбы,—и чѣмъ выше его мужество, тѣмъ свѣтлѣе его кончина для его страны. А это—его страна—всякій уголокъ земнаго шара, гдѣ только бьется чловѣческое сердце за правду и свѣтъ. Сервантесъ для всѣхъ

почти
смерть
философ

такихъ людей—родной и соотечественникъ, и его исторія, совершившаяся вѣка тому назадъ, никогда не утратитъ ни красоты, ни занимательности.

II.

Въ настоящее время Испанія—третьестепенное государство, и у нея нѣтъ никакой надежды подняться выше; когда жилъ Сервантесъ, Испанія считалась самой могущественной державой въ мірѣ. Король Испаніи говорилъ: „въ моихъ владѣніяхъ не заходитъ солнце“, такъ они были обширны въ обоихъ полушаріяхъ! Испанцы хвалились: „стоитъ пошевелиться Испаніи, и задрожитъ земля“.

И другіе народы соглашались съ этимъ,—по крайней мѣрѣ признавали надъ собою превосходство Испаніи. Всюду въ Европѣ высшее общество изучало испанскій языкъ, читало испанскихъ писателей, носило испанское платье, вообще, подражало испанцамъ, какъ самому изящному и талантливому народу. И подражали не только свѣтскіе щеголи, но и писатели. Они переводили, передѣлывали испанскія драмы и комедіи, ихъ высшимъ честолюбіемъ было писать и думать, какъ испанцы, и такъ же нравиться публикѣ.

А что касается богатства—оно казалось неисчерпаемымъ. Новый Свѣтъ послалъ Испаніи несмѣтныя драгоценности, торговля процвѣтала, испанскіе города считались столицами купцовъ со всего міра, испанскіе корабли господствовали надъ морями. Можно было ожидать,—не будетъ и предѣловъ этому блеску и силѣ. А между тѣмъ,—едва прошло столѣтіе,—Испанія стала дряхлѣть, опускаться все ниже, пока вся ея слава не разсѣялась окончательно, и испанцамъ въ утѣшеніе осталось вспоминать только далекое прошлое...

Какъ это могло случиться?

Уже Сервантесъ могъ предвидѣть будущее. Оно надвигалось неумолимо, будто проклятіе, и тѣни летали надъ страной уже въ то время, когда солнце не заходило во владѣніяхъ испан-

скаго короля, и его подданные считали себя первымъ народомъ въ мірѣ.

Тѣни скоплялись вѣками и готовили страшную грозу съ непоправимыми бѣдствіями. Испаніи суждено было найти свою погибель въ своей доблести, затмившей разсудокъ у цѣлаго народа и извратившей его человѣческое чувство.

Испанія въ теченіе семи столѣтій жила на военномъ положеніи и воевала у себя дома, съ врагами своей вѣры и независимости.

Враги эти—мавры, магометане. Они пришли изъ Африки, основали на полуостровѣ свои государства, — и съ этихъ поръ началась безпощадная борьба между крестомъ и полумѣсяцемъ. Ненависть переходила отъ отцовъ къ дѣтямъ; христіане привыкли не считать мавровъ людьми, видѣли въ нихъ враговъ Христа и христіанскаго міра. Вѣчныя кровавыя столкновенія питали взаимную злобу. Полумѣсяць и крестъ не могли ужиться рядомъ,—чьи-либо поклонники должны были исчезнуть, погибнуть или покинуть страну. Такъ рѣшительно стоялъ вопросъ, и другого отвѣта не представлялъ себѣ ни одинъ истинно вѣрующій католикъ,—и людей терпимыхъ можно было найти скорѣе среди магометанъ, чѣмъ среди католиковъ.

Магометане занимались науками; не мало замѣчательныхъ ученыхъ и писателей исповѣдывали магометанство или еврейскую вѣру. Католики, напротивъ, отличались и бѣдностью, и невѣжествомъ. Единственное глубокое чувство одушевляло ихъ—неукротимая ненависть противъ иновѣрцевъ. Для испанца стало личной честью—истреблять магометанъ и евреевъ. Кто дѣлалъ это, тотъ пріобрѣталъ славу, благородство, предъ тѣмъ преклонялось потомство. И такъ шли столѣтія, пока, наконецъ, католики не побѣдили. Магометанскія государства исчезли; но магометане и евреи остались.

Тогда начинается страшная, свирѣпая травля. О борьбѣ пѣть и рѣчи; вся сила на одной сторонѣ,—и католики рѣшаютъ уничтожить всѣхъ до послѣдняго человѣка, кто не признаетъ католической вѣры. Открываются тюрьмы, зажигаютъ костры,—и

всюду жертвы—магометане и евреи. Надъ страной господствуетъ инквизиція,—безчеловѣчное судилище, жадное до крови и имущества иновѣрцевъ. Оно истребляетъ сначала невѣрныхъ, потомъ еретиковъ, т.-е. протестантовъ.

Оно устраиваетъ торжественныя сожженія на городскихъ площадяхъ, предъ королемъ и народомъ. Оно обѣщаетъ отпущеніе

Слуги инквизиціи ведутъ на сожженіе осужденныхъ.

грѣховъ на сорокъ дней тѣмъ, кто будетъ смотрѣть на казни. И сама казнь совершается медленно, сопровождается рѣчами инквизиторовъ въ честь инквизиціи, клятвой короля—вѣчно преслѣдовать и жечь ея враговъ, и весь народъ долженъ подтвердить торжественное обѣщаніе своего государя и проклясть несчастныхъ, одѣтыхъ въ позорную одежду — въ желтый мѣшокъ съ изображеніемъ адскаго пламени и дьяволовъ, въ высокій бумажный колпакъ, съ веревкой на шеѣ или съ желѣзнымъ ошей-

никомъ. И нельзя больше угодить Богу, какъ лично помочь палачамъ, подложить въ пламя хворосту, заглушить бѣшенными воплями невольные стоны мучениковъ.

Такъ инквизиція воспитывала испанскій народъ! И ея мечъ висѣлъ надъ головой каждаго испанца,—кто бы онъ ни былъ, хотя бы принцъ или даже самъ король. Инквизиція имѣла тысячи глазъ и ушей и всегда видѣла и слышала, что ей было угодно. Въ ея подземельяхъ не было ни оправданій, ни пощады,—и высшимъ преступленіемъ она считала жажду знанія, просвѣщенія, уваженіе къ мысли, къ свободному человѣческому чувству.

Къ чему все это могло привести?

Рождайся въ Испаніи даже настоящіе ангелы,—инквизиція непременно или сожгла бы ихъ или заставила бы сжечь другихъ. А толпа уже давно привыкла на костры смотрѣть, какъ на благочестивое и занимательное зрѣлище, и иновѣрца считать хуже звѣря. Можно ли было думать и работать въ такой странѣ? Мысль—преступленіе, а плоды труда—только лишняя приманка для инквизиторовъ.

И Испанія начала цѣпенѣть и замирать уже на вершинѣ своей славы. Она прожила необыкновенно скоротечную молодость и немедленно послѣ побѣды надъ врагами своей вѣры начала старѣть. Враги эти были самыми дѣятельными ея гражданами. Она ихъ или замучила или изгнала,—и страна очутилась будто безъ души, безъ крови. Остались тѣ же громадныя богатства природы,—но больше некому было разрабатывать ихъ. Испанецъ въ теченіе вѣковъ учился преимущественно одному ремеслу—воевать съ невѣрными, а если на это не было силъ, шель въ монастырь, становился священникомъ и мѣнялъ только мечъ на такое же жестокое слово.

И вотъ Сервантесъ родился въ такой странѣ.

На памяти его родителей происходили самыя жестокія преслѣдованія мавровъ. Онъ долженъ былъ слышать хвалу, воздаваемую инквизиціи и королю за окончательное истребленіе иновѣрцевъ въ его отечествѣ. При его жизни слѣдовалъ рядъ папскихъ и королевскихъ повелѣній,—все противъ иновѣрцевъ и еретиковъ.

Испанское духовенство не желало щадить мавровъ, даже принявшихъ католичество. Духовенство сомнѣвалось въ искренности обращенныхъ, и этого сомнѣнія было достаточно, чтобы потребовать изгнанія или истребленія мечомъ всѣхъ новыхъ католиковъ. Нѣкоторые знаменитыя духовныя лица требовали, чтобы и дѣти были перебиты: на томъ свѣтъ Богъ наградитъ невинныхъ. И Сервантесъ могъ видѣть послѣдній актъ страшной драмы. Людей травили, какъ дикихъ звѣрей, гнали ихъ въ Африку, по пути грабили, убивали, топили въ морѣ,—и все это дѣлалось во славу Божью, и король первый называлъ рѣшеніе—изгнать трудолюбивѣйшихъ своихъ подданныхъ — „великимъ“.

Но это не все.

Сервантесу было двѣнадцать лѣтъ, когда по всей Испаніи зажглись костры для протестантовъ, и самъ король и наслѣдникъ престола были свидѣтелями самыхъ торжественныхъ сожженій. Испанскій народъ тысячными толпами сбѣгался въ главные города и въ теченіе шести часовъ любовался ужаснымъ зрѣлищемъ. А молва по всей странѣ разносила вѣсти со всевозможными подробностями о столь великихъ событіяхъ, и дѣти должны были внимать рассказамъ взрослыхъ, вмѣстѣ съ ними въ дѣйствительности или въ воображеніи переживать кровавыя картины, привыкать заранѣ любить ихъ и питать въ себѣ злобу противъ невѣрныхъ и еретиковъ.

И Сервантесъ дышалъ этимъ воздухомъ.

И онъ зналъ, что этотъ воздухъ—не случайное повѣтріе, что онъ искони вѣялъ надъ его родиной.

Стоило ему спросить у своихъ благородныхъ родителей о странѣ,—и ему рассказали бы, какъ, бывало, когда еще у мавровъ были государства, испанскіе рыцари возвращались съ войны съ головами враговъ у сѣдель, и какъ они по пути бросали эти головы дѣтямъ для игръ, какъ самъ св. Фердинандъ собиралъ дрова для костровъ, какъ всѣми почитаемый инквизиторъ Торквемада еще совсѣмъ недавно сжегъ живыми больше десяти тысячъ и около ста тысячъ наказалъ лишеніемъ чести и вѣчной тюрьмой.

Все это слышалъ Сервантесъ и узнавалъ, что святые и герои въ его отечествѣ—непремѣнно преслѣдователи и палачи. Вскорѣ онъ узнаеть еще больше. Знаменитѣйшій современный поэтъ, „фениксъ Испаніи“, „чудо природы“,—такъ всѣ называютъ Лопе де Вега,—и, оказывается, онъ—инквизиторъ. Онъ съ гордостью свои сочиненія подписываетъ не какъ-нибудь иначе, а непремѣнно „слуга святой инквизиціи“. И это не пустой звукъ. Лопе приметъ горячее участіе въ сожженіи протестанта, еврея по происхожденію. Сожженіе выйдетъ необыкновенно торжественнымъ, въ присутствіи короля,—и Лопе будетъ однимъ изъ главныхъ распорядителей. Это произойдетъ уже послѣ смерти Сервантеса,—но, если бы онъ дожилъ до событія,—оно не могло бы изумить его. Жестокостью и кровью дышалъ воздухъ Испаніи,—хотя такъ поэтиченъ ея народъ, такъ много у него поэтовъ, столько чудныхъ пѣсень и бурныхъ головокружительныхъ танцевъ.

Все это не мѣшаетъ удивительному народу служить Богу любви казнями и пытками.

И Сервантесъ—сынъ этого народа.

Онъ станеть писателемъ, поэтомъ, но это не могло помѣшать ему пойти дорогой Лопе де Вега,—и не одного его.

Лопе сочинялъ восторженные похвалы инквизиціи; другой знаменитый поэтъ—Кальдеронъ—приобрѣлъ даже славу „пѣвца инквизиціи“. Это—первостепенныя знаменитости. Они известны за предѣлами Испаніи,—а сколько писателей не столь знаменитыхъ, но такихъ же вѣрныхъ рабовъ страшнаго судилища! Они не только сами служили въ инквизиціи, но даже потомкамъ завѣщали эту службу: болѣе благородной цѣли нѣтъ для испанца!

И все это говорилось и дѣлалось искренно! Другого подобнаго примѣра нѣтъ во всемъ мірѣ. Только Испанія воспитала такія чувства и понятія. Они могутъ казаться намъ дикими, отталкивающими, но они—подлинная исторія, и безъ нихъ нельзя будетъ вполне понять и оцѣнить личность Сервантеса, его гений и его мысли. Ни на минуту не надо забывать, гдѣ и когда жилъ и писалъ авторъ „Донъ-Кихота“. То, что при другихъ

условіяхъ является естественнымъ,—здѣсь становится подвигомъ, высокимъ благородствомъ.

Сервантесъ не нуждается въ снисхожденіи, и намъ не за что судить его. Но нашъ долгъ—найти справедливую цѣну для всѣхъ его дѣйствій и помышленій, какія намъ извѣстны,—а это возможно, когда мы отдѣльнаго человѣка сравнимъ съ другими, рядомъ съ нимъ стоящими.

III.

Сервантесъ принадлежалъ къ очень древней семьѣ—по имени Сааведра. Семья успѣла обѣднѣть задолго до появленія на свѣтъ будущаго великаго писателя, прошлое ея было чрезвычайно славное. Въ теченіе пятисотъ лѣтъ Сааведры воевали съ невѣрными, прошли за своими королями чрезъ весь полуостровъ съ сѣвера на югъ. Было о чемъ послушать позднѣйшимъ потомкамъ! И въ домѣ Сервантеса, у очага, велись нескончаемые рассказы о минувшей славѣ благородной семьи. Рассказы эти, несомнѣнно, были для рыцарей не малымъ утѣшеніемъ въ бѣдности и въ слишкомъ скромной жизни. Сыны слышали отъ отца правила благочестія, передаваемыя изъ рода въ родъ, и ему оставалось слѣдовать этимъ правиламъ въ борьбѣ съ житейскими испытаніями.

Борьба предстояла нелегкая.

Первое правило испанскаго рыцаря—гидальго—умѣть только воевать. Трудъ—ничто неблагородное, даже унизительное. У рыцаря все домашнее имущество заключается въ старинномъ щитѣ, въ копѣѣ на палкѣ, въ тощей клячѣ и въ гончей собакѣ. Обѣдъ его состоитъ изъ куска баранины, иногда говядины, по вечерамъ винегретъ и по праздникамъ пара голубей. На все это уходило три четверти доходовъ гидальго. Остальная четверть расходовалась на платье—суконный полукафтанъ, плисовые панталоны и туфли и на камзолъ изъ саржи для будней.

Такъ Сервантесъ изображаетъ рыцарскую жизнь Донъ-Кихота,—такъ же, надо полагать, жили и Сааведры—въ полуголодной, но безусловно благородной праздности. Юный Сервантесъ

ничего не могъ имѣть противъ семейныхъ преданій. Въ его груди билось сердце воина,—и онъ будетъ прежде всего воиномъ. Впослѣдствіи онъ неумолимо прославляетъ воинскую доблесть. Званіе солдата онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ,—но солдаты-рыцаря. Сервантесъ готовъ жалѣть о томъ, что изобрѣтенъ порохъ, что послѣ этого изобрѣтенія личное мужество утратило свое бывшее значеніе: самый блестящій воинъ можетъ быть сраженъ шальной пулей труса и бѣглеца. Сервантесъ восторженно рисуетъ отвагу воиновъ, въ порывѣ доблестнаго чувства не считающихъ своихъ противниковъ, и оплакиваетъ ихъ тяжелую участь. О нихъ такъ мало заботятся, на ихъ долю выпадаетъ столько лишеній, они часто оканчиваютъ жизнь въ нищетѣ, изувѣченные въ бсяхъ. Какая жестокая несправедливость! И Сервантесъ до конца дней не проститъ ей людямъ, не понимающимъ своего долга предъ героями.

Онъ самъ только и мечтаетъ въ бою завоевать новые лавры своему рыцарскому роду.

Мечты не помѣшали бы ему въ ранней молодости учиться. Кстати его родной городъ Алькала славится университетомъ. Городъ переполненъ профессорами и студентами. Его улицы кажутся черными отъ обилія учёныхъ и учащихся, одѣтыхъ въ черное платье. Студентовъ въ университетъ около двадцати тысячъ,—и сюда стекается молодежь со всѣхъ странъ Европы. И только молодому Сервантесу здѣсь нѣтъ мѣста. Его родители слишкомъ бѣдны, чтобы учить своего сына въ университетъ. Онъ учится въ болѣе доступныхъ школахъ и у менѣ знаменитыхъ учителей. И этого нельзя считать большимъ горемъ.

Въ университетъ Сервантеса стали бы посвящать въ наукахъ, совершенно ненужныхъ въ жизни, томили бы его надъ писателями-монахами, не развивающими ни ума, ни сердца, напротивъ, способными убить всякую самостоятельную мысль и всякое живое чувство. Для Сервантеса было даже счастьемъ уйти подальше отъ подобной учености. Кто знаетъ! Можетъ быть, она успѣла бы подавить его молодую, свободную душу, извратить тотъ чудный здравый смыслъ, который впослѣдствіи такъ тонко

Рыцарь слова и жизни.

R.B. 5495

и мѣтко могъ судить о человѣческой глупости и вообще обо всемъ смѣшномъ и уродливомъ.

Итакъ, Сервантесъ въ школѣ учился мало и отнюдь не былъ ученымъ. Врядъ ли онъ помышлялъ даже о писательствѣ и ^иподозрѣвалъ въ себѣ громадный поэтическій талантъ. Гидальго долженъ воевать, а въ старости молиться Богу, — вотъ и вся мудрость, какую Сервантесъ могъ усвоить въ родномъ домѣ. Только случайно въ сердцѣ будущаго писателя были затронуты другія чувства, — и остались на всю жизнь.)

Событіе — очень скромное; но Сервантесъ всегда вспоминалъ о немъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Когда онъ былъ молодъ, въ Испаніи еще не было настоящихъ театровъ, не было и драматическихъ писателей, — только въ испанскомъ народѣ жила глубокая страсть ко всякаго рода зрѣлищамъ. Таково свойство всякаго южнаго человѣка, — и инквизиція умѣла очень искусно пользоваться этой страстью, превращая казни въ настоящія трагическія представленія. Наконецъ, явился талантливый комедіантъ — веселый, находчивый, прекрасно знавшій народную жизнь, и ему суждено остаться для Сервантеса едва ли не самымъ увлекательнымъ воспоминаніемъ ранней молодости.

Руэда — такъ звали героя этого воспоминанія — не былъ ни писателемъ, ни артистомъ на опредѣленные роли, а золотыхъ дѣлъ мастеромъ; являлся онъ на городскую площадь, быстро воздвигались подмостки въ родѣ эшафота, вѣшался старый занавѣсъ, раздвигавшійся веревками въ одну сторону, не было ни кулисъ, ни декораций, всѣ костюмы ограничивались четырьмя бѣлыми плащами изъ овечьихъ шкуръ, четырьмя бородами и четырьмя пастушескими посохами, — и на сценѣ не появлялось больше трехъ дѣйствующихъ лицъ. Все представленіе состояло изъ какой-нибудь сцены — въ родѣ ссоры мужа съ женой и дочерью. Рѣдкій испанецъ лично не переживаетъ или не видалъ чего-либо подобнаго, — и въ этомъ заключалась привлекательность зрѣлища.

Толпа считала Руэду великимъ человѣкомъ. Громадная слава окружала его при жизни, а по смерти ему оказали величайшую почесть, возможную въ Испаніи, — похоронили въ Кордовскомъ

соброръ. Сервантесъ также былъ убѣжденъ въ геніальности Руэды. За годъ до смерти онъ написалъ похвальное слово о Руэдѣ, — и замѣчательны достоинства, какія Сервантесъ восхвалялъ въ актерѣ: здравый смыслъ, наблюдательность, естественность. Очевидно, и для себя, какъ писателя, Сервантесъ не зналъ болѣе высокихъ цѣлей. Несомнѣнно, впоследствии Сервантесъ съ особенной любовью вспомнилъ о впечатлѣніяхъ своего дѣтства, — вспомнилъ, когда онъ самъ задумалъ сочинять драмы.] Пригодилась память о Руэдѣ и при другихъ весьма печальныхъ обстоятельствахъ, когда Сервантесу пришлось годы томиться въ плѣну, носить цѣпи раба...

Пока онъ не можетъ и предчувствовать этой участи, — онъ, исполненный отваги и силы. Онъ будто рожденъ быть героемъ войны, такова его внѣшность и вся повадка. Мужественное, смуглое лицо, высокій лобъ, брови дугой, орлиный носъ, рѣзко очерченный ротъ, черные волосы, зачесанные назадъ, — это красавецъ воинъ, и для него мало одной храбрости, мужество должно быть безавѣтной отвагой, дерзкимъ вызовомъ судьбѣ. Нужно только поле битвы, — рыцарственное и бурное.

И такое есть.

По всему Средиземному морю идетъ неугомонная борьба между христіанами и магометанами, — преимущественно съ турками. Борьба — беспощадная, отчаянная, съ несказанными жестокостями, — но зато и сказочно-героическая. Обѣ стороны — христіане и невѣрныя — одинаково совершаютъ чудеса храбрости. Это не инквизиція, бившая изъ-за угла, давившая слабого и беззащитнаго, это — грозный поединокъ вѣковыхъ враговъ лицомъ къ лицу, и нѣтъ юноши, не мечтающаго о славѣ именно въ этой битвѣ.

Турція была страшной могущественной державой. Ея адмиралы блистали талантами и отвагой. Султанъ грозилъ всему христіанскому міру позоромъ и рабствомъ. Жители острововъ на Средиземномъ морѣ не могли и дня прожить спокойно, вѣчно ожидая гостей — азіатовъ. Наконецъ, папѣ удалось заключить союзъ съ Испаніей и Австріей, — союзъ сильный, но вялый; одинъ

папа горѣлъ желаніемъ укротить турокъ, а испанскій король только могъ повредить общей цѣли.

Принцъ Донъ-Жуанъ Австрійскій.

Это—Филиппъ II, человекъ мелкой, мрачной и завистливой души. По наклонностямъ и уму онъ могъ быть „служителемъ

святой инквизиціи“⁴, а вовсе не повелителемъ монархіи, гдѣ не заходило солнце. Для него гораздо покойнѣе жечь еретиковъ, вообще воевать съ своими подданными, чѣмъ взять на себя великую задачу усмирить турокъ. Филиппъ не чувствовалъ въ себѣ отваги и мужества, лично не могъ рассчитывать на военную славу, и всякій человѣкъ, способный быть героемъ, вызывалъ у него зависть и ненависть.

Такъ и случилось съ вождемъ союзнаго флота Донъ-Жуаномъ Австрійскимъ, братомъ короля. Для всѣхъ Донъ-Жуанъ былъ великимъ воиномъ, любимымъ начальникомъ, для одного Филиппа—ненавистнымъ укоромъ его собственному ничтожеству.

Сервантесъ восторженно преклонялся предъ блестящимъ принцемъ. При первой вѣсти о войнѣ онъ отправляется подъ его начальство. И онъ не одинъ. Имя Донъ-Жуана звучало будто непобѣдимый призывъ. Студенты покидали университеты и толпами шли подъ знамена принца. Молодежь будто справляла праздникъ. Мало кто сомнѣвался въ побѣдѣ, и Сервантесъ стоялъ въ первомъ ряду вѣрующихъ и торжествующихъ.

Онъ переживалъ дни лихорадочнаго возбужденія. Въ немъ закипѣла кровь рыцаря, потомка древнихъ героевъ. Онъ стогалъ нетерпѣніемъ скорѣе броситься въ бой и не могъ дожидаться желаннаго часа. Отъ волненія Сервантесъ заболѣваетъ, и корабль везетъ его больного, въ постели, въ то время, когда кругомъ привѣтствія въ честь Донъ-Жуана, и принцъ предъ сраженіемъ съ Распятіемъ въ рукѣ обвѣзжаетъ флотъ.

Сервантесъ не въ силахъ терпѣть одиночества и покоя; онъ встаетъ съ постели, выбѣгаетъ на палубу и требуетъ, чтобы ему позволили сражаться. Офицеръ посылаетъ его назадъ—въ каюту. Сервантесъ чувствуетъ, какъ краска стыда и гнѣва заликаетъ его лицо, и онъ кричитъ офицеру: „До сихъ поръ я служилъ, какъ добрый солдатъ; пусть сегодня я боленъ, тѣмъ лучше умереть въ битвѣ за Бога и короля, чѣмъ хорониться въ углу“.

И онъ настаиваетъ на своемъ, ему даютъ мѣсто въ первомъ ряду. Начинается битва,—знаменитая битва при Лепанто. На каждомъ кораблѣ кипитъ бой. Сервантесъ попадаетъ въ самую

горячую схватку, получаетъ четыре раны, и пуля раздробляетъ ему лѣвую руку. Но турки разбиты, пятнадцать тысячъ христіанъ-гребцовъ на турецкихъ корабляхъ освобождены,—чудная картина, и побѣдителямъ кажется, что отнынѣ христіанскій міръ навсегда восторжествовалъ надъ магометанскимъ.

А Сервантесъ?

Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя счастливымъ, несмотря на раны, и онъ такъ описываетъ свое счастье:

„Когда звуки торжества прозвучали въ прозрачномъ воздухѣ, и трубы возвѣстили побѣду христіанскаго оружія, въ эту сладостную минуту, печальный, я стоялъ, положивъ руку на шпагу,—другая истекала кровью.

„Я чувствовалъ глубокую рану въ моей груди, и лѣвая рука моя была разбита на части.

„Но когда я видѣлъ, что христіане разбили жестокой и невѣрный народъ,—такая несказанная радость наполняла мою душу, что я не замѣчалъ своей раны, хотя смертельная боль вызывала головокруженіе“.

И Сервантесъ до конца дней не забывалъ этой радостной минуты, когда ни увѣче, ни страшныя страданія не мѣшали ему раздѣлять праздникъ христіанскаго войска.

Для него навсегда имя Лепанто осталось славнѣйшимъ именемъ. Онъ не переставалъ вспоминать, что онъ принималъ участіе въ „великомъ дѣлѣ, когда была сломлена надменность турокъ“. Онъ гордился своими ранами, еще предъ смертью онъ славилъ Донъ-Жуана.

Кругомъ не было слышно ни одного сочувствующаго голоса,—развѣ только какой оставшійся въ живыхъ герой могъ присоединиться къ воспоминаніямъ поэта. А другіе смѣялись надъ его дорогимъ прошлымъ, даже надъ его убогой рукой,—и особенно надъ его рыцарскими мечтами.

О чемъ же мечталъ Сервантесъ еще раньше, чѣмъ сталъ писателемъ?

О томъ, что долго послѣ него, даже до нашихъ дней осталось

надеждой многих — не только мечтателей, но и вполне положительных людей.

Вопросъ шелъ о вѣковой борьбѣ Востока и Запада, христіанства и магометанства, Европы и турецкой имперіи. Дѣло заключалось не въ томъ, чтобы магометанъ обратить въ Христову вѣру, а чтобы просвѣщеніе защитить отъ варварства, мирный трудъ — отъ разбоя. Турція тогда представляла дикую силу, разрушительную, знающую только неограниченнаго, жестокаго владыку и задавленнаго раба. И Турція желала быть такимъ господиномъ надъ христіанскимъ міромъ.

И вотъ Сервантесъ съ молодыхъ лѣтъ сталъ болѣть состраданіемъ къ жертвамъ турецкихъ насилій, и никто глубже его не чувствовалъ обиды, когда все Средиземное море кишѣло пиратами, и они держали въ страхѣ христіанскіе народы.

Онъ не можетъ понять, какъ могущественный испанскій король допускаетъ дерзость невѣрныхъ. Впослѣдствіи онъ станетъ въ своихъ произведеніяхъ слезно умолять его спасти христіанъ, призоветъ въ свидѣтели всю громадную силу испанской державы, нарисуетъ потрясающую картину страданій христіанскихъ плѣнниковъ, напомнитъ Филиппу славу его предковъ, — все будетъ напрасно: Филиппу нужнѣе истреблять еретиковъ, чѣмъ освобождать христіанъ.

И какъ всегда бываетъ, призывъ одинокаго поэта вызывалъ насмѣшки. Какой странный, неразумный человѣкъ! Зоветь своего государя къ такой трудной дѣли. Это, пожалуй, было умѣстно лѣтъ четырехста или триста назадъ, — тогда являлись крестоносцы и шли умирать въ Святую землю. Теперь все это — „донъ-кихотство“, и изувѣченный воинъ воюетъ съ призраками и вѣтреными мельницами.

Но Сервантесъ не унимался.

Послѣ битвы при Лепанто онъ зиму пролѣгилъ, весной рассчитывалъ снова вступить въ ряды войска, — но борьбѣ не суждено продолжаться. Донъ-Жуана король отправилъ воевать противъ еретиковъ, испанскія войска были распущены, Сервантесъ вмѣстѣ съ братомъ возвращался домой. На пути въ чудную дун-

ную ночь въ открытомъ морѣ мавры напали на корабль, и послѣ отчаянной битвы Сервантесъ и его братъ стали плѣнниками. Ихъ отправили въ Алжирь.

Начались годы неволи, — цѣлыхъ пять лѣтъ тяжелыхъ испытанийъ подѣ неограниченной властью ожесточенныхъ враговъ.]

IV.

Наша исторія начинаетъ походить на сказку, хотя она и вполне достоверна. Ничего чудеснаго и сверхъестественнаго нѣтъ; событія все совершаются силой человѣка, — но эта сила до такой степени велика и внушительна, что подчасъ даже подлинный рассказъ кажется едва вѣроятнымъ.

Ничего не было удивительнаго въ томъ, что Сервантесъ попалъ въ плѣнъ. Въ тѣ времена судьба какого угодно человѣка быстро мѣнялась: сегодня онъ начальствовалъ надъ тысячами, а завтра сидѣлъ въ каторжной тюрьмѣ, закованный въ цѣпи. Но положеніе Сервантеса съ самаго начала оказалось особенно тяжелымъ.

[Сервантесъ плылъ въ Испанію съ хвалебными письмами отъ своихъ начальниковъ, — въ томъ числѣ отъ Донъ-Жуана. Въ письмахъ говорилось о блестящемъ мужествѣ изувѣченнаго рыцаря, призывалась на него особая милость короля. Мавры нашли эти письма и тотчасъ же вообразили, что имъ попался чрезвычайно важный плѣнникъ, за него можно получить богатый выкупъ, — слѣдовательно, держать его надо покрѣпче и построже.]

Сервантеса привезли въ Алжирь. Здѣсь въ то время царило настоящее столпотвореніе вавилонское. Можно было встрѣтить представителей всехъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, множество католиковъ — вѣроотступниковъ, и все эти люди говорили на удивительномъ нарѣчій, составленномъ изъ разныхъ языковъ. Торговали здѣсь всевозможными товарами, начиная съ соли и кончая людьми. У азіатовъ приказчиками и рабами служили христіане. Не мало встрѣчалось въ Алжирѣ и русскихъ купцовъ. Турки были господами и правили страной при помощи

пытки и казней. Не проходило дня безъ убійства, при томъ са-
маго утонченнаго. Особенно много страданій выпадало на долю
плѣнниковъ, признанныхъ богатыми и важными лицами и не
вносившихъ выкупа. Турки съ такими устраивали цѣлѣя пред-
ставленія, оказывали имъ сначала разныя почести, становились
предъ ними на колѣни и потомъ принимались истязать.

Сервантесу угрожала подобная участь. Даже на скромный вы-
купъ онъ едва могъ разсчитывать, тѣмъ болѣе, что въ плѣну на-
ходился съ нимъ его братъ. Сервантеса заковали въ цѣпи, по-
мѣстили въ темной, зловонной ямѣ и заставили его зарабаты-
вать ежедневно жалкое пропитаніе разными домашними рабо-
тами. Кругомъ него работали рабы съ отрѣзанными ушами и
носами: это было наказаніемъ за попытку бѣжать. X

И Сервантесъ ежедневно былъ свидѣтелемъ безпримѣрныхъ
казней и увѣчій, видѣлъ, какъ христіане, не выдерживавшіе
мукъ, принимали магометанство и становились свирѣпыми гони-
телями своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. На всю жизнь у Сер-
вантеса осталась глубокая грусть послѣ пятилѣтняго плѣна, и
никогда онъ не могъ уже радостно смотрѣть на людей и ихъ
дѣла. И все-таки онъ находилъ возможность утѣшать другихъ и
даже заботиться объ ихъ спасеніи.

Въ плѣну сказался впервые чудный поэтическій талантъ Сер-
вантеса. Въ острогѣ, среди озлобленныхъ или забытыхъ людей,
оцѣненныхъ, будто скотъ, Сервантесъ начиналъ говорить о на-
деждахъ на свободу, старался разсѣять душевныя муки товари-
щей: „поговоримъ о войнахъ, припомнимъ наши походы“, обра-
щался онъ къ нимъ,—и завязывалась общая бесѣда; воспомина-
нія о прошломъ будто освѣщали тѣму настоящаго, и каждый
припоминалъ славу своихъ вождей, свою собственную. Тогда
Сервантесомъ овладѣвало поэтическое вдохновеніе; онъ перекла-
дывалъ разказы въ стихи, и кругомъ него становилось легче и
свѣтлѣй.

Тогда пригодились и воспоминанія о Руэдѣ.

Сервантесъ устроилъ спектакль. Онъ припомнилъ народныя
пѣсни, какія слышалъ въ дѣтствѣ на представленіяхъ Руэды,

воспользовался праздникомъ Рождества и изобразилъ на сценѣ въ лицахъ священное событіе. Спектакль имѣлъ громадный успѣхъ. Пѣвники рвались толпой въ острогъ взглянуть на невиданное зрѣлище.

Но именно это удовольствіе и было прервано трагедіей, уже не театральной, а настоящей.

Туркамъ показалось, будто на горизонтѣ появился христіанскій флотъ. Они мгновенно рѣшили перебить христіанъ, раньше чѣмъ придетъ къ нимъ спасеніе. Никакого флота не было, алжирцы облака приняли за корабли, но рѣшеніе выполнено, множество христіанъ убито на улицахъ города, въ острогѣ. Христіанскій праздникъ закончился кровью и смертью.

Такою жизнь вель Сервантесъ,—и все ужасы не помѣшали ему даже въ цѣпяхъ хлопотать о спасеніи плѣнныхъ.

Одинъ планъ слѣдуетъ за другимъ. Брата Сервантеса семья кое-какъ выкупила; за самого него турки требовали непомерную цѣну, — пришлось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Но, желая спасти себя, Сервантесъ не забывалъ товарищей и преимущественно ради нихъ подвергался сильнѣйшимъ опасностямъ. Именно исторія этихъ предпріятій часто напоминаетъ скорѣе вымышленное приключеніе, чѣмъ дѣйствительное происшествіе.

Сервантесъ подговариваетъ мавра-проводника, беретъ съ собой нѣсколько товарищей и уходитъ въ пустыню къ берегу. Проводникъ бросаетъ бѣглецовъ на пути, они вынуждены вернуться назадъ,—и, неизвѣстно какимъ чудомъ, Сервантесъ избѣгаетъ наказанія.

Второй планъ гораздо обширнѣе и еще смѣлѣе.

Сервантесъ уговаривается съ христіаниномъ, слугой богатаго магометанина, скрыть четырнадцать человекъ плѣнныхъ въ саду господина. Братъ Сервантеса уѣхалъ въ Испанію, обѣщая при-
быть на корабль за бѣглецами.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, садовникъ кормилъ бѣглецовъ, но корабля все нѣтъ. Наконецъ, корабль появился,—мавры тотчасъ же его замѣтили, подняли тревогу, корабль ушелъ, а нѣсколько дней спустя была открыта и тайна Сервантеса.

Пещеру окружили мавры, извлекли бѣглецовъ, — Сервантесъ едва успѣлъ крикнуть имъ: „единственное ваше спасеніе — во всемъ винить меня“.

И, обратившись къ солдатамъ, Сервантесъ объявилъ:

— Никто изъ христіанъ не виноватъ, — я одинъ все сдѣлалъ...

Его привели къ дею, правителю Алжира, — тотъ же отвѣтъ на допросъ и тѣ же слова соумышленниковъ Сервантеса.

Плѣнникъ въ цѣпяхъ.

Герой подробно разсказалъ свой замыселъ, все, что произошло за послѣдніе мѣсяцы; деи не вѣрили разсказу, грозилъ пытками и смертью, — Сервантеса вновь заковали въ цѣпи, посадили въ острогъ, — но жизнь его пощадили: алжирцы не могли опомниться отъ изумленія.

Сервантесъ не палъ духомъ и послѣ второй неудачи. „Надежда возвратитъ свободу, — говоритъ онъ, — никогда не покидала меня. Я думалъ, хлопоталъ, и, когда успѣхъ не отвѣчалъ моему

намѣренію, не поддаваясь горести, я хватался за новую надежду, и какъ бы ни была она слаба, она поддерживала мое мужество“.

Сервантесъ расширяетъ свои планы, онъ начинаетъ мечтать спасти уже не десятокъ-другой своихъ товарищей, а всѣхъ христіанъ, попавшихъ въ рабство къ магометанамъ. До Алжира дошли смутные слухи о намѣреніи короля Филиппа напасть на Африку. Слухи были живы,—но они до послѣдней степени ухудшили участь плѣнниковъ.

Теперь ихъ съ удвоенной силой начали мучить голодомъ, безпрестанно увѣчили ихъ безъ всякой вины; даже турки находили, что ихъ господинъ слишкомъ жестокъ съ христіанами и дѣлаетъ зло просто изъ любви къ злу.

И вотъ въ это-то время Сервантесъ составилъ третій планъ бѣгства. Онъ послалъ письмо къ коменданту испанской крѣпости—Орана, недалеко отъ Алжира, извѣщаль о своемъ намѣреніи бѣжать и просилъ помощи. Посланный былъ пойманъ и казненъ, Сервантесу назначено двѣ тысячи палокъ, но приговоръ и на этотъ разъ не привели въ исполненіе. Сервантесъ и теперь не укротился. Письмо къ коменданту только начало. Потерпѣвъ неудачу, онъ подговариваетъ одного христіанина отступника, убѣждаетъ его вновь обратиться въ католичество и вернуться въ Испанію. Тотъ подчиняется краснорѣчію Сервантеса, достаетъ у купцовъ денегъ на покупку корабля, но среди сообщниковъ нашелся измѣнникъ, планъ снова открыть, и Сервантесъ снова виноватъ одинъ.

Этого онъ самъ желаетъ, онъ клятвенно завѣряетъ купцовъ, что всю вину приметъ на себя, что даже смерть не заставитъ его назвать чьего-либо имени.

Купцы умоляли его бѣжать одного, лишь только явилось подозрѣніе, что заговоръ открытъ. Сервантесъ рѣшительно отказывается. Онъ видитъ, купцы боятся, какъ бы онъ отъ страха пытками и смертью не выдалъ ихъ.

И Сервантесъ остается.

Ему накинута петлю на шею и объявили: если онъ не вы-

дасть сообщниковъ, будетъ казнень. Всѣ угрозы напрасны. Сервантесъ готовъ на какую угодно расплату, а его снова оставляютъ безнаказаннымъ.

Что сдерживало магометанъ? Почему они щадили челоуѣка, причинявшаго имъ столько безпокойства? Они сами говорили: „когда калѣка-испанецъ подъ хорошимъ присмотромъ, можно быть спокойнымъ за городъ и за плѣнниковъ“.

Но никакой присмотръ не пугалъ Сервантеса. Ничего не стоило отдѣлаться отъ него, и все-таки его оставляли живымъ и даже безнаказаннымъ.

Свидѣтели событій пытаются разгадать загадку, хотя и не всякому легко усвоить разгадку.

Сервантесъ, говорятъ они, производилъ неотразимое впечатлѣнiе на магометанъ] силой своей воли, своимъ мужествомъ, всей своей благородной личностью. Магометане, сами воины, умѣли цѣнить доблесть и самоотверженiе. Калѣка-воинъ, такъ рѣшительно жертвовавшій собой за другихъ, неуклонно приписывавшій всякій заговоръ одному себѣ, съ неизмѣннымъ мужествомъ глядѣвшій въ глаза смерти,—такой челоуѣкъ вызывалъ невольное уваженiе къ своей личности.

Даже больше: алжирцы умѣли не только отличать Сервантеса, но по достоинству цѣнить предателей, измѣнявшихъ ему.

Доносчикъ былъ награжденъ всего одной золотой монетой и горшкомъ масла, а между тѣмъ именно этотъ доносчикъ разстроилъ послѣднiй и самый опасный замыселъ Сервантеса.

Не было тайной, что Сервантесъ рассчитывалъ на возстанiе всѣхъ христіанъ-рабовъ, мечталъ о христіанскомъ государствѣ намѣсто мусульманскаго. Всѣ видѣли необыкновенное влiенiе Сервантеса на товарищей, его блестящiй талантъ убѣждать и увлекать другихъ въ свои предпріятiя, и все-таки заговорщикъ оставался цѣлъ.

Такую власть возымѣла красота челоуѣческой личности. Даже надъ народомъ, ненавидѣвшимъ и презиравшимъ своихъ враговъ-иновѣрцевъ! Исторiя знаетъ не мало великихъ и мужественныхъ людей, умѣвшихъ при какихъ угодно лишенiяхъ за-

щищать свою вѣру, свои убѣжденія; но исторія не знаетъ ничего похожаго на повѣсть о плѣнѣ Сервантеса, ничего столь величаваго и въ то же время человѣчнаго.

И это было одной пока только первой частью долголѣтней рыцарской борьбы, именуемой „жизнью Сервантеса“.

V.

Наступилъ сентябрь 1584 года. Кончалось пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сервантесъ сталъ рабомъ. Теперь онъ принадлежалъ другому господину. У пирата, захватившаго Сервантеса, его перекупилъ дей, правитель Алжира, и рассчитывалъ съ лихвою вернуть свою затрату.

Ни тому, ни другому господину Сервантесъ не давалъ покою своими вѣчными замыслами—спастись изъ плѣна и спасти другихъ. Но чѣмъ ярче обнаруживалось мужество Сервантеса, чѣмъ больше онъ вліялъ на своихъ товарищей,—тѣмъ выше поднималась ему цѣна въ глазахъ господина. Дей цѣнилъ испанца-калѣку не меньше какъ въ тысячу червонцевъ. Такой суммы онъ, навѣрное, не дождался бы до самой смерти своего раба. Помогъ счастливый случай. Дею пришлось уступить.

Срокъ его правленія въ Алжирѣ истекалъ. Султанъ призывалъ дея въ Константинополь. Надо было предварительно отправить въ Турцію и рабовъ, и все имущество. Это заняло цѣлый флотъ. Дей, какъ настоящій турецкій властитель, нещадно грабилъ страну и теперь уѣзжалъ съ громадными богатствами, даже отчасти стѣснительными при переездѣ.

Рабы, отплывавшіе въ турецкую столицу, должны были навсегда проститься съ надеждой на свободу. Въ Алжирѣ еще представлялась возможность спастись бѣгствомъ или какъ-нибудь дожидаться выкупа. Существовалъ монашескій орденъ св. Троицы, и братья этого ордена по уставу обязаны были хлопотать объ освобожденіи плѣнныхъ христіанъ. Монахи собирали деньги съ ихъ родственниковъ, вообще съ благодѣтелей, и выкупали рабовъ,—разумѣется, тѣхъ, кого не особенно дорого цѣнили владыцы.

Сервантесъ не могъ разсчитывать и на усердіе монаховъ, если бы не затруднительное положеніе дея. Въ Константинополѣ меньше чѣмъ въ Алжирѣ приходилось надѣяться на богатый выкупъ раба-испанца. Сервантесъ оказывался безпокойнымъ и не особенно полезнымъ грузомъ. Въ качествѣ работника онъ представлялъ самую незначительную цѣнность, съ разбитой лѣвой рукой и съ распатаннымъ здоровьемъ. Выгоднѣе было получить выкупъ и увезти лучше деньги, чѣмъ искалѣченнаго раба.

Отецъ Сервантеса успѣлъ умереть, пока хлопоталъ за своего сына. Мать съ крайними усиліями собрала триста червонцевъ. Двѣ сестры Сервантеса пожертвовали свое приданое, третья—замужняя—внесла свою долю, помогли добрые люди, даже какой-то слуга внесъ свою лепту; наконецъ, король подарилъ вдовѣ пошлину съ товара на двѣ тысячи червонцевъ, вывозимаго въ Алжиръ. Мать Сервантеса этотъ подарокъ продала за шестьдесятъ червонцевъ. Набралось такимъ образомъ около четырехъ сотъ.

Далеко было до тысячи! А время не терпѣло. Сервантеса посадили на корабль, въ цѣпяхъ. Флотъ готовился къ отплытію. Къ счастью плѣнника, дѣло его взялъ въ руки умный дѣятельный монахъ, по имени Гиль. Онъ усердно сталъ посѣщать дея, убѣждать его, что Сервантесъ и въ Турціи не перестанетъ составлять заговоры,—пожалуй, даже на жизнь самого господина, а выкупа все равно не придется получить.

Дея слушалъ и соображалъ. Шелъ настоящій торгъ. Монахъ предложилъ дополнить сумму до пятисотъ червонцевъ. Дея, наконецъ, согласился. Девятнадцатаго октября Сервантесъ получилъ свободу, пробывъ въ плѣну пять лѣтъ безъ семи дней.

Но и теперъ ему не удалось немедленно оставить Алжиръ и порвать навсегда со своими злключеніями, по крайней мѣрѣ, въ Африкѣ.

У Сервантеса нашелся непримиримый врагъ среди соотечественниковъ и христіанъ, монахъ по имени Бланко-де-ла-Пацъ. Чѣмъ вызывалась его вражда?

Самой низкой и презрѣнной причиною, — завистью. Серван-

тесъ занималъ первое, въ высшей степени почетное положеніе среди всѣхъ испанцевъ, жившихъ въ Алжирѣ, считался образцомъ мужества, честности, душевной красоты. Ему подчинялись даже люди сами по себѣ малодушные и подавленные рабствомъ, а болѣе смѣлые прославляли его, какъ героя.

Бланко не могъ вынести этого почета, какъ личнаго для себя оскорбленія. Сначала, во время одного изъ замысловъ Сервантеса спастись изъ плѣна, онъ донесъ на него дею. Расчетъ былъ очевидный,—довести ненавистнаго человѣка до висѣлицы. Расчетъ не удался: дей оказался человѣчнѣе испанскаго монаха.

Тогда Бланко рѣшился прибѣгнуть къ самому крайнему средству: противъ него въ старой Испаніи не было защиты. Онъ объявилъ себя членомъ св. инквизиціи и, какъ инквизиторъ, потребовалъ неограниченнаго повиновенія отъ всѣхъ мірянъ и монаховъ,—отъ всякаго, кто исповѣдывалъ католическую вѣру.

Цѣль была—собрать противъ Сервантеса нужныя свидѣтельства и, когда онъ вернется въ Испанію, направить противъ него инквизицію.

Бланко сталъ обходить плѣнныхъ христіанъ, сулилъ имъ всевозможныя награды, особенно свое всемогущее инквизиторское заступничество, обѣщаль деньги, свободу,—пусть только христіане засвидѣтельствуютъ преступное поведеніе Сервантеса во время плѣна. Они должны показать, что Сервантесъ — дурной христіанинъ и испанецъ, что онъ равнодушно относился къ страданіямъ христіанъ и вообще отличался предосудительнымъ характеромъ, достойнымъ кары св. инквизиціи.

Когда Бланко обратился съ этими навѣтами къ плѣнникамъ, со всѣхъ сторонъ поднялись крики негодованія. Бланко едва не растерзали,—его спасъ одинъ изъ друзей Сервантеса, указывая разъяренному народу на его священное платье монаха.

Но, разумѣется, никакое возмущеніе честныхъ людей не могло остановить Бланко. Онъ теперь намѣревался подвергнуть мести инквизиціи заодно съ Сервантесомъ и тѣхъ, кто защищали благороднаго человѣка.

Въ Алжирѣ еще можно было не бояться козней инквизитора,—

но въ Испаніи Сервантеса ждалъ судъ безопадный и уни-
тельный. Тогда онъ рѣшается не оставлять Алжира раньше,
чѣмъ на мѣстѣ не очиститъ себя отъ позорной клеветы.

Сервантесъ начинаетъ слѣдствіе надъ самимъ собой и обра-
щается къ представителю ордена св. Троицы съ просьбой устроить
судъ надъ нимъ—Сервантесомъ, публично собрать показанія сви-
дѣтелей объ его жизни въ плѣну, объ его нравственности, вообще
обо всемъ, что касается его личности.

Просьба Сервантеса выполняется съ точностью, и предъ со-
браніемъ высшихъ духовныхъ католическихъ особъ въ Алжирѣ
происходитъ судъ надъ преступникомъ, лично пожелавшимъ суда.

Очевидцы рассказываютъ подробно жизнь Сервантеса за пять
лѣтъ,—и всѣ рассказы клонятся къ одной цѣли: превознести
Сервантеса, какъ необыкновенно добраго и мужественнаго че-
ловѣка.

Одинъ свидѣтель показываетъ:

— Я былъ въ пещерѣ, въ саду. Мы обязаны своимъ спасе-
ніемъ его благородству, и оно ему приобрѣло великую славу. Его
благоразуміе и его умъ достойны вѣнца...

Свидѣтель-монахъ говоритъ:

— Мнѣ насказали о немъ столько дурного! Я познакомился
съ нимъ и сталъ его другомъ, какъ и всѣ плѣнники, которые
могли узнать его характеръ.

Третій свидѣтель, дворянинъ, рассказываетъ:

— Я прибылъ сюда изъ Константинополя. Я спросилъ, нѣтъ ли
въ Алжирѣ людей знатнаго происхожденія?.. Мнѣ отвѣтили: есть
здѣсь замѣчательный человѣкъ, благородный, доблестный, хоро-
шаго происхожденія, другъ рыцарей,—это Мигуэль Сервантесъ.
Я отыскалъ его. Онъ помѣстилъ меня въ своей комнатѣ, далъ
мнѣ платье, денегъ. Я нашелъ въ немъ отца и мать.

Сервантесъ вышелъ изъ суда торжествующимъ. Клеветнику
оставалось затаить злобу про себя. Но для Сервантеса это — не
последнее испытаніе. У Бланко впоследствии найдутся подража-
тели, и грозный призракъ инквизиціи будетъ призванъ противъ
автора Донъ-Кихота даже на старости лѣтъ.

Пока Сервантесъ не можетъ предчувствовать ничего подобнаго. Онъ свободенъ. Предъ нимъ — родина и родные. Правда, блестящихъ надеждъ молодости уже нѣтъ и быть не можетъ. Сервантесъ ближе узналъ людей, во многомъ разочаровался, многое оскорбляло его до глубины души. Въ Испанію онъ возвращался калѣкой, бѣднякомъ, въ одеждѣ раба: пока не было средствъ одѣться въ другое платье. По его словамъ, самое цѣнное достояніе, какое онъ везъ изъ плѣна на родину, заключалось въ наукѣ терпѣть: „я научился, — говорилъ Сервантесъ, — сохранять терпѣніе въ несчастіяхъ“.

И оно не только цѣнное достояніе—для Сервантеса,—необходимое. Оно немедленно потребовалось, лишь только освобожденный вошь вступилъ на родную почву и осмотрѣлся кругомъ...

Немногого онъ ждалъ и еще меньше получилъ!

VI.

Первыя минуты, когда берегъ Испаніи принялъ Сервантеса послѣ такой многолѣтней и тягостной разлуки, были минутами счастья, восторженнаго свиданія съ горячо любимой родиной. О нихъ рассказалъ самъ Сервантесъ. „Уже приближеніе къ Испаніи наполнило сердца путниковъ радостью: увидѣвъ испанскіе берега, мы забыли всѣ претерпѣнные нами несчастія, бѣдствія и нищету, какъ-будто испытали ихъ не мы, а другіе: такъ велико счастье возвратить потерянную свободу!.. Мы вышли на берегъ и, павъ на колѣни, облобызали родимую землю и съ глазами, полными отрадныхъ слезъ, возблагодарили Господа, освившаго насъ Своимъ покровомъ во время нашего пути“.

По обычаю освобожденныхъ плѣнниковъ, первымъ дѣломъ Сервантеса на родинѣ было отправиться босымъ въ церковь и повѣсить на ея стѣнахъ свои цѣпи. Обрядъ выполненъ,—оставалось заняться житейскими дѣлами.

Начало предстояло невеселое.

Семья Сервантеса окончательно разорена выкупомъ сыновей. Братъ—въ военной службѣ, война идетъ съ Португаліей. Пер-

вая надежда Сервантеса—получить какую-либо награду за свои старые подвиги, за день при Лепанто. И онъ рассчитывалъ на королевскую милость не только для себя. Старые солдаты и моряки, вмѣстѣ съ нимъ вернувшіеся изъ Алжира, поручили ему ходатайствовать и за нихъ предъ королемъ.

Сервантесъ отправился ко двору, и нашелъ здѣсь громадную толпу просителей испанцевъ, итальянцевъ, португальцевъ. Несомнѣнно, — Лепантскій герой имѣлъ преимущество, — король и принялъ его, приказалъ выдать ему сто дукатовъ, въ два пріема, по пятидесяти. Сервантесъ просилъ какой-либо должности, ему общали.

Насколько обѣщаніе было выполнено, и было ли оно вообще выполнено,—трудно сказать. Въ жизни Сервантеса вообще не мало загадокъ, даже цѣлые годы до сихъ поръ остаются простыми цифрами, мы не знаемъ, что дѣлалъ и гдѣ жилъ Сервантесъ. Можно только думать, что правительство во всякомъ случаѣ не позаботилось о прочномъ обезпеченіи Сервантеса,—иначе онъ врядъ ли поступилъ бы опять въ дѣйствующую армію.

Сервантесъ участвовалъ въ войнѣ съ Португаліей, жилъ, по видимому, довольно долго въ Лиссабонѣ, и это время оказалось для Сервантеса весьма отраднымъ. Можетъ быть, Сервантесъ занималъ какую-нибудь мирную должность при арміи, — въ родѣ завѣдующаго провіантомъ. Впослѣдствіи именно въ этомъ дѣлѣ его будутъ считать человекомъ опытнымъ. Какъ бы то ни было Сервантесъ и позже съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ о Лиссабонѣ и восхищался въ стихахъ красотой лиссабонокъ.

Для насъ важно и другое обстоятельство: именно въ Лиссабонѣ Сервантесъ сталъ писателемъ.

Случилось это у него неволью, неожиданно. Онъ полюбилъ дѣвушку изъ очень знатной и бѣдной семьи. У самого Сервантеса не было никакихъ средствъ. Семья дѣвушки не особенно была расположена пріобрѣсти родственника въ лицѣ увѣчнаго и почти нищаго гидальго. Несомнѣнно, на дѣвушку вліяли въ этомъ смыслѣ,—и Сервантесъ призывалъ на помощь поэзію, написалъ романъ въ честь своей избранницы. Автору приходи-

дось сильно стараться: опаснымъ соперникомъ у него явился нѣкій португалець, едва не отбившій невѣсты.

Романъ „Галаatea“ остался неоконченнымъ. Впрочемъ, Сервантесъ пересталъ его писать, лишь только достигъ цѣли, т. е. женился. И намъ не приходится жалѣть объ этомъ. Въ романѣ совсѣмъ другой авторъ, чѣмъ написавшій впоследствии „Донъ-Кихота“. Исторія Ламанческаго рыцаря рассказана удивительно просто, душевно и необыкновенно увлекательно; романъ, напротивъ, написанъ во вкусъ того времени. Излагается въ немъ безконечная исторія увлеченій пастуховъ и пастушекъ, рассказы украшены многочисленными поучительными разсужденіями, авторъ всюду старается быть непременно краснорѣчивымъ и чувствительнымъ; выходитъ искусственно и тягуче. Только тамъ, гдѣ Сервантесъ вспоминаетъ о дѣйствительныхъ событіяхъ своей жизни, — рассказъ занимателенъ и простъ.

Можетъ быть, Сервантесъ и самъ почувствовалъ недостатки своего произведенія и перешелъ къ другому. Писать ему оказалось необходимымъ: у Сервантеса не было другихъ средствъ существовать. Служить солдатомъ съ одной рукой и снова начинать службу почти сорока лѣтъ — трудно, а потомъ солдатское жалованье по испанскому обычаю весьма небрежно уплачивалось и не могло содержать семьи. Какъ-нибудь иначе пристроить изувѣченнаго воина правительство не считало нужнымъ, и Сервантесъ сталъ писателемъ.

Также не легкая и даже не особенно почтенная задача въ Испаніи пятнадцатаго вѣка! Самъ Сервантесъ врядъ ли сталъ бы особенно усердно заниматься литературой, если бы у него было состояніе. Въ настоящее время цѣнится всякій трудъ, полезный для общества, и, разумѣется, умственный — ставится высоко. Въ старой Испаніи первыми людьми считались воины и монахи, — всякое другое занятіе казалось менѣ благороднымъ и нуждалось въ покровительствѣ церкви или вельможъ.

Испанецъ, рѣшившійся быть только писателемъ, все равно съ какимъ угодно талантомъ, обязанъ поступить въ секретари къ какому-нибудь знатному лицу. А секретарство не что иное, какъ

та же служба. Конечно, секретарь не лакей, но все-таки только первый среди домашней челяди графа или герцога. У насъ есть блестящій примѣръ—Лопе де-Вега. Во всей Испаніи не было болѣе славнаго и любимаго поэта. Даже за границей имя Лопе де-Веги пользовалось громадною извѣстностью. И все-таки чело-вѣкъ съ такой славой принадлежалъ къ свитѣ нѣкоего герцога. И если вообще Лопе, въ литературѣ считавшійся великимъ и гениальнымъ, могъ пользоваться общественнымъ уваженіемъ, независимостью, то не какъ поэтъ, а какъ священникъ. Не даромъ онъ такъ усердно выставлялъ на видъ свою службу въ инкви-зиціи. Какъ „слуга“ св. судилища онъ могъ несравненно скорѣе рассчитывать на почетъ, чѣмъ въ качествѣ поэта. И если бы Сервантесъ послѣдовалъ примѣру своего знаменитаго и сча-стливаго современника,—онъ, несомнѣнно, спасся бы отъ нужды и вѣчныхъ поисковъ за кускомъ хлѣба.

Сервантесъ сначала предпочелъ быть солдатомъ, потомъ писа-телемъ. Ни тамъ, ни здѣсь ему не суждено было удачи, т.-е. практическихъ выгодъ. На Филиппа II онъ не могъ произвести пріятнаго впечатлѣнія: король съ ненавистью относился ко всему, что напоминало Лепантскую битву, т.-е. доблесть Донъ-Жуана,—и Сервантесу нечего было ждать милостей съ этой стороны.

Не лучше взглянули на него и любители поэзіи.

Ихъ было трое—два свѣтскихъ аристократа—графъ и герцогъ и одинъ кардиналъ. Особенно графъ дружески относился къ Сервантесу,—но хорошія чувства мало оказали вліянія на положеніе поэта. Сервантесу пришлось до конца съ великими уси-ліями искать себѣ хлѣба и пріюта.

Сначала онъ взялся за работу, которая, повидимому, обѣщала ему болѣе легкій успѣхъ и вѣрную признательность многочис-ленной публики. Предъ нами чрезвычайно любопытная черта старой испанской жизни,—не менѣе замѣчательная, чѣмъ неограни-ченная власть инквизиціи.

VII.

Можно ли вообразить рядомъ такихъ два учрежденія, какъ страшный духовный судъ надъ еретиками и иновѣрцами, судъ—мрачный, кровавый,—и театръ, шумный, свободный, для испанца ни съ чѣмъ несравнимый?

Инквизиція не могла помириться съ такимъ противникомъ,— и безпрестанно принимала мѣры противъ, по ея мнѣнію, преступныхъ и опасныхъ удовольствій. Инквизиторамъ удавалось вооружать правительство противъ театра. Это было не трудно при Филиппѣ II, всегда находившемъ особенное удовольствіе въ преслѣдованіяхъ противъ кого бы то ни было. Но на этотъ разъ инквизиціи и королю пришлось встрѣтиться съ глубокой народной страстью къ зрѣлищамъ. Никакая сила не могла истребить этой страсти.

Она родилась подъ жгучимъ, почти тропическимъ солнцемъ, жила въ бурной южной крови, питалась неутомимымъ воображеніемъ народа, вѣчно занятаго борьбой и приключеніями. И не только народъ не желалъ разстаться съ театромъ. Даже духовенство и монахи поддавались общему увлеченію. Монастыри понимали актеровъ, и предъ монахами разыгрывались веселыя комедіи рядомъ съ ихъ кельями.

Сами актеры пользовались въ Испаніи особеннымъ вниманіемъ, ихъ любили всѣ сословія. Актеры будто одни только и вносили въ жизнь свободу и свѣтъ тамъ, гдѣ инквизиція тяготѣла надъ каждой семьей, надъ каждымъ человекомъ. Даже судьи милостивѣе смотрѣли на преступления актеровъ. Всюду они были желанными гостями,—начиная съ захолустной деревни и кончая королевскимъ дворцомъ. Главнѣйшій католическій праздникъ тѣла Христова справлялся при дѣятельномъ участіи актеровъ.

Въ сущности, весь праздникъ состоялъ изъ театральнаго представленія на улицахъ городовъ и деревень. Театры закрывались на цѣлый мѣсяцъ, чтобы актеры были свободны для религіознаго торжества. Въ разныхъ мѣстахъ города устраивались от-

крытыя сцены, и актеры, на виду у многотысячной толпы, разыгрывали пьесы. Содержаніе пьесъ полагалось изъ священной исторіи,—но авторы и актеры не стѣснялись. Будничная испанская жизнь могучей волной врывалась въ представленіе. На сценѣ, рядомъ съ библейскими лицами, святыми, являлись герои, о которыхъ народъ пѣлъ въ своихъ пѣсняхъ, безпрестанно слышались отголоски дѣйствительной, всѣмъ близкой жизни. Толпа смѣялась, видя знакомое лицо, слыша простые житейскіе намеки,—и будто сама участвовала въ представленіи.

Такъ у этого народа религія сплеталась съ жизнью, церковный праздникъ, священныя воспоминанія уживались съ мирскими дѣлами, съ будничными исторіями. И инквизиція ничего не могла подѣлать противъ вѣковыхъ обычаевъ. Далѣе борьба съ танцами окончилась не въ пользу духовенства.

Испанскій вкусъ требовалъ, чтобы послѣ всякой пьесы веселой или грустной—на сценѣ въ театрѣ происходили танцы. Это любимое наслажденіе испанца и въ наше время, даже главная страсть испанскаго народа. Каждая испанка родится танцовщицей,—говоритъ Сервантесъ,—и въ Испаніи по всѣмъ мѣстностямъ существуютъ свои любимые танцы. Естественно, испанецъ не допускалъ театральнаго зрѣлища безъ танца,—иначе, думалъ онъ, не надо и самого театра.

Инквизиція и правительство напрасно преслѣдовали танцоровъ въ театрахъ. Народъ, во всемъ преданный и покорный, здѣсь оказывался несговорчивымъ. Никакіе указы и запреты не помогали, и актеры, по настойчивому требованію забавныхъ зрителей, продолжали танцовать—и послѣ комедій, и послѣ кровавыхъ драмъ, повергая въ неописанный восторгъ зрителей, и старыхъ, и молодыхъ.

Кастаньеты гремѣли по всей странѣ въ тактъ самымъ веселымъ романсамъ, и въ бурной пляскѣ носился тотъ самый народъ, который наканунѣ, ради отпущенія грѣховъ и ради своего истиннаго удовольствія, смотрѣлъ на сожженіе еретиковъ и восторженно привѣтствовалъ инквизиторовъ! Даже больше. По деревнямъ молодые священники плясали тарантелу и фанданго съ

крестьянками,—и никто не находилъ этого страннымъ и преступнымъ.

Сервантесу предстояло угодить этой публикѣ, необыкновенно впечатлительной, не знающей мѣры и границъ въ восторгѣ и гнѣвѣ. И среди нея не было никакихъ подраздѣленій—на знатоковъ и невѣжественную толпу. Всѣ одинаково понимали и здѣсь же судили горячо, безповоротно.

Испанскіе танцы.

Какой-нибудь ремесленникъ занималъ мѣсто вожака (и, чувствуя одинаково съ толпой, увлекалъ ее за собой и для авторовъ былъ страшнѣе всякаго критика.

Отъ толпы зависѣла судьба пьесы и актеровъ. Она занимала весь партеръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ скамей впереди. Надъ этимъ партеромъ не было крыши. Публика стояла подъ

открытымъ небомъ и называлась „пѣхотой“ или „мушкатерами“. Они приносили съ собой хлопушки, трещотки, колокольчики, свистки, и все это пускалось въ ходъ, — выражало впечатлѣніе зрителей. Случалось, актеровъ осыпали огурцами, и автору приходилось незамѣтно спастись изъ театра. Не меньше шуму поднимала „пѣхота“ и въ томъ случаѣ, когда бывала довольна пьесой. Держала она себя искренно и неподкупно. Авторы обращались съ ней чрезвычайно почтительно, въ концѣ пьесъ называли пѣхоту „почтеннымъ сенатомъ“ и просили у нея снисходительнаго суда. Когда „сенатъ“ одобрялъ пьесу, объ успѣхѣ автора печаталось въ объявленіяхъ, и они расклеивались по перекресткамъ.

Очевидно, путь драматическаго писателя съ такой публикой былъ не особенно благодаренъ. Главная сила, управляющая „пѣхотой“, — воображеніе. Испанскимъ зрителямъ могутъ нравиться только произведенія особеннаго содержанія. Здѣсь требуется не столько правда, сколько необыкновенность событій. Надо, чтобы вниманіе публики было приковано отъ начала до конца неожиданными происшествіями, блестящими героями, — пусть даже все это будетъ мало вѣроятно, походить на сказку, но зато увлекательно, головокружительно, загадочно.

Вѣдь и въ самой жизни Испаніи столько необыкновеннаго! Хотя бы, на примѣръ, приключенія въ далекихъ странахъ, за океаномъ, страданія въ плѣну у невѣрныхъ!.. Мы вотъ слышали достовѣрную исторію Сервантеса: развѣ все это бываетъ ежедневно, и развѣ кое-что здѣсь не похоже на вымыселъ? А потому, — вся Испанія кишитъ искателями приключеній! Помимо разбойниковъ, существуютъ еще особые люди съ пылкимъ воображеніемъ и съ неукротимой отвагой, возможные только въ Испаніи. Это — сыновья богатыхъ родителей. Они называютъ себя свободными рыцарями. Никакому порядку, никакимъ законамъ они не желаютъ подчиняться. Имъ хочется жить, какъ придется, на полной своей волѣ. И они странствуютъ по городамъ, по всей странѣ, ищутъ, чѣмъ позабавить свою молодую силу, ежеминутно готовы вступить въ войну съ властями, нару-

шить покой мирныхъ поселянъ, поразить ихъ какой-нибудь диковинной исторіей.

Эти герои называются пикаро, и они слывуть за очень интересныхъ людей. Дамы и дввицы мечтають о нихъ, родители даже съ благословеніемъ отпускають ихъ на всѣ четыре стороны, и Сервантесъ написалъ великолѣпную исторію одного изъ такихъ странниковъ, называя его пикаро — добродѣтельнымъ, хорошо воспитаннымъ и остроумнымъ.

Легко представить, какое раздолье при такой жизни для воображенія! Чего и кого только нельзя встрѣтить на пути въ этой странѣ, гдѣ мужчины всѣ рыцари, а женщины мечтательницы! Иная встрѣча въ деревенской харчевнѣ, въ сельской церкви, на большой дорогѣ—почти сказка! Всюду бродять цыганскіе таборы, гдѣ столько красавицъ, на каждомъ шагѣ можно встрѣтить дочь обѣднѣшаго гидальго въ платьѣ служанки, можно напасть и на честнаго набожнаго разбойника. Онъ также считаетъ себя рыцаремъ, грабитъ только богачей и только по буднямъ. Онъ вѣрный товарищъ для всякаго бѣдняка, и каждое воскресенье почиваетъ отъ дѣлъ своихъ!

Въ Испаніи столько необычайнаго, столько противорѣчій и загадокъ,—гдѣ же еще и разыгрываться воображенію!

Если такова дѣйствительность, — какимъ же должно быть театральное представленіе! Пусть здѣсь будутъ прямо чудеса,—публика приметъ ихъ за чистую правду. Иначе она и не можетъ чувствовать.

Сервантесъ написалъ исторію „Донъ-Кихота“, — и самъ объяснилъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Ему хотѣлось высмѣять современныхъ читателей, любителей разныхъ невѣроятныхъ романовъ, особенно рыцарскихъ романовъ. Ими зачитывались одинаково крестьянки и барышни,—и между тѣмъ въ романахъ повѣствовались сплошь однѣ небылицы, волшебники, и всякая сверхъестественная сила занимала здѣсь главное мѣсто.

И такіе романы были любимымъ чтеніемъ испанской публики,—той самой, которая въ театрѣ являлась „пѣхотой“ и рѣшала вопросъ о славѣ или безславіи автора.

Ей требовалось соответственное блюдо, т.-е. пусть въ пьесѣ будетъ хотя и мало складу, да много чудесъ. Сервантесъ выступилъ предъ этой публикой, и что же онъ ей предложилъ?

VIII.

Сервантесу было около тридцати семи лѣтъ, когда онъ началъ писать для театра: приходилось торопиться приобрести славу. А для этого—вѣрнѣйшій путь—понравиться публикѣ, угодить ей вкусу.

Ничего подобнаго Сервантесъ не имѣетъ въ виду, т.-е. не желаетъ подчинять своего таланта какой бы то ни было внѣшней силѣ.

Публика въ драмѣ любитъ блестящія, хотя и мало вѣроятныя приключенія, въ комедіи требуетъ непременно шута, т.-е. особое дѣйствующее лицо должно потѣшать зрителей островами, хотя и не идущими къ дѣлу, но очень забавными и не всегда приличными. Шутъ нелишній и въ драмѣ: все зависитъ отъ искусства автора.

Какъ же поступаетъ Сервантесъ?

Прошло около четырехъ лѣтъ, какъ онъ вернулся въ Испанію и около тринадцати лѣтъ послѣ Лепантской битвы; но онъ не забылъ, что воодушевляло его въ сраженіи и чѣмъ онъ жилъ въ плѣну. Онъ теперь все это расскажетъ испанцамъ. Воспоминанія объ Алжирѣ, давнія мечты и надежды составятъ главное содержаніе драмъ Сервантеса, и онъ, разумѣется, и себя выведетъ на сцену. Вообще, публика увидитъ живую правду. Авторъ попытается зажечь сердца зрителей своимъ чувствомъ.

Онъ раскрываетъ предъ ними страданія плѣнныхъ христіанъ; плѣнникъ Сааведра произноситъ пламенную рѣчь о позорѣ, какой магометане наносятъ всему христіанскому міру, выражаетъ увѣренность, что „благосклонное сердце короля смягчится“, и онъ спасетъ несчастныхъ отъ обидъ и бѣдствій.

Дальше рассказывается о казни священника, изображается торгъ рабами на магометанскомъ рынкѣ, рисуются подвиги хри-

стіанскаго мужества, самоотверженной вѣры и—всюду, во всевозможныхъ видахъ—мученичество христіанъ, взывающихъ къ испанскому королю и его народу о состраданіи. Обѣ драмы— „Алжирская жизнь“ и „Алжирскія тюрьмы“—въ сущности, проповѣдь крестоваго похода противъ невѣрныхъ,—и въ уста Сааведры, т.-е. самого автора, вложена необыкновенно страстная рѣчь къ Филиппу II:

„Небо! разверзись и пошли намъ освободителя, который положить конецъ этой горестной борьбѣ!..

„Если небо не вступило съ несчастьемъ въ союзъ противъ меня и смерть не прикуетъ меня навсегда къ землѣ невѣрныхъ,—то въ болѣе счастливый день, когда судьба или, можетъ быть, чье-либо участіе позволятъ мнѣ склонить колѣни предъ Филиппомъ,—мой языкъ, сначала смущенный предъ лицомъ короля, потомъ свободный, смѣлый, неспособный льстить и лгать, скажетъ:

„Могущественный владыка! ты, чье могущество простирается на дикіе народы, кому черные индѣйцы вмѣстѣ съ дарами шлютъ свою преданность, для кого они изъ нѣдръ земли извлекаютъ золото,—пусть въ твоемъ царственномъ сердцѣ стыдъ пробудитъ мужество: ничтожество продолжаетъ оскрблять твой скипетръ!

„Племя алжирцевъ многочисленно, но ихъ сила—ничто. У нихъ нѣтъ одежды, нѣтъ оружія для защиты, нѣтъ ни крѣпостей, ни стѣнъ, ни скаль. Каждый изъ нихъ озирается во всѣ стороны, не идутъ ли твои войска, — и немедленно пустится въ бѣгство.

„Отъ этой тюрьмы, столь мрачной и ужасной, гдѣ умираетъ пятнадцать тысячъ христіанъ,—ключи у тебя.

„Мы все здѣсь, все вмѣстѣ со мной, съ воздѣтыми руками, на колѣняхъ, среди рыданій и мукъ, которыя изводятъ насъ,— умоляемъ тебя, могущественный владыка, обрати на насъ твои милостивые взоры, на насъ, твоихъ подданныхъ, стонущихъ здѣсь...

„Пусть враги увидятъ тебя возставшимъ, и ужасъ овладѣть варварскимъ народомъ,—повѣрь,—они смутятся и разсѣются.

„Кто можетъ усомниться, что твое царственное сердце, узнавъ о неизбытномъ отчаяннн столькохъ несчастныхъ, не проявитъ своей благодати?..“

Король не услышалъ призыва Сервантеса, — осталась глуха и публика къ этимъ для нея „донъ-кихотскимъ“ жалобамъ. Сервантесъ и позже неоднократно молилъ, укорялъ своихъ соотечественниковъ, напоминалъ имъ о высокомъ долгѣ предъ христіанскимъ міромъ. Всѣмъ была ясна опасность. Морскіе разбойники царствовали между Европой и Африкой,—и конца ихъ царству не предвидѣлось. Только въ девятнадцатомъ вѣгѣ окончательно была сломлена сила пиратовъ,—и Сервантесъ, убѣждая испанскаго короля спасти христіанъ южной Европы отъ насилій и позора, хлопоталъ не только за своихъ современниковъ.

Но не той странѣ, гдѣ царствовала инквизиція, спасать христіанскую честь. Изъ всѣхъ писателей Испаніи только Сервантесъ призывалъ свой народъ къ оружію противъ настоящаго его врага,—и призывалъ напрасно. Онъ даже осмѣлился затронуть самый опасный вопросъ, какой только существуетъ для испанца.

Уже не малая смѣлость — говорить со сцены рѣчи королю, видимо, для него непріятныя. Филиппъ ясно показалъ, что его дѣло истреблять еретиковъ, а не воевать съ мусульманами. Но Сервантесъ идетъ дальше. Онъ рѣшается заявить, что еретики вовсе не враги Испаніи, это не правовѣрно! Для правовѣрнаго испанца протестантъ не меньше, если не больше ненавистенъ, чѣмъ магометанинъ,—и Филиппъ II присутствуетъ торжественно при сожженіи еретиковъ.

Сервантесъ выводитъ предъ испанской публикой рядомъ католика и протѣстанта, заставляетъ ихъ пить вино за однимъ столомъ, называть другъ друга пріятелями, и католикъ даже объявляетъ, что именно въ Германіи ему жилось свободнѣе, чѣмъ во Франціи и въ Италіи. Почему?

Отвѣтъ—громадной важности,—только Сервантесъ осмѣлился дать его. Въ Германіи, по словамъ католика, всякій живеть,

какъ хочеть, почти во всей странѣ господствуетъ свобода совѣсти. Она, слѣдовательно, благодѣяніе.

Такой смыслъ имѣли слова Сервантеса. Онъ не могъ яснѣе высказать своей мысли: за такое ученіе въ Испаніи жгли даже высшихъ духовныхъ лицъ. Но эта мысль невольно должна была проникнуть въ разсудокъ всякаго, кто видѣлъ драмы Сервантеса.

Въ одной изъ нихъ разсказывается, какъ магометане мстятъ обыкновенно испанцамъ за ихъ инквизиціонныя казни.

До Алжира дошелъ слухъ, что въ Валенціи сожгли пирата—магометанина. Немедленно у алжирцевъ явилось желаніе отвѣтить тѣмъ же. Отыскали католическаго священника изъ той же Валенціи и обрекли его на сожженіе. Казнь была устроена съ чрезвычайной изобрѣтательностью. Предварительно священника водили по улицамъ въ теченіе цѣлаго дня, толпа наносила ему оскорбленія и побои, палачи только смотрѣли, какъ бы несчастнаго не забили до смерти. У самаго костра къ его ногъ привязали якорь на цѣпи, подошелъ братъ сожженнаго въ Валенціи магометанина, одной рукой схватилъ священника за бороду, а другой поджегъ костеръ, толпа въ ту же минуту пустила въ свою жертву тучу камней.

Сервантесъ видѣлъ всѣ эти ужасы и поклонялся разсказать о нихъ своему народу. И онъ разсказалъ. Онъ далъ понять, что инквизиція только озлобляетъ магометанъ, вызываетъ у нихъ жестокую мстительность. Съ ними необходимо бороться, но только не кострами и пытками.

Все это внушалось театальной публикѣ. Она требовала зрѣлища, а ей читали поученія. Она желала слышать о славѣ Испаніи, о добродѣтеляхъ своихъ духовныхъ отцовъ-инквизиторовъ, а ей изображали ужасы магометанскаго міра, подсказывали подозрѣніе въ непогрѣшимости св. судилища, и, наконецъ, возлагали на короля еще какой-то тяжелый нравственный долгъ—жечь не беззащитныхъ еретиковъ, а воевать на морѣ и въ Африкѣ съ турками.

Кто могъ понять эти внушенія?

Развѣ только весьма немногіе. Для остальныхъ Сервантесъ

оказывался просто скучнымъ и страннымъ сочинителемъ. Пьесы его успѣха не имѣли. Его вскорѣ окончательно затмилъ Лопе-де-Вега.

Это, несомнѣнно, былъ блестящій талантъ. Онъ могъ безъ правокъ писать стихами большія драмы, и писалъ часто по драмѣ въ день. Такая способность приводила въ изумленіе современниковъ,—но не она преимущественно создала сопернику Сервантеса громкую славу. Лопе не только очень талантливый поэтъ, но и чрезвычайно искусный практическій человекъ. Въ чемъ заключалось искусство,—онъ самъ объяснилъ вполне откровенно. И для насъ эти объясненія любопытны, ихъ слѣдуетъ сопоставить съ мыслями Сервантеса,—и сопоставленіе броситъ еще одинъ лучъ свѣта на личность нашего рыцаря.

Лопе открыто признавалъ себя рабомъ успѣха. „Я пишу для денегъ“,—не стѣснялся сознаваться Лопе. Публика платитъ за свои удовольствія и имѣетъ право требовать за свою плату того, что ей нравится. И если ей хочется глупостей, писатель обязанъ поставлять ей глупости.

Вотъ и всѣ правила Лопе,—и онъ имъ слѣдовалъ неуклонно, т.-е. угождалъ вкусамъ толпы.

Всякая толпа любитъ лести, — и Лопе ей льстилъ, воспѣвалъ славу испанцевъ даже тамъ, гдѣ ея на самомъ дѣлѣ не было, прославлялъ ихъ жестокости въ Новомъ Свѣтѣ, вообще смотрѣлъ на казни, какъ истинный инквизиторъ. Одновременно онъ умѣлъ отличиться и въ комедіи, насочинить множество удивительныхъ и забавныхъ приключеній, очень тонко изобразить прихоти влюбленной красавицы,—вообще позабавить публику пустяками и невѣроятностями.

Все это, несомнѣнно, выходило блестяще, находчиво, поэтично,—но Сервантесъ отъ театра требовалъ другого: „комедія,—говорилъ онъ,—должна быть изображеніемъ человѣческой жизни, зеркаломъ истины и нравственнымъ примѣромъ“. И—совершенно въ противорѣчіе съ Лопе—Сервантесъ писателей обвинялъ въ глупостяхъ, которыя нравятся публикѣ. Писатели предлагаютъ публикѣ глупости, потому что смотреть на свои произведенія, какъ

на товаръ, и подчиняются какимъ угодно низкимъ требованіямъ содержателей театровъ, лишь бы сбыть свое производство.

Такъ говорить—значило бить Лопе не въ бровь, а въ глазъ. И Лопе отплатилъ Сервантесу ненавистью, а пріатели и поклонники Лопе попли еще дальше, попытались натравить на Сервантеса св. инквизицію. Мы дальше встрѣтимся съ этимъ покушеніемъ.

Теперь мы видимъ, почему Сервантесъ не могъ имѣть удачи на сценѣ. Для этого необходимо было отказаться отъ многихъ донъ-кихотскихъ мечтаній и явиться покорнымъ слугою и угодникомъ толпы. Сервантесъ не пошелъ на уступки и, какъ водится, поплатился за свое рыцарство. Ему пришлось искать другихъ средствъ кормить свою семью,—и Сервантесъ принимается за работу, не имѣющую ничего общаго ни съ его военной доблестью, ни съ его писательскимъ талантомъ.

IX.

Въ сорокъ лѣтъ не найти вѣрной дороги въ жизни для человѣка, испытавшаго столько путей и столько разочарованій,—печальное предзнаменованіе для будущаго! Сервантесъ не палъ духомъ. Онъ сохранилъ достаточно воли и хладнокровія, чтобы вскорѣ приняться за свое великое произведеніе и приняться при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ. Жизнь напрасно вела войну съ рыцаремъ,—онъ не только оставался побѣдителемъ, но еще умѣлъ пользоваться житейскими испытаніями съ поразительнымъ остроуміемъ.

Сначала мы встрѣчаемъ Сервантеса въ должности провіантскаго чиновника. Случилось это послѣ равнодушія театральной публики къ его драмамъ. Филиппъ II готовилъ громадный флотъ противъ Англіи. Надо было заготовить провизию,—и вотъ одинъ изъ завѣдующихъ этимъ дѣломъ взялъ себѣ въ помощники Сервантеса.

Пришлось оставить семью, отправиться на югъ Испаніи въ Андалузію и закупать по деревнямъ пшеницу, масло. Закупки

доставлялись въ Севилью. Здѣсь у Сервантеса нашлись родственники, знакомые, и онъ отдыхалъ среди нихъ между поѣздками. Работа была нелегкая, а Сервантеса вдобавокъ постигла довольно крупная неприятность.

Онъ долженъ былъ получить запасъ хлѣба во владѣннн, принадлежавшемъ монахамъ. Братія воспротивилась, не желая ничего давать въ казну. Въ Испаніи, гдѣ духовенство царствовало, это являлось вполнѣ возможнымъ. Сервантесъ не обратилъ вниманія на гнѣвъ монаховъ, и тѣ отлучили его отъ церкви.

Всѣ эти дразги довели его до рѣшительнаго шага. Онъ задумалъ покинуть Испанію и подалъ королю просьбу — дать ему мѣсто гдѣ-нибудь въ колоніяхъ. Мѣсто было обѣщано. Сервантесъ уже собрался въ путь, но какая-то причина разстроила все дѣло. Сервантесъ остался въ Испаніи и снова просилъ должности сборщика провіанта. Опять начались разѣзды по городамъ и деревнямъ, безконечныя столкновенія съ населеніемъ, опять какое-то недоразумѣніе, судъ и денежное взысканіе...

Очевидно, у рыцаря не было большихъ способностей заниматься торговыми дѣлами. Безпрестанно ему грозила опасность попасть въ чьи-нибудь нечистыя руки и поплатиться не только деньгами, но и свободой: такъ скоро и случилось.

Сервантесъ должность скупщика съѣстныхъ припасовъ перемѣнилъ на еще болѣе трудную, — взялся собирать казенныя недоимки. И для опытнаго человѣка обязанность тяжелая, а для Сервантеса — едва выполнимая. На первыхъ же порахъ онъ запутался въ счетахъ, раздражилъ противъ себя населеніе, наконецъ, сдѣлалъ грубѣйшую неосторожность — поручилъ знакомому купцу доставить казенныя деньги въ Мадридъ. Купецъ разорился. Сервантеса отдали подъ судъ, обыскали, не нашли достаточной суммы и посадили въ тюрьму.

Началась мучительная и продолжительная волокита.

Сервантеса таскали изъ одного города въ другой на допросы и вездѣ запирали въ тюрьмы. Кто только его не обвинялъ! И королевскіе чиновники, и судьи, и свидѣтели изъ разныхъ мѣстностей. Въ тюрьмахъ онъ перебивалъ и въ Севильи, и въ

Мадридъ, и въ Вальядолидъ. Какъ закончились эти странствованія, неизвѣстно. О Сервантесѣ всѣ свѣдѣнія прекращаются какъ разъ въ разгаръ судебныхъ преслѣдованій противъ него. Существуетъ преданіе, будто онъ послѣ сбора казенныхъ недоимковъ состоялъ еще на службѣ у ордена св. Іоанна и также собиралъ съ населенія дань въ пользу этого учрежденія. Въ одной деревнѣ крестьяне возмутились и бросили Сервантеса въ тюрьму. Это происходило въ провинціи Ламанчѣ,—въ тюрьмѣ и начата исторія Донъ-Кихота, рыцаря Ламанческаго, и уроженца той самой деревни, гдѣ Сервантесъ былъ лишень свободы. Деревня называлась Аргамазилла.

Все это—преданіе, и насколько оно вѣрно, — трудно судить. Одно справедливо: „Донъ-Кихотъ“ начать въ тюрьмѣ, первая часть была готова къ 1604 году. Въ это время Сервантесъ жилъ въ Вальядолидѣ, и съ этого времени начинаются снова наши свѣдѣнія о немъ.

Но что же онъ дѣлалъ раньше?

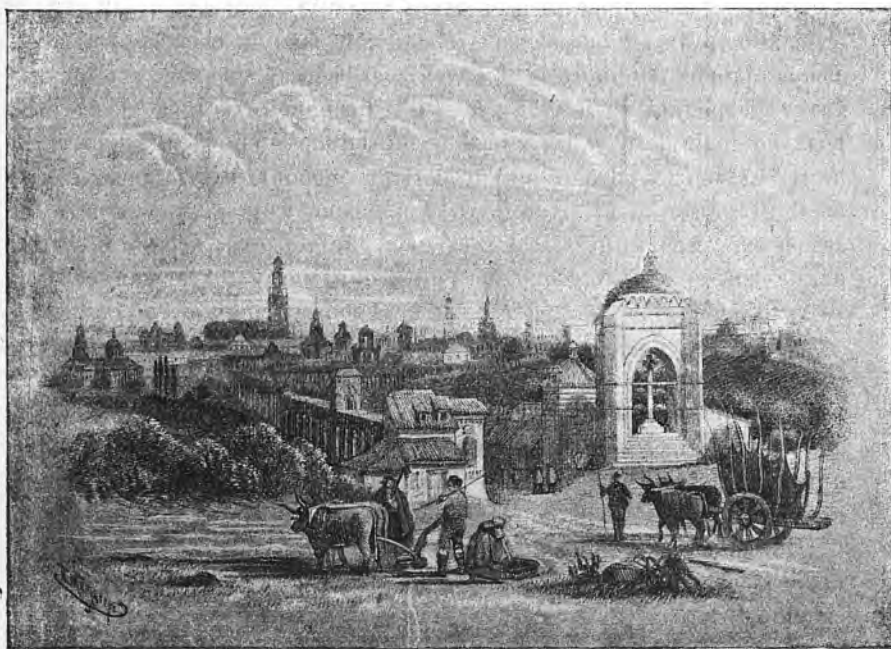
Мы видѣли,—занимался всякаго рода покупками и сборами. Но эти дѣла не касались его, какъ писателя. Неужели онъ такъ и бросилъ свое перо окончательно, и только тюремная скука заставила его вспомнить о своемъ писательствѣ?

Врядъ ли. У насъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о литературныхъ занятіяхъ Сервантеса во время его странствій по Андалузїи; но предъ нами его произведенія, несомнѣнно, внушенныя ему впечатлѣніями въ этой любопытнѣйшей испанской мѣстности и особенно въ Севильи. Нельзя было долго прожить въ этомъ городѣ и не сохранить о немъ самыхъ удивительныхъ воспоминаній.

Въ Испанїи существуетъ поговорка: „кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда“. И поговорку признають справедливой всѣ, видѣвшіе Севилью.

Когда-то столица магометанскаго царства, Севилья не похожа на европейскій городъ. Она полна памятниковъ арабскаго искусства, дома съ плоскими крышами, дворы украшены фонтанами, господствующій надъ городомъ мавританскій дворецъ, роскош-

ный, какъ въ сказкѣ,—все это говоритъ о Востоцкѣ,—и весь городъ—странная, своеобразная смѣсь Испаніи и Азіи. И само населеніе полуарабскаго, полуевропейскаго происхожденія, красивое, поэтичное, богатое безчисленными сказаніями о блестящей старинѣ, когда магометане называли Севилью раемъ своего пророка, и христіане считали богатѣйшимъ городомъ міра.

Севилья.

Сервантесъ все это засталъ свѣжимъ; Севилья съ трудомъ становилась европейскимъ упорядоченнымъ городомъ. Населеніе отличалось чрезвычайной пестротой, и жизнь текла свободнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Испаніи.

Именно въ Севилью преимущественно направлялись искатели приключеній: въ Севильѣ было удобнѣе нарушать законы и легче скрываться отъ властей. Если мѣста не находилось въ го-

родѣ, по всей Андалузiи бродили цыгане. Въ ихъ таборахъ для всѣхъ готово убѣжище; стоитъ лишь нарядиться въ цыганское платье и отдаться жизни вольной, веселой, подъ чуднымъ южнымъ небомъ, вѣчно яснымъ и горячимъ.

И Сервантесъ внимательно присматривался къ странѣ и ея правамъ.

У него невольно должно явиться желанiе—описать столь удивительныхъ людей и рассказать объ ихъ жизни, едва вѣроятной для остальной Испанiи. По дѣламъ службы Сервантесу придется подробно изучить весь край, познакомиться со всякаго рода сословiями и занятiями, несомнѣнно—попасть и къ цыганамъ. Севилья — это сборище самыхъ любопытныхъ людей со всей Испанiи, и въ одномъ городѣ можно узнать представителей всѣхъ провинцiй. И Сервантесъ не теряетъ времени. Это видно изъ его двухъ произведенiй: они могли быть написаны только въ Севильѣ, или благодаря подробному знакомству съ ней.

Сервантесъ показываетъ намъ совершенно неожиданный мiръ. Здѣсь все преступники. Они и живутъ тѣмъ, что изо дня въ день нарушаютъ законы. Ихъ главное занятiе — воровство; но они не прочь и отъ всякаго другого. У нихъ ведется особая книга заказовъ; можно нанять молодца изъ шайки, и онъ выполнитъ какое угодно порученiе за деньги.

Шайка имѣетъ начальника, „общаго отца, наставника и покровителя“, по имени Мониподио, и подчиняется ему безпрекословно. Начальникъ находится въ дружбѣ съ нѣкоторыми охранителями законовъ и порядка, и они оказываютъ другъ другу услуги. Но что особенно замѣчательно,—воры искренно убѣждены, что они ведутъ вполне хорошую и даже богоугодную жизнь. Такъ устроилъ Мониподио,— и одинъ изъ воровъ восторженно объясняетъ „правила“ своего наставника.

— Я не силенъ въ богословiи,—говоритъ онъ, — но я твердо убѣжденъ, что во всякомъ званiи можно угождать Богу, особенно при такихъ правилахъ, которыя учреждены сеньоромъ Мониподио... Онъ установилъ, чтобы извѣстная доля нашихъ барышей шла на поддержанiе неугасимой лампы передъ одной весьма

читимой нами иконой. Въ вознагражденіе за то небо удостоиваетъ насъ истинно чудесной помощи. Вотъ, напримѣръ, не дальше какъ всего нѣсколько дней тому назадъ одному изъ нашихъ, укравшему пару ословъ, палачъ задалъ три встряски, — а онъ

Бандитъ.

хоть бы что!.. не пикнулъ, хотя у него едва душа держалась въ тѣлѣ!.. Но этимъ однимъ еще не ограничивается наше благочестіе: во время субботняго дѣлежа добычи мы усердно перебираемъ четки: многие изъ насъ не воруютъ по пятницамъ...

Вору возражаютъ, что всѣми этими дѣлами врядъ ли воровскую жизнь можно сдѣлать святою. Вору, какъ истинный испа-

нецъ, начинаетъ выходить изъ себя и сейчасъ же припоминаетъ самыхъ гнусныхъ, по его мнѣнію, преступниковъ-еретиковъ. Развѣ лучше быть еретикомъ, чѣмъ воромъ?—И этотъ вопросъ испанскому вору кажется неотразимымъ...

Все это изложено въ небольшомъ разсказѣ о двухъ воришкахъ Ринккопенцъ и Кортадилло. Написанъ онъ чрезвычайно живо, остроумно. Уголокъ сельской жизни рисуется въ высшей степени ярко и правдиво: авторъ все это видѣлъ, разговаривалъ съ своими героями, наблюдалъ ихъ жизнь.

То же самое и въ другой повѣсти—„Цыганочка“.

Эту повѣсть когда-то очень любили русскіе читатели, она переведена не одинъ разъ на русскій языкъ, и, дѣйствительно стоитъ вниманія.

Цыганки съ незапамятныхъ временъ исполняли въ Испаніи двѣ обязанности — гадали и танцевали. И то, и другое какъ нельзя болѣе занимало испанскихъ горожанъ. Танцы сами по себѣ всѣхъ сводили съ ума, а гаданье, при всеобщемъ испанскомъ суевѣрїи, казалось даже очень важнымъ занятіемъ.

Таборы цыганъ бродили обыкновенно около большихъ городовъ; по утрамъ на улицахъ являлись цыганки, пѣли, плясали, собирая толпы зрителей, ходили по богатымъ домамъ танцевать для хозяевъ и гостей. Фанданго, сарабанда, шаконъ—любимые танцы, и нѣтъ испанца или испанки, кто бы не повторялъ всѣмъ извѣстнаго припѣва веселой пѣсни: „танцуйте, пусть смѣхъ не умолкаетъ, пусть ваши ноги будутъ, какъ ртуть, это—здорово, это значитъ жить, какъ слѣдуетъ“.

И Сервантесъ раздѣляетъ страсть своего народа. По его мнѣнію, танецъ подъ пѣсню можетъ заставить человѣка все забыть. И героиня его повѣсти—молодая, красивая цыганка-плясунья.

Однажды утромъ она явилась на улицахъ города и увлекла своей красотой, своей ловкостью благороднаго юношу. Онъ уходитъ за ней въ цыганскій таборъ. Она желаетъ подвергнуть испытанію его любовь,—и онъ рѣшается жить съ цыганами, подчиниться ихъ обычаямъ. И все это въ Испаніи возможно; она знавала и не такихъ пикаро!

И вотъ Сервантесъ описываетъ жизнь цыганъ, сообщаетъ намъ ихъ взгляды, ихъ вѣрованія и дѣлаетъ это съ глубокимъ пониманіемъ человѣческой души,—будь это даже цыганская душа.

Старый цыганъ объясняетъ благородному испанцу, какъ они, цыгане, смотрятъ на разные нравственные и житейскіе вопросы. И оказывается, у этихъ дикарей немало здравыхъ мыслей, поучительныхъ и для просвѣщеннаго общества.

Ихъ жизнь свободна отъ всякихъ церемоній, жеманныхъ нѣжностей. Она проста и откровенна. Среди нихъ нѣтъ хитрой вражды, лести, угодливости знатымъ и богатымъ. Они не знаютъ судебныхъ тяжбъ, не понимаютъ предести сложныхъ украшеній, какими горожане обставляютъ свою жизнь и безпрестанно воюютъ другъ съ другомъ изъ-за нихъ. Для цыгана дворець — шалашъ, великолѣпныя картины на каждомъ шагу представляетъ природа,—поля, горы, небо и солнце. И вся эта природа—другъ цыгану: онъ не боится ни ея мороза, ни ея жару и спитъ на голой землѣ, будто на роскошной постели.

И Сервантесъ, видимо, сочувствуетъ этой простотѣ. Онъ также горячо любитъ природу и искренно ненавидитъ всякаго рода ложь и притворство!

И, можетъ быть, среди утомительной, раздражающей, подчасъ унижительной работы—скупщика и сборщика—Сервантесъ невольно съ любовью и съ завистью останавливался на свободной и безпечной жизни цыганскаго табора. Онъ заставлялъ цыгана равнодушно говорить о голодѣ и холодѣ, — и самъ въ это время вынужденъ былъ браться за какую бы то ни было работу,—лишь бы заработать хлѣбъ.

И Сервантесъ работалъ и въ то же время жилъ неутомимой умственной жизнью. Среди всевозможныхъ и крупныхъ, и мелкихъ превратностей зрѣлъ геній писателя, знатока жизни и людей, сильнаго не игрой воображенія, а лично пережитой правдой.

Когда Сервантесъ писалъ исторію Донъ-Кихота, ему было не менѣе пятидесяти пяти лѣтъ. Изъ нихъ тридцать наполнено не только упорной борьбой, но и лишениями и разочарованіями. Они многому научили писателя, познакомили его съ разнаго

рода людьми, заставили его во многомъ разувѣриться и отъ многого отказаться, что ему казалось столь естественнымъ и справедливымъ въ началѣ его писательства.. Слѣдовало бы ожидать, что тяжелые годы, наступающая старость внесутъ въ душу Сервантеса грусть и безнадежныя, мрачныя думы. Это такъ часто бываетъ даже съ очень сильными и добрыми людьми.

Но съ нашимъ рыцаремъ этого не случилось.

Первыя же страницы исторіи Донъ-Кихота, написанныя въ тюрьмѣ, дышали такимъ свѣжимъ и свѣтлымъ остроуміемъ, такъ непринужденно и красиво выходили изъ-подъ пера много прожившаго и еще больше пережившаго автора. Все сочиненіе можно было бы приписать счастливому, беззаботному юношѣ, если бы за остроуміемъ не скрывалось высокой мудрости сердце-вѣдца.

И это сочетаніе веселости и благодушнаго смѣха съ великимъ познаніемъ человѣческой души, эта отеческая снисходительная улыбка предъ людскимъ неразуміемъ и заблужденіемъ—вышая прелесть произведенія Сервантеса. Такая рѣдкость—писатель и много выстрадавшій и не утратившій ни добраго чувства, ни молодости сердца и вдохновенія!

Это именно тотъ человѣкъ, о какомъ мечталъ русскій поэтъ:—

„Кто сочетаетъ съ сѣдиной
„Воображенъе молодое
„И разумъ съ пламенной душой“.

Х.

Сервантесу шель пятьдесятъ седьмой годъ. Наступала старость. Пора было кончить странствія, зажить спокойной, уютной жизнью. И Сервантесъ всей душой рассчитывалъ на это счастье.

Онъ поселился въ Вальядолидѣ.

Это—древняя столица испанскихъ королей, шумная, блестящая, переполненная памятниками искусства.

Вальядолидъ окруженъ чарующими окрестностями, съ здоро-

вымъ климатомъ, съ чудной водой, съ вѣчно глубокимъ лазурнымъ небомъ.

Только мрачный, больной Филиппъ II могъ промѣнять этотъ рай на Мадридъ среди пустыни, жгучей и тоскливой.

Сервантесъ могъ бы счастливо отдохнуть въ Вальядолидѣ.

Семья его теперь состояла изъ жены, дочери, трехъ родственницъ. Въ домѣ жила еще служанка. Всѣ эти люди ютились въ небольшомъ домѣ, за городомъ. Весь домъ занимала, въ сущности, одна квадратная комната, при ней темная кухня. Здѣсь Сервантесъ писалъ, здѣсь его семья занималась вышиваньемъ, онъ велъ счеты заказамъ. Можно удивляться, какъ столько людей могло жить въ такой тѣсотѣ и не мѣшать другъ другу работать.

Въ Вальядолидѣ въ то время пребывалъ дворъ. Изъ-за этого здѣсь и поселился Сервантесъ. Семья работала на придворныхъ. Можетъ быть, и онъ самъ ожидалъ какихъ-либо занятій или милостей.

Но на первыхъ порахъ не суждено было Сервантесу даже простой покойной жизни. Случилось происшествіе и обрушилось на нашего рыцаря новымъ несчастьемъ безъ всякой вины съ его стороны.

Въ самый разгаръ лѣта Вальядолидъ справлялъ одинъ изъ многочисленныхъ праздниковъ. Веселились придворные до поздней ночи. Улицы были переполнены шумной толпой. Сервантесъ рано вернулся домой и сѣлъ за работу.

Вдругъ на улицѣ послышались крики. Кто-то подвергся нападенію, кого-то убили, нѣсколько мгновеній,—и стоны замолкли.

Обыкновенное въ Испаніи дѣло! Вспыхнула ссора, или просто человѣка подкараулили врагъ и свалили его ударомъ кинжала.

Сервантесъ выбѣжалъ на улицу. У его дома лежалъ трупъ. Сервантесъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ, такимъ же старикомъ, какъ онъ самъ, перенесъ убитаго къ себѣ въ домъ, раздѣлъ его, попытался вернуть къ жизни.

На слѣдующій день власти арестовали Сервантеса, его жену, дочь и родственницъ и посадили всѣхъ ихъ въ тюрьму. Испан-

скіе законы запрещали кому бы то ни было поднимать на улицѣ убитаго человѣка.

Сервантесъ, по обыкновенію, въ порывѣ благородства, упустилъ изъ виду законъ и заплатился за это.

Начался допросъ. Сосѣди засвидѣтельствовали добропорядочность семьи Сервантеса. Арестованныхъ выпустили изъ тюрьмы.

Это происходило, когда уже первая часть исторіи Донъ-Кихота была написана и напечатана. Успѣхъ оказался громаднѣй, безпримѣрный. Одновременно вышли изданія въ трехъ городахъ. Книгой зачитывались люди всѣхъ сословій, всякаго образованія. Имена Донъ-Кихота и Санчо Панса были на устахъ у всѣхъ. Кто только вообще покупалъ книги, исторія Ламанческаго рыцаря непременно являлась въ его библиотекѣ. Имена героевъ и животныхъ, дѣйствующихъ въ книгѣ, стали безпрестанно употребляться въ обыденной жизни.

Видали дворянина, худого, бѣднаго, съ устарѣлыми понятіями— говорили: вотъ Донъ-Кихоть. Санчо Панса удостоился той же славы. Всѣ изможденные старыя лошади въ Испаніи получали имя Россинанта. Даже осель Санчо Пансы, столь дорогой своему хозяину, вызывалъ у испанцевъ болѣе нѣжныя чувства вообще къ осламъ.

Стали немедленно разыскивать, съ кого Сервантесъ списалъ своего героя? Припоминали не мало лицъ, походившихъ на ламанческаго рыцаря, — указывали даже на короля Филиппа II и его отца — императора Карла V. Припомнили, что нѣкоторыя приключенія рыцаря были похожи на недавнія дѣйствительныя происшествія. Принялись искать тонкихъ намековъ, лукавыхъ насмѣшекъ надъ извѣстными современниками, — и все это увеличивало привлекательность книги, — Сервантесъ рѣшительно становился знаменитостью. Десятки тысячъ томовъ его книги раскупались нарасхватъ по всей громадной испанской монархіи, и вскорѣ стали появляться безчисленные переводы на иностранные языки.

И между тѣмъ, всѣ хитроумныя догадки были неосновательны. Сервантесъ самъ совершенно откровенно объяснилъ цѣль своей

книги. Его врагъ — рыцарскіе романы, дикія и безсмысленныя небылицы, рассказываемыя о странствующихъ рыцаряхъ и сводившія съ ума его соотечественниковъ.

Что такое рыцарскій романъ?

Наборъ всевозможныхъ чудесъ, невѣроятныхъ даже въ хорошей сказкѣ.

Странствующій рыцарь — совершенно особенное существо. Его назначеніе — неустанно разъѣзжать по свѣту и совершать подвиги. У него есть покровительница, дама; ея онъ могъ никогда не видать, влюбиться въ нее по слухамъ, по описаніямъ, — но ради нея сражаться съ волшебниками, съ несмѣтными арміями.

У рыцаря непременно имѣется врагъ, волшебникъ, завидующій его доблести и славѣ. Волшебникъ безпрестанно вмѣшивается въ его дѣла, очаровываетъ его самого и окружающій его міръ. Рыцарю безпрестанно являются призраки, — вмѣсто знатной красавицы онъ можетъ увидѣть уродливую, грубую крестьянку, вмѣсто одного предмета — совершенно другой. Но зато, когда его волшебникъ-покровитель беретъ силу, рыцарь можетъ изрубить десятки, сотни великановъ, будто капусту.

✓ Вотъ, напримѣръ, одна изъ многочисленныхъ картинъ, обычныхъ въ рыцарскомъ романѣ.

Рыцарь подъѣзжаетъ къ кипящему смолянному озеру. Оно кишитъ змѣями, ящерицами, ужами и тьмой ядовитыхъ насѣкомыхъ. И вдругъ изъ глубины его слышится горестный умоляющій голосъ:

— О, кто бы ты ни былъ, рыцарь, стоящій на берегу нашего озера, если ты желаешь обладать кладомъ, скрытымъ подъ этими черными волнами, то призови на помощь все свое мужество и погрузись въ эти кипящія волны. Если у тебя не хватитъ рѣшимости, въ такомъ случаѣ ты недостойнъ узрѣть несказанныя чудеса семи замковъ нашихъ семи фей, обитающихъ на днѣ этихъ смоляныхъ водъ.

И не успѣвъ умолкнуть грозный голосъ, рыцарь, забывая всякій страхъ, всѣ опасности, не снявъ даже тяжелаго вооруженія, только поручивъ себя Богу и своей дамѣ, кидается въ мрачныя

волны кипящаго озера... И вдругъ рыцарь видитъ себя среди восхитительнѣйшихъ садовъ. Ему кажется, будто тамъ воздухъ прозрачнѣе, солнце сіяетъ какимъ-то новымъ блескомъ.

И видитъ онъ роскошный лѣсъ, вѣтвистыя, ярко-зеленыя деревья, и слухъ его чаруютъ чудные голоса тысячъ радужныхъ птицъ. У ногъ его протекаетъ свѣжій, зеркальный ручей; онъ струится по бѣлымъ камнямъ, и кажется, будто золотое рѣшето пропускаетъ жемчужины востока.

Возлѣ него плещетъ роскошный фонтанъ изъ мрамора и разноцвѣтной яшмы. А дальше — другой фонтанъ изъ раковинъ и хрустала.

А напротивъ — величественный замокъ: золотыя стѣны, гяцинтовыя двери, алмазные зубцы. И нельзя выразить, съ какимъ вкусомъ выстроены замокъ, весь сіяющій драгоценными камнями.

И вотъ изъ ограды замка выходитъ толпа сіяющихъ красавицъ, — и никакому поэту не описать великолѣпія ихъ нарядовъ.

И та красавица, которая идетъ впереди другихъ, приближается къ безстрашному рыцарю, беретъ его за руку, ведетъ, не говори ни слова, во дворецъ, снимаетъ съ него вооруженіе, обмываетъ ему лицо мягкой, тепловатой водой, орошаетъ самыми тонкими духами, накидываетъ на него плащъ, который одинъ стоитъ, на худой счетъ, столько же, сколько любой городъ, а, можетъ быть, даже дороже.

А потомъ очаровательныя дѣвушки ведутъ рыцаря въ роскошный залъ, гдѣ столы уставлены такими рѣдкими кушаньями, что рыцарь нѣмѣетъ отъ изумленія. Тутъ льютъ рыцарю на руки душистую воду, усаживаютъ его въ кресло, и красавицы служатъ рыцарю, храня молчаніе. Онѣ предлагаютъ ему тысячи такихъ изысканныхъ блюдъ, что рыцарь не знаетъ, за что взяться, и въ то же время неизвѣстно, чьими перстами приводятся въ движеніе струны, очаровывающія слухъ рыцаря въ теченіе всего обѣда.

Послѣ объѣда, когда блюда прибраны, и рыцарь небрежно разваливается въ мягкомъ креслѣ, — предъ нимъ неожиданно раскрывается дверь, и входитъ красавица прелестнѣе всѣхъ, какія только существовали на свѣтѣ.

Она подходитъ къ рыцарю, садится подлѣ него и рассказываетъ ему сладкимъ голосомъ о замкѣ, о томъ, какъ очарованная она обитаетъ въ немъ, и множество другихъ очаровательныхъ подробностей...

И рѣдкій въ Испаніи читатель могъ устоять противъ этихъ чудесъ. Рыцарскіе романы лежали на королевскомъ столѣ и хранились въ какой-нибудь бѣдной придорожной харчевнѣ.

Сюда въ праздничный день собирается окрестный деревенскій людъ; находится грамотный, и хозяинъ вручаетъ ему книгу. Начинается чтеніе. Молодежь въ упоеніи отъ чудесъ и подвиговъ, а старикамъ кажется, будто всѣ эти исторіи снимаютъ съ нихъ сѣдые волосы, и самимъ слушателямъ страстно хочется наносить такіе удары, биться съ такими же волшебниками.

А для женщинъ — столько трогательныхъ картинъ, столько страданій и жалобъ влюбленнаго рыцаря, столько жестокостей или милостей обожаемой дамы.

„Нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ рыцарскаго романа“, — говорятъ старъ и младъ, — никому въ мірѣ не убѣдить испанскаго крестьянина или горожанина, что на свѣтѣ никогда не существовало ни великановъ, ни очарованныхъ рыцарей, ни драконовъ, ни чудесныхъ превращеній. Книги вѣдь печатались съ королевскаго разрѣшенія: какъ же имъ не вѣрить? Да и сами короли не только вѣрили, но и мечтали хотя бы немного походить на странствующихъ рыцарей.

Вотъ, напримѣръ, король Филиппъ, — мрачный, жестокій, невзрачный, но и онъ — почитатель странствующаго рыцарства. Будучи принцемъ, онъ въ торжественныхъ случаяхъ появляется публично въ костюмѣ странствующаго рыцаря.

Заключая бракъ съ англійскою принцессой тотъ же Филиппъ клялся признать права короля Артура на британскій престолъ: пусть только появится этотъ рыцарь изъ рыцарей,

герой многочисленныхъ сказаній, которымъ, казалось бы, не долженъ вѣрить король Испаніи.

Что же происходило съ другими подданными этого короля?

Амадись галльскій, Тристанъ и прочія чудовища вовсе не считались вымыслами у людей, находившихся въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и нисколько не походившихъ на ламанческаго рыцаря.

Разсказываютъ такой случай.

Однажды нѣкій испанскій дворянинъ вернулся съ охоты и засталъ свою жену, дочерей и служанокъ въ горькихъ слезахъ.

— Что съ вами? Какое несчастье случилось? Не умеръ ли кто изъ дѣтей, изъ родныхъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали рыдавшія женщины.

— Такъ отчего же вы плачете?—спросилъ дворянинъ.

— Ахъ, Амадись умеръ,—отвѣчала чувствительная дама, глотая слезы.

И не только дамы огорчались подобными несчастіями.

Принцы ходатайствовали предъ авторами, чтобы они устранили печальный приключенія въ своихъ романахъ и оканчивали ихъ къ удовольствію очаровательныхъ героевъ. Дамы и барышни требовали, чтобы ихъ кавалеры непременно походили на Амадиса галльского или португальскаго, въ честь дамскихъ очей страдали, предавались грусти, проливали даже слезы и совершали безумства.

И желанія дамъ выполнялись.

Случалось, рыцари своими „безумствами“ вполне походили на ламанческаго рыцаря. Донъ-Кихоть во славу своей дамы куврыкается, прыгаетъ полураздѣтый, заводитъ ссоры съ первымъ встрѣчнымъ,—нѣчто подобное совершали и подлинныя обожатели жестокихъ красавицъ.

Напримѣръ, еще въ XV вѣкѣ одинъ испанскій рыцарь по-стился разъ въ недѣлю наполовину въ честь Пресвятой Дѣвы, наполовину во славу своей дамы, а по четвергамъ носилъ на шеѣ тяжелую желѣзную цѣпь, какъ знакъ своего рабства передъ дамой.

Чтобъ освободиться отъ этого рабства, онъ съ десяткомъ такихъ же героевъ занялъ мостъ и въ теченіе тридцати дней вызывалъ на бой всякаго путника.

И самъ король присутствовалъ при этихъ подвигахъ и даже воодушевлялъ сумасбродовъ.

Такія дѣла дѣлались незадолго до Сервантеса. А что же бывало раньше? Разумѣется, великаны и волшебники жили только въ воображеніи сочинителей, — но безумныхъ рыцарей можно было отыскать на самомъ дѣлѣ, — безумныхъ сознательно, по собственной охотѣ.

Вотъ для образчика краткая, но внушительная исторія одного предшественника Донъ-Кихота.

XI.

Въ исторіи, лѣтъ за триста до Сервантеса, существовалъ рыцарь и поэтъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. По стародавнему порядку всякій рыцарь долженъ былъ избрать себѣ даму и служить ей до конца своихъ дней. Дама непременно знатнаго происхожденія, лучше всего — принцесса. Рыцарь, кидаясь въ опасности, произносилъ ея имя, странствуя по свѣту, — носилъ ея цвѣта, ея шарфъ, — и служилъ ей подвигами, т.-е. сражаясь съ невѣрными, защищая слабыхъ, особенно вдовъ и сиротъ. Но сраженія съ невѣрными и защита слабыхъ задача была трудная; не всѣмъ рыцарямъ приходила охота изъ-за дамъ жертвовать непременно жизнью, — были другія средства прославить ея имя, какія-нибудь странныя, небывалыя предпріятія, — не столько опасныя, сколько дикія.

И вотъ рыцарь Лихтенштейнъ явился удивительнымъ изобрѣтателемъ подобныхъ подвиговъ. Предъ нѣкоторыми изъ нихъ блѣднѣютъ даже безумства ламанческаго рыцаря.

Вся наука Лихтенштейна состояла въ томъ, чтобы хорошо говорить о дамахъ, ѣздить верхомъ и въ пѣсняхъ слагать сладкія слова. Двадцати лѣтъ онъ получилъ рыцарское достоинство и избралъ себѣ даму, старше его лѣтъ на пятнадцать.

Дама оказалась чрезвычайно суровой и насмѣшливой. Узнавъ, что Лихтенштейнъ не можетъ прославлять ее, она сказала:

— Пусть онъ оставитъ эту глупость. Даже если бы онъ былъ украшенъ всевозможными доблестями,—его отвратительный ротъ способенъ ожесточить всякое женское сердце.

Когда Лихтенштейну передали эти слова, онъ догадался, что дама имѣла въ виду его необыкновенно толстую губу.

— Я ее отрѣжу,—сказалъ рыцарь.

И дѣйствительно, нашелъ хирурга, выдержалъ операцію, проболѣлъ шесть недѣль,—знакомые крестились, видя его страданія,—и извѣстилъ даму, что больше у него нѣтъ безобразной губы.

Дама, встрѣтившись съ нимъ, въ награду выщипнула у него изъ головы клочокъ волосъ. И больше ничего.

Лихтенштейнъ сообразилъ, что нужны еще подвиги, и онъ принялся разъѣзжать по городамъ, проживалъ свое состояніе, вызывалъ рыцарей на бой... Въ одномъ поединкѣ ему ранили палець.

Черезъ оруженосца Лихтенштейнъ далъ знать объ этомъ дамѣ. Жестокая красавица не повѣрила. Тогда рыцарь попросилъ товарища отрубить искалѣченный палець и послалъ его дамѣ.

Увидѣвъ посылку, она сказала:

— Такой глупости я еще не предполагала въ немъ. Чтобъ разумный человекъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное! Мнѣ жаль пальца не изъ любви къ нему, а только потому, что онъ увѣряетъ, будто потерялъ его изъ-за меня.. Палець я сохранию въ моей шкатулкѣ.

Лихтенштейнъ и этимъ былъ доволенъ: значить, его дама будетъ теперь думать о немъ.

И рыцарь снова пустился въ странствія и совершилъ нѣчто едва вѣроятное, чего и Донъ-Кихоту не приходило на умъ. И замѣчательно,—безумства рыцаря вызывали удивленіе, восторги, почтительныя чувства.

Лихтенштейнъ задумалъ предпринять путешествіе въ костюмѣ богини Венеры. Въ Венеціи ему приготовили двѣнадцать платьевъ, двѣ косы съ жемчугомъ, три бѣлыхъ бархатныхъ плаща. Двѣнад-

цать оруженосцевъ должны были сопровождать рыцаря. Всюду была разослана грамота, гдѣ говорилось, что царица Венера вызываетъ рыцарей на честный бой. Кто свалить ее наземь, тотъ получить всѣхъ ея боевыхъ коней, а кого она, — тотъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны въ честь дамъ. Въ грамотѣ указывалось, въ какой день, въ какомъ городѣ рыцарь будетъ ждать противниковъ.

И началось шествіе по Ломбардіи, Австріи, Богеміи.

Впереди ѣхалъ маршалъ съ поварами и прислугой, потомъ слѣдовало знамя рыцаря, при знамени трубачи, дальше вели боевыхъ коней въ бѣлыхъ чепракахъ и серебряной сбруѣ, шло множество оруженосцевъ, конюховъ, музыкантовъ съ бубнами, скрипачей, наконецъ, двѣ молодыхъ дѣвушки въ бѣломъ нарядѣ и самъ рыцарь въ бархатномъ плащѣ, съ двумя черными косами съ перьями и жемчугомъ. Толпа любопытныхъ сопровождала удивительное зрѣлище.

По пути царяду Венеру привѣтствовали дамы и кавалеры, приносили ей подарки, на примѣръ, женскія платья и кольца, его дама также прислала ему кольцо, на этотъ разъ, повидимому, окончательно пораженная „безумствомъ“ своего рыцаря. Но рыцарю не суждено счастья.

Дама требуетъ кольцо назадъ, и тогда происходитъ ужасная сцена.

Рыцарь рветъ на себѣ волосы, рыдаетъ, какъ ребенокъ, кровь бросается у него носомъ и горломъ. Рыцари, свидѣтели этого отчаянія, также начинаютъ плакать, — и одинъ изъ нихъ становится на колѣни и благодаритъ небеса за то, что они позволили ему увидѣть такую рыцарскую любовь.

Рыцаря утѣшаютъ: дама, оказывается, только хотѣла испытать его любовь и даже назначаетъ свиданіе.

Рыцарь переодѣвается нищимъ, вымазываетъ себѣ лицо, натираетъ опухоль на щекѣ, волосы дѣлаетъ сѣдыми. Но дама неумолима; она опять прогоняетъ рыцаря, и тотъ снова безумствуетъ, сражается, пишетъ пѣсни.

И это дѣлаетъ зрѣлый человѣкъ, отецъ семейства и самъ разсказываетъ объ этомъ, и не напрасно.

Во многихъ городахъ дамы являются его свитой, въ честь его рыцари устраиваютъ поединки, просятъ у него чести быть его спутниками, знатнѣйшія лица молятъ Бога даровать успѣхъ царицѣ Венерѣ, и не какъ-нибудь, а въ церкви, публично, при чемъ нѣкая графиня сопровождаетъ рыцаря въ храмъ, поддерживая его мантию.

Приключенія Донъ-Кихота послѣ этого кажутся мелкой забавой. Правда, со временъ Лихтенштейна минуло триста лѣтъ, но рыцарскія безумства незабвенны.

Напрасно правительство начинаетъ возмущаться рыцарскими романами. Оно запрещаетъ ввозить ихъ въ испанскія колоніи. Кортесы, т.-е. представители испанскаго народа, обращаются къ правительству съ просьбой запретить печатать рыцарскіе романы и въ Испаніи, а старые приказать сжечь. Но просьба такъ и осталась. Рыцарскіе романы продолжали улаждать испанцевъ. Что можно было сдѣлать съ ними, когда самъ Филиппъ изображалъ изъ себя странствующаго рыцаря?

Тогда возсталъ на врага Сервантесъ.

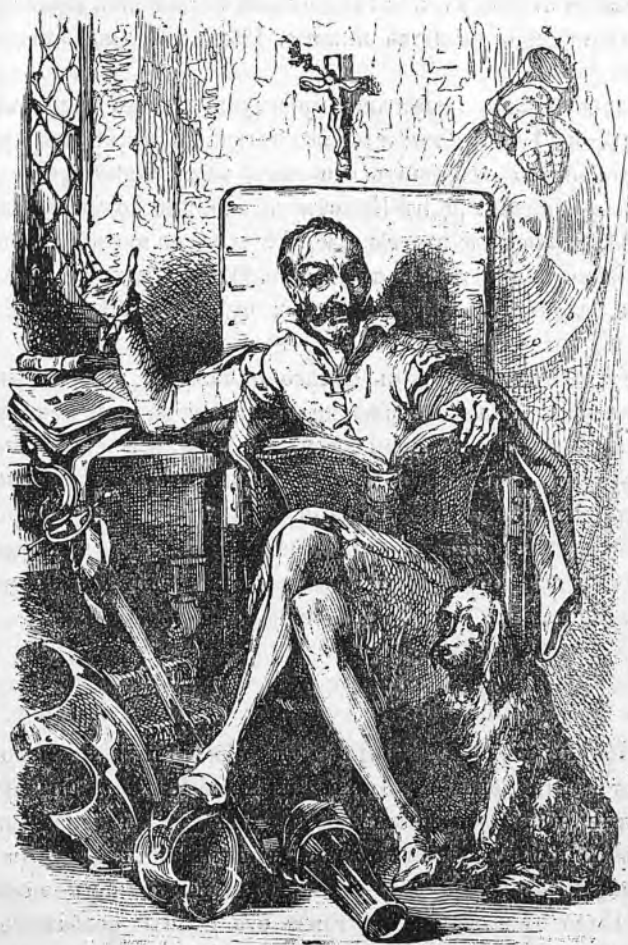
Требовалось не мало смѣлости поднять перо на любимое чтеніе всего народа, предать осмѣянію книги, бывшія въ рукахъ у всякаго грамотнаго испанца, доказать безмыслицу исторій, которая пользовалась всеобщимъ довѣріемъ и даже уваженіемъ.

Но Сервантесу не привыкать браться за неисполнимыя, по-видимому, дѣла. Онъ ясно и откровенно поставилъ себѣ цѣль, заявилъ, что его задушевное желаніе—возбудить отвращеніе къ сумасброднымъ и живымъ рыцарскимъ книгамъ.

И ради этого онъ пишетъ исторію человѣка, начитавшагося этихъ книгъ и вообразившаго себя странствующимъ рыцаремъ.

Донъ-Кихоть желаетъ уподобиться Амадису галльскому и прочимъ свѣтиламъ рыцарской доблести. Это смѣшно, потому что Амадись галльскій вымышленъ, его приключенія—сказка. Но ей вѣрятъ испанцы: отчего же не быть какому-нибудь гидальго,

который не только увѣровалъ въ сказку, но и задумалъ воспроизвести ее на самомъ дѣлѣ? Въдь одѣвался же самъ наслѣдникъ

Донъ-Кихоть.

испанскаго престола въ доспѣхи странствующаго рыцаря. И у испанскаго правительства не поднималась рука сразу истре-

бить вредныя росказни. Отсюда недалеко до полнаго головокруженія, до сумасшествія. Донъ-Кихоть могъ вполнѣ естественно появиться въ этой странѣ безчисленныхъ искателей приключеній.

Мы слышали о разныхъ пикаро. Чѣмъ же нашъ рыцарь не пикаро?

Тѣ только искали подвиговъ преимущественно противозаконныхъ, а Донъ-Кихоту хочется возстановить на землѣ правду и справедливость и совершить это такъ, какъ повѣствуется въ рыцарскихъ романахъ. Донъ-Кихоть только простодушнѣ другихъ читателей, искреннѣ и отважнѣ. Тѣ мечтаютъ о рыцарствѣ, а Донъ-Кихоть воскрешаетъ его. Отсюда удивительная смѣсь отваги и безумія, и благородства, и чудовищностей, ума и шутовства.

И все это предъ нами съ самаго начала въ поразительно яркихъ краскахъ. Каждая страница полна остроумія, неистощимой веселости, и въ то же время тамъ, въ глубинѣ смѣха, звучитъ будто грустная нота и постепенно становится все громче, пока, наконецъ, странствующій рыцарь не кончаетъ своей многострадальной жизни вполнѣ серіозно, величаво, какъ мудрецъ, и въ концѣ удивительной исторіи мы невольно опять припоминаемъ жизнь и испытанія самого автора.

XII.

Въ Испаніи до сихъ поръ можно встрѣтить не мало лицъ, какъ двѣ капли воды, похожихъ на Донъ-Кихота. Высокій, худой, длинноногій, съ желтоватымъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, съ большими черными, падающими внизъ усами и немного согнутымъ станомъ, — таковъ нашъ рыцарь печальнаго образа. Надо прибавить, что глаза его полны особаго выраженія, какое бываетъ у людей, глубоко сосредоточенныхъ на одной мысли. Это—люди, непоколебимо вѣрующіе, не знающіе страха и сомнѣнія на своемъ пути, полные самоотверженія, ежеминутно готовые на страданія и смерть.

Такая рѣшимость горить и въ глазахъ нашего странствующаго

цаго рыцаря. Онъ почерпнулъ ее въ своихъ книгахъ. Онъ читалъ ихъ день и ночь. Воображеніе разгоралось. Кругомъ рыцаря носились образы Пальмерика англійскаго, Амадиса галльскаго, Марса гирканскаго, Циронгилю фракійскаго, и, наконецъ, отъ долгихъ бодрствованій и негнпаго чтенія у рыцаря помутился разумъ. Донъ-Кихоть вообразилъ себя наслѣдникомъ былыхъ героевъ и сталъ готовиться на подвиги странствующаго рыцаря.

Часто, прочитавъ о какомъ-либо подвигѣ странствующаго рыцаря, гидальго всакивалъ, хватался за мечъ и принимался рубить имъ, что ни попало. У него былъ конь—старый, истощенный, только кожа да кости; но рыцарю онъ показался красивѣе Буцефала Александра Македонскаго, и рыцарь подобралъ для него самое звучное и сильное имя—„Россинантъ“.

У рыцаря въ кладовой хранилось прадѣдовское вооруженіе, подуиставшее отъ пыли, сгнившее отъ ржавчины. Теперь онъ вытаскиваетъ его на свѣтъ Божій, чиститъ, поправляетъ, къ шишаку придѣлываетъ картонный шлемъ. Недѣля работы, и убранство воина готово.

Нужна дама, безъ дамы не бываетъ рыцаря. Къ дамѣ должны будутъ являться на поклонъ великаны, побѣжденные рыцаремъ, и говорить ей пышныя рѣчи объ ея поклонникѣ.

Кто же будетъ этой счастливицей у нашего рыцаря?

Рыцарь—бѣднякъ. Никакихъ принцессъ онъ отъ роду не знавалъ. Кругомъ него живутъ крестьяне, да развѣ такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ. И выборъ его падаетъ на крестьянку изъ сосѣдней деревни Тобозо.

Онъ ни разу въ жизни не видалъ своей избранницы, только слышалъ объ ея красотѣ, этого достаточно. Надо только изобрѣсти имя позвучнѣе. Это нелегкое дѣло. Крестьянку зовутъ Альдонзо Лоренцо, для рыцаря она должна называться—Дульцинея. Латинское слово *dulcis* значитъ сладкій, и дама рыцаря будетъ называться не хуже пной принцессы. Дульцинея Тобозская въ торжественныхъ случаяхъ Дульцинейшая Дульцинея. Самъ рыцарь возьметъ имя Донъ-Кихоть Ла-

манчскій, нѣсколько похожее на его родовое имя Кихада, гидальго изъ Ламанчи.

Теперь все въ порядкѣ.

Остается сѣсть на Россинанта и отправиться въ путь. Такъ рыцарь и дѣлаетъ, преисполненный восторга предъ своей будущей славой.

Только одна мысль угнетаетъ его. Онъ еще не посвященъ въ рыцари, и потому не имѣетъ права сражаться съ рыцарями.

Но за посвященіемъ дѣло не станетъ. Оно совершится въ первый же день.

Подъ вечеръ рыцарь и его конь смертельно устали. На пути встрѣчается заѣздой домъ, грязная, тѣсная харчевня. Но воспаленному воображенію Донъ-Кихота она кажется замкомъ.

Всѣ странствующие рыцари, о которыхъ рассказывалось въ книгахъ, оставались отдыхать въ великолѣпныхъ замкахъ. Башни сіяли на солнцѣ своими посеребренными верхушками, кругомъ замка—рвы и подъемные мосты, между зубцами стѣнъ появлялся карла и трубнымъ звукомъ предупреждалъ хозяевъ замка о появленіи рыцаря.

Какъ разъ мимо харчевни проходилъ пастухъ и, сзывая свое стадо, затрубилъ въ рожокъ. Донъ-Кихоть принялъ это за сигналъ карлы. У харчевни случились двѣ простыя женщины, и ихъ Донъ-Кихоть счелъ за благородныхъ обитательницъ замка и, приподнявъ забрало, обратился къ нимъ съ такой рѣчью:

— Прекрасныя сеньоры, не убѣгайте и не опасайтесь съ моей стороны никакого оскорбленія. Законы рыцарей, которые я клялся исполнять, запрещаютъ оскорблять кого бы то ни было, тѣмъ болѣе такихъ благородныхъ дѣвушекъ, какими кажетесь вы.

Женщины засмѣялись въ отвѣтъ на рѣчь воина и едва не ввели его въ гнѣвъ. Но явился трактирщикъ, толстый, добродушный, сразу смекнулъ, что рыцарь не совсѣмъ здоровъ и началъ разыгрывать комедію, какую хотѣлось рыцарю.

Онъ долженъ быть посвященъ. Вѣдь трактирщикъ—владѣлецъ замка, и Донъ-Кихоть на колѣняхъ умоляетъ его выполнить надъ нимъ священный обрядъ. Цѣлую ночь Донъ-Кихоть, по уста-

вамъ рыцарства, простоятъ на стражѣ своего оружія, т.-е. будетъ расхаживать подлѣ колодца и корыта, гдѣ разложить свои латы, а на утро его посвящать въ рыцари.

Трактирщикъ согласенъ.

Затѣя едва не кончается очень печально, какъ и всѣ будущіе подвиги нашего рыцаря. Погонщикъ вздумаетъ напоить своихъ муловъ и дерзнетъ сбросить съ корыта рыцарское убранство; въ отвѣтъ Донъ-Кихотъ воскликнетъ, поднявъ взоры къ небу:

— Моя дама, бодрствуйте надо мною въ минуту этого перваго оскорбленія, испытываемаго поработеннымъ вами сердцемъ. Пусть ваша благосклонность поддерживаетъ меня въ этой первой грозящей мнѣ опасности.

И Донъ-Кихотъ поражаетъ погонщика копьемъ. Тотъ падаетъ безъ памяти. Трактирщикъ спѣшитъ посвятить гостя въ рыцари. Это дѣлается просто: два удара мечомъ, бормотанье какихъ-то словъ по книгѣ, гдѣ погонщикъ записывалъ ячмень и солому, отпускаяшіеся погонщикомъ. Одна изъ женщинъ, едва удерживаясь отъ смѣха, опоясываетъ Донъ-Кихота мечомъ, и все кончено.

На слѣдующій день начинаются подвиги.

Бѣдный рыцарь! Онъ воображаетъ, что призванъ защищать всѣхъ обижаемыхъ, угнетенныхъ, все равно при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Достаточно ему видѣть, что человѣкъ страдаетъ, онъ не справляется о причинѣ и летитъ на помощь.

И какъ часто дѣлается это не кстати! Какъ часто рыцарь своими необдуманными подвигами вредитъ тѣмъ, кому благодѣтельствуешь!

Въ первый же день онъ совершаетъ именно такой подвигъ.

Онъ встрѣчаетъ такую сцену: крестьянинъ привязалъ мальчика лѣтъ пятнадцати къ дереву и жестоко наказываетъ его. Мальчикъ — пастухъ и очень небрежно стерегъ овецъ своего хозяина.

Донъ-Кихотъ не желаетъ ничего слышать.

Онъ приказываетъ крестьянину немедленно заплатить мальчику все жалованье и освободить его: иначе рыцарь раздѣляется копьемъ.

Крестьянинъ повинуется, клянется всѣми рыцарскими орденами на свѣтѣ исполнить волю Донъ-Кихота. Рыцарь видитъ, что онъ нагналъ достаточно страха на мучителя и увѣзжаетъ довольный своимъ подвигомъ, объявляя крестьянину:

— Я безстрашный Донъ-Кихотъ Ламанчскій, бичъ зла и разрушитель неправды.

Но лишь только рыцарь скрывается изъ виду, крестьянинъ снова привязываетъ мальчика къ дереву, осыпаетъ насмѣшками „рушителя неправды“ и сторицей наказываетъ свою жертву.

Дальше еще хуже.

Донъ-Кихотъ встрѣчается съ купцами, принимаетъ ихъ за странствующихъ рыцарей и кричитъ имъ:

— Да не надѣется никто изъ васъ ступить чрезъ это мѣсто, если не признаетъ, что нѣтъ на земномъ шарѣ красавицы, подобной повелительницѣ Ламанчской, несравненной Дульциней Тобозской.

Купцы останавливаются въ недоумѣніи. Одинъ изъ нихъ просить Донъ-Кихота сначала показать свою красавицу; рыцарь приходитъ въ ярость. Происходитъ свалка. Россинантъ въ самый разгаръ боя спотыкается, рыцарь летитъ наземь, и его нещадно избиваютъ его же копьемъ.

Такъ кончается первый выѣздъ Донъ-Кихота. Крестьянинъ сосѣдъ подбираетъ его на дорогѣ и привозитъ домой.

Домашніе—племянница рыцаря и экономка—разсчитываютъ выѣздить безумца, приглашаютъ своихъ друзей, священника и цырульника, и вмѣстѣ съ ними, пока Донъ-Кихотъ выздоравливаетъ отъ побоевъ купцовъ, сжигаютъ рыцарскіе романы, задѣлываютъ даже дверь въ бібліотеку, будто и самой бібліотеки не существуетъ.

Но все напрасно.

Рыцарь больше чѣмъ когда-либо преисполненъ жаждой подвиговъ.

Теперь онъ находитъ оруженосца, крестьянина Санчо Панса. Онъ вбиваетъ ему въ голову свои бредни, обѣщаетъ ему впоследствии островъ, и Санчо беретъ своего осла, выдолбленную тыкву вмѣсто бутылки и ѣдетъ за рыцаремъ.

Теперь подвиги быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ и одинъ другого блистательнѣе.

Сначала встрѣча съ вѣтранными мельницами. Рыцарю онѣ кажутся великанами. Санчо всѣми силами разувѣряетъ его; все напрасно, Донъ-Кихотъ кричитъ мельницамъ:

— Не убѣгайте, не убѣгайте, презрѣнныя твари! Вы видите, — я одинъ готовлюсь поразить васъ.

Крылья ему кажутся руками, и онъ бросается на чудовища. Минута, и вонзенное въ крыло копье разбито вдребезги, самъ рыцарь опрокинутъ вмѣстѣ съ Россинантомъ. Но рыцарь такъ и остается при убѣжденіи, что волшебникъ, его врагъ, превратилъ великановъ въ вѣтряныя мельницы. Онъ не жалуется на боль: это запрещено странствующимъ рыцарямъ, даже если бы они умирали въ жестокихъ мѣкахъ.

Немедленно послѣ мельницъ—новое приключеніе.

На дорогѣ встрѣчается дама въ каретѣ въ сопровожденіи двухъ монаховъ и слуги. Донъ-Кихотъ припоминаетъ рассказъ о томъ, какъ волшебники похищали красавицъ. Это именно и проехо-дитъ теперь. Онъ останавливаетъ путниковъ, приказываетъ освободить „принцессу“, начинается новое побоище, и если бы дама не остановила его мольбами и криками, битва окончилась бы весьма плохо для одного изъ спутниковъ дамы.

Донъ-Кихотъ щадитъ его и посылаетъ на поклонъ къ Дульцинеѣ. Рыцарь платится разрубленнымъ ухомъ.

Но его ждетъ болѣе чувствительное бѣдствіе.

Наступаетъ ночь. Рыцарь и оруженосецъ остаются подъ открытымъ небомъ. Санчо это не нравится. Онъ любитъ сытно поѣсть и покойно поспать. Другое дѣло—странствующій рыцарь.

Онъ можетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не ѣсть, питаться развѣ плодами и травами. Только при случаѣ, когда въ замкахъ въ его честь устраиваютъ блестящія празднества, рыцарь отводитъ душу.

Въ подѣлъ ночуютъ пастухи. Наши путники присоединяются къ нимъ и раздѣляютъ ихъ ужинъ.

Какая чудная ночь!

Испанскіе пастухи достойны рыцарей. Среди них встрѣчаются люди очень изящные, прекрасные пѣвцы, музыканты, вѣрные служители дамъ, и Донъ-Кихоту приходится слышать чудную пѣсню о тоскѣ влюбленнаго сердца: лучшей пѣсни не спѣли бы и въ замкѣ.

Донъ-Кихоть, кромѣ того, узнаетъ исторію совсѣмъ по своему вкусу,—о нѣкоей жестокой красавицѣ-крестьянкѣ, о томъ, какъ по ней страдаютъ парни и вырѣзываютъ ее имя на деревьяхъ, иные молятъ небо даже о смерти.

Такъ умѣютъ любить пастухи! И Донъ-Кихоть въ восторгѣ, и онъ объявляетъ пастухамъ, что такое странствующій рыцарь и какая чудная красавица Дульцинея Тобозская!

Но судьба странствующаго рыцаря такъ прихотлива и измѣнчива! Послѣ такой удивительной ночи самый пустой случай навлекаетъ на нашихъ путниковъ жестокое горе. И виной на этотъ разъ жалкій Россинантъ!

Во время остановки ему пришла фантазія поиграть съ лошадьми, недалеко на лугу. Погонщики принялись сурово наказывать легкомысленнаго коня. Донъ-Кихоть вступился за свое сокровище,—и дѣло кончилось полнымъ разгромомъ рыцаря и его оруженосца.

Оба они приняли это новое приключеніе далеко не съ одинаковымъ духомъ. Санчо разъ навсегда рѣшаетъ отказаться отъ битвъ.

— Государь мой,—говоритъ онъ рыцарю,—я человѣкъ миролюбивый и, благодаря Бога, умѣю прощать наносимыя мнѣ оскорбленія, потому что у меня на шеѣ сидятъ жена и дѣти, которыхъ я долженъ прокормить и воспитать. Поэтому вы можете быть увѣрены, что я никогда не обнажу меча ни противъ рыцаря, ни противъ послѣдняго мужика, и отнынѣ до второго пришествія прощаю всѣ обиды, которыя мнѣ нанесли, нанесутъ и нанесать,—благо, я нищій, рыцарь и мужикъ.

У Донъ-Кихота совершенно другія мысли. Онъ нисколько не смущенъ только что перенесенными побоями.

— Санчо!—воскликаетъ онъ,—знай, что если странствующихъ рыцарей ежедневно могутъ ждать тысячи непріятностей, зато имъ ежедневно представляется возможность сдѣлаться императорами или королями; и еслибъ меня не мучила боль, я разска- залъ бы тебѣ исторіи многихъ рыцарей, достигшихъ трона мужествомъ своихъ рукъ. И что жъ? эти самые рыцари никогда не были укрыты отъ ударовъ судьбы и нѣкоторые изъ нихъ испытали страшныя несчастія. Такъ, великій Амадисъ галльскій увидѣлъ себя подь конецъ своей жизни во власти величайшаго врага своего, волшебника Аркалая, который, привязавъ его къ столбу, на дворѣ своего замка, отсчиталъ ему собственноручно двѣсти ударовъ ременными вожжами своего коня. Мы знаемъ, благодаря одному малоизвѣстному, но стоящему довѣрія автору, что рыцарь Фебъ, измѣннически захваченный въ волчьей ямѣ, въ которую неосторожно ступилъ во дворѣ одного замка, былъ брошенъ въ мрачное подземелье, связанный по рукамъ и ногамъ, гдѣ его угостили такимъ кушаньемъ изъ снѣгу и песку, что онъ еле-еле не умеръ, и безъ помощи одного великаго волшебника, явившагося въ эту минуту спасти своего друга, одинъ Богъ знаетъ, что стало бы съ несчастнымъ рыцаремъ. Послѣ этого, Санчо, ты можешь, кажется, пройти чрезъ всѣ тѣ испытанія, которымъ подверглись эти благородные люди. Они переносили худшія невзгоды, чѣмъ выпавшія теперь на нашу долю. Къ тому же ты долженъ знать, что раны, нанесенныя первымъ попавшимся подь руку оружіемъ, ни мало не позорятъ раненыхъ. Это ясно сказано въ статьѣ о дракахъ: „если башмачникъ, написано тамъ, ударить другого колодкой, то хотя эта колодка и сдѣлана изъ дерева, тѣмъ не менѣ нельзя сказать, чтобъ битый башмачникъ былъ, дѣйствительно, битъ. Поэтому, Санчо, не думай, чтобы нанесенные намъ побои безчестили насъ. Нисколько! Противники наши были вооружены простыми дубинами, безъ которыхъ они не дѣлаютъ ни шагу, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ при себѣ, сколько я помню, ни меча, ни компаса.

— Право, мнѣ некогда было разсматривать этого, — сказалъ Санчо,—потому что не успѣлъ я обнажить моего славнаго меча,

какъ они уже своими дубинами задали мнѣ такую трепку, что и потерялъ въ одно время ноги и глаза и, какъ снопъ, повалился на это мѣсто, съ котораго до сихъ поръ не могу подняться. И вовсе мнѣ теперь не до того, обезчестили ли меня эти удары, или нѣтъ, а то что они заставляютъ меня чувствовать страшную боль, которую я не могу вырвать ни изъ памяти, ни изъ плечъ моихъ.

— Санчо,—сказалъ рыцарь,—нѣтъ такой боли, нѣтъ такого горя, которыхъ не ослабило бы время и не исцѣлила смерть.

— Спасибо за утѣшенье!—отвѣтилъ оруженосецъ.—Хотѣлъ бы я знать, чтб же, по вашему мнѣнію, можно придумать хуже той боли, которую облегчить можетъ только время, а исцѣлить смерть?

Такъ разсуждали наши герои, совсѣмъ по-разному думая о своихъ приключеніяхъ.

Донъ-Кихота пришлось положить поперекъ осла. Санчо испустилъ тридцать вздоховъ, проговорилъ шестьдесятъ разъ ой-ой, проклиная сто двадцать разъ виновниковъ испытываемыхъ имъ удовольствій. Путники направились въ кормчу, которая и на этотъ разъ показалась рыцарю замкомъ.

Здѣсь рыцаря и оруженосца ждало новое приключеніе,—и такое, что Санчо не могъ забыть его до конца своихъ дней.

XIII.

Путниковъ приняли въ кормчѣ ласково, рыцаря стали натирать мазями, хозяйка, было, догадалась, что рыцаря побили,—но Санчо немедленно опровергъ догадки, заявилъ, что рыцарь скатился съ высокой скалы, притомъ Санчо попросилъ мази и для себя.

— Развѣ ты тоже упалъ?—спросила хозяйка.

— Нѣтъ, не то, что упалъ, — проговорилъ Санчо, — но при видѣ паденія моего господина, я почувствовалъ такое сотрясеніе во всемъ тѣлѣ, какъ-будто мнѣ дали тысячу палокъ.

— Это понятно,—подхватила дочь хозяйки,—мнѣ часто случалось видѣть во снѣ, что я падаю съ высокой башни, падаю

и не могу упасть, и когда потомъ я пробуждалась, то чувствовала себя разбитой, точно въ самомъ дѣлѣ упала.

— Ну вотъ, то же и со мной,—подхватилъ Санчо,—съ тою только разницею, что, не видѣвъ ничего во снѣ, я чувствую себя, однако, такъ же дурно, какъ и мой господинъ.

— А какъ прозывается вашъ господинъ?—спросила служанка.

— Донъ-Кихотъ Ламанчскій, одинъ изъ славнѣйшихъ странствующихъ рыцарей, какіе существовали когда-либо на свѣтѣ,—отвѣчалъ Санчо.

— Странствующій рыцарь? это что такое?!—воскликнула удивленная служанка.

— О, какъ же вы просты, моя милая, когда не знаете такой простой вещи,—сказалъ Санчо. — Странствующій рыцарь, это, я вамъ скажу, такой человѣкъ, который можетъ каждый день ожидать императорскаго вѣнца или палокъ; сегодня несчастнѣйшее существо въ мірѣ, завтра — царь съ тремя или четырьмя царствами, которыя можетъ подарить своему оруженосцу.

— Почему это, служа оруженосцемъ у такого великаго господина, вы не имѣете даже графства?—спросила хозяйка.

— Некогда было еще найти его,—отвѣчалъ Санчо.—Вѣдь мы всего мѣсяца странствуемъ, ища приключеній. Къ тому же, вы знаете, человѣкъ зачастую находитъ совсѣмъ не то, что ищетъ. Но чуть только мы съ господиномъ моимъ оправимся, тогда я не промѣняю своихъ надеждъ на богатѣйшее помѣстье въ Испаніи.

Лежа на постели, Донъ-Кихотъ внимательно слушалъ этотъ разговоръ и, приподнявшись немного, нѣжно взялъ за руку хозяйку и сказалъ ей:

— Прекрасная и благородная дама! вѣрьте мнѣ, вы можете гордиться тѣмъ, что приняли въ вашемъ замкѣ такого человѣка, какъ я. Умалчиваю о томъ, кто я именно, зная, что насъ унижаетъ похвала самимъ себѣ, но оруженосецъ мой скажетъ вамъ это. Я же добавлю только, что сохраню навѣки воспоминаніе объ услугѣ, оказанной вами мнѣ. И если бѣ небу не угодно было,—добавилъ онъ, кидая нѣжный взглядъ на дочь хозяйки,—надѣть уже на меня цѣпи любви, если бѣ оно не сдѣлало меня

рабомъ очаровательной тиранки, имя которой я шепчу въ настоящую минуту, то прекраснымъ глазамъ этой дѣвушки, быть можетъ, суждено было бы лишить меня свободы.

И послѣ такихъ сладкихъ рѣчей такое обидное приключеніе! Ночью въ темнотѣ Донъ-Кихоть служанку принялъ за принцессу и разсыпался въ своемъ рыцарскомъ краснорѣчіи. Погонщикъ муловъ вступился, произошла драма,—и рыцарь, и оруженосецъ опять оказались побитыми.

Но на этомъ дѣло не кончилось.

Донъ-Кихоть зналъ, что для странствующихъ рыцарей существуетъ особый цѣлебный бальзамъ. Составъ его онъ вычиталъ въ книгахъ,—и здѣсь же, въ кормчѣ, послѣ ночной драки приготовилъ его, выпилъ самъ и далъ Санчо.

Дѣйствіе оказалось поразительнымъ!

Самъ Донъ-Кихоть отдѣлался сравнительно легко; но оруженосецъ вытерпѣлъ адскія мѹки,—почувствовалъ такую тошноту, что ежеминутно готовился отдать Богу душу и не переставалъ проклинать и лѣкарство, и злодѣя, угостившаго его этимъ лѣкарствомъ.

Донъ-Кихоть важно замѣтилъ:

— Санчо! или я ничего не смыслю, или ты страдаешь оттого, что ты не странствующій рыцарь. Сколько я знаю, бальзамъ этотъ годится только для рыцарей.

— Проклятіе на меня и на весь родъ мой,—вопилъ Санчо.— Если вы это знали, зачѣмъ же вы меня поили имъ?

Но и это было не послѣднимъ приключеніемъ въ злополучной кормчѣ.

Донъ-Кихоть, какъ странствующій рыцарь, не пожелалъ ничего платить въ „зѣмкѣ“ и уѣхалъ со двора. Санчо счелъ себя въ правѣ также ничего не платить хозяину, какъ оруженосецъ странствующаго рыцаря. И вотъ тогда-то бѣдняка постигло несчастіе, оставшееся ему памятнымъ на всю жизнь.

Въ кормчѣ, на его бѣду, случилось пятеро людей торговаго званія, веселаго нрава и прекраснаго здоровья,—и они-то сыграли съ оруженосцемъ злую шутку: достали одѣяло, повалили на него Санчо и принялись подбрасывать вверхъ.

Воздушное путешествие вышло преуморительное, — но оно оскорбило рыцаря. Донъ-Кихоть немедленно бросился на по-

Полеты Санчо.

мощь оруженосцу, — ворота оказались запертыми, и Санчо летать на воздухъ, пока его враги не выбились изъ силъ.

За воротами корчмы — новое приключеніе.

Донъ-Кихоть два стада овецъ принялъ за арміи, даже подробно назвалъ Санчо имена предводителей и ринулся въ бой. Опять возмездіе отъ пастуховъ, и рыцарь потерялъ нѣсколько зубовъ. А немедленно за этимъ—столкновеніе съ похоронной процессіей, сраженіе съ молодымъ духовнымъ лицомъ, блистательная побѣда надъ безоружнымъ бѣднякомъ,—но она уже не могла украсить героя.

Онъ, столько разъ побитый, казался теперь даже своему оруженосцу необыкновенно жалкимъ и несчастнымъ,—и Санчо здѣсь же назвалъ его рыцаремъ печальнаго образа.

Донъ-Кихоть принялъ это прозвище и въ ту же минуту новымъ приключеніемъ доказалъ, до какой степени онъ жалокъ, даже смѣшенъ,—онъ, злополучная жертва глупыхъ книгъ!

Какая забавная и не рыцарская картина!

Рыцарь и оруженосецъ проводятъ ночь безъ сна, у холма, откуда несутся какіе-то сильные глухіе удары. Донъ-Кихоть замираетъ отъ радости въ надеждѣ на новое приключеніе. Онъ говоритъ оруженосцу о невѣроятномъ подвигѣ, его ожидающемъ. Ночной мракъ кругомъ, таинственный шелестъ листьевъ горячатъ его воображеніе. Онъ готовится увидать нѣчто несказанное, прощается съ оруженосцемъ—трогательно и торжественно, Санчо заливается слезами,—и что же виной всей этой кутерьмы?

Разсвѣло, и герои увидѣли предъ собой шесть ваяльных мельницъ! Донъ-Кихоть будто упалъ съ высоты, побѣднѣлъ, опустилъ на грудь голову. А Санчо? безконечно счастливый, онъ захоталъ, какъ полоумный, забывъ даже уваженіе къ рыцарю, и принялся передразнивать его торжественныя рѣчи:

— Узнай, Санчо, что, по волѣ небесъ, я родился въ этотъ желѣзный вѣкъ, чтобы воскресить золотой. Для меня созданы величайшія опасности, меня ожидаютъ величественные подвиги и безсмертныя дѣла...

Такъ Санчо потѣшался надъ рыцаремъ...

Тогда Донъ-Кихоть выходитъ изъ себя и бьетъ оруженосца...

Но это лишь вспышка.

Рыцарь искренно любит своего спутника, считает его даже лучшим из людей за его простодушіе, привязанность, честность,—и онъ проситъ у Санчо извиненія,—только совѣтуетъ ему не особенно вдаваться въ разговоры, вести себя сдержаннѣе,—оруженосцы странствующихъ рыцарей бывали даже совсѣмъ безмолвнымъ народомъ, а Санчо болтаетъ безумолку и что ему въ голову взбредеть.

Тщетный совѣтъ!

У Санчо одновременно съ любовію хорошо повѣсть и поспать—смертная охота власть поговорить. Ему неумоготу долго молчать, и Донъ-Кихоту приходится выслушивать рѣчи своего оруженосца.

И Санчо заслуживаетъ снисхожденія!

Сколько разъ ему приходится мириться съ самыми отчаянными выходками рыцаря! Донъ-Кихоть ѣдетъ будто во снѣ. Весь міръ для него мѣняетъ свой видъ и кажется такимъ, какимъ рыцарь видѣлъ его въ своихъ романахъ. Что ни встрѣча, то непременно воспоминаніе о какомъ-нибудь вычитанномъ приключеніи. Волшебники и разныя другія чудеса такъ и сыплются на голову рыцаря.

Онъ давно мечтаетъ о шлемѣ волшебника Мамбрена,—непремѣнно надо достать его,—и вотъ шлемъ совсѣмъ въ рукахъ. Встрѣчается цырульникъ съ мѣднымъ тазикомъ; для Донъ-Кихота это—золотой шлемъ. Санчо напрасно старается образумить рыцаря: тазикъ отнять, и рыцарь въ восторгѣ.

Ему приходится испытать волшебную силу добычи.

Опять защита гонимыхъ и несчастныхъ!

Теперь это преступники, идущіе на каторгу. Все народъ законный, боевой. Ни въ какомъ состраданіи со стороны рыцаря печальнаго образа онъ не нуждается.

Но развѣ странствующій рыцарь можетъ такъ разсуждать?

Для него достаточно, что люди идутъ куда-то не по своей волѣ,—они, слѣдовательно, терпятъ насиліе,—ихъ должно освободить.

Напрасно Донъ-Кихоть отъ нихъ же самихъ узнаетъ объ ихъ

преступленіяхъ,—онъ сначала проситъ стражу отпустить каторжниковъ, потомъ затѣваетъ драку,—и стража оказывается побѣжденной.

Каторжники на свободѣ. Теперь рѣшится вопросъ, какъ они отблагодарятъ своего освободителя.

Совершенно для него неожиданно!

Донъ-Кихоть требуетъ только одного: пусть освобожденные имъ преступники съ цѣпью на шеѣ отправятся въ Тобозо и расскажутъ Дульцинеѣ о подвигѣ рыцаря печальнаго образа.

Каторжники основательно объясняютъ рыцарю, что для нихъ небезопасно будетъ путешествіе съ цѣпью на шеѣ, ихъ и безъ того, навѣрное, выслѣдятъ и постараются изловить.

Тогда рыцарь загорается гнѣвомъ, бросается на самого рѣчистаго преступника, завязывается сраженіе, рыцаря и оруженосца забрасываютъ камнями, вдобавокъ грабятъ, у Санчо уводятъ осла и предоставляютъ рыцарю на свободѣ обсудить свое благодѣяніе, а особенно утѣшить Санчо, горячими слезами оплакивающего своего осла:

— „О, сынъ моего сердца, рожденный въ моемъ собственномъ домѣ, забава дѣтей моихъ, услада жены, зависть сосѣдей, помощникъ въ трудахъ моихъ и кормилецъ цѣлой половины моей, потому что заработанными тобою деньгами ты покрывалъ половину моихъ расходовъ“.

Донъ-Кихоть принимаетъ искреннее участіе въ горѣ Санчо и обѣщаетъ подарить ему трехъ ослятъ изъ пяти, оставленныхъ рыцаремъ дома.

Съ этой минуты путники вступаютъ въ горы. Воображеніе рыцаря принимаетъ новое направленіе. Сраженія это — одинъ способъ служить дамѣ, есть и другой, менѣе опасный, но не менѣе тяжелый.

Особенно блистательно показали его Амадисъ галльскій.

Когда дама на него прогнѣвалась, онъ назвался мрачнымъ красавцемъ и удалился страдать на утесъ Бѣдный.

Донъ-Кихоть можетъ такъ или иначе подражать Амадису. Можно поражать великановъ, обезглавливать вампировъ, раз-

сбивать арміи и флоты, разрушать очарованія, — или подражать Амадису, безумному, тоскующему, отчаянному, т.-е. рыдать и плакать.

А пока Санчо долженъ отправиться къ Дульцинеѣ и донести ей о безумствахъ ея рыцаря.

Для безумствъ нѣтъ ни малѣйшаго повода. Дульцинея ведетъ себя очень хорошо, но въ томъ-то и суть, чтобы странствующій рыцарь безумствовалъ безъ причины хладнокровно.

Тогда дама пойметъ, какихъ дѣлъ онъ можетъ надѣлать, если разгорячится! И все это долженъ видѣть Санчо и сообщить Дульцинеѣ.

Донъ-Кихоть разорветъ на себѣ одежду, разбросаетъ свое оружіе и примется кувиркаться.

Санчо только при этомъ случаѣ узнаетъ, кто дама его господина.

Донъ-Кихоть называетъ ея родителей, и Санчо такъ описываетъ эту принцессу:

— Да, я ее знаю и могу доложить вашей милости, что она швыряетъ шести не хуже любого деревенскаго парня. Дѣвка она видная, здоровая... Одинъ голосище чего стоитъ. Какъ вошла это она разъ на колокольню кликнуть рабочихъ, такъ ее за двѣ версты слышно было. И главное, не чудить и не чванится она. Вотъ ужъ этого у нея нисколько нѣтъ, со всѣми балагурить, смѣется, такъ что я скажу вашей милости, господинъ рыцарь печальнаго образа, изъ-за нея вамъ пристало не только сходить съ ума, но даже повѣситься, ей-Богу, — это всѣ въ одинъ голосъ скажутъ вамъ...

Санчо удивляется, зачѣмъ къ такой дамѣ Донъ-Кихоть посылаетъ своихъ побѣжденныхъ неприятелей: они, пожалуй, застанутъ ее, когда та будетъ чесать коноплю или провѣвать рожь.

Донъ-Кихоть не доволенъ остроуміемъ Санчо. Онъ пишетъ чувствительное письмо къ Дульцинеѣ, по просьбѣ Санчо дѣлаетъ два прыжка на воздухъ и дважды кувиркается. Санчо теперь по совѣсти можетъ рассказывать о безумствахъ рыцаря.

Исторія подходит къ концу. Авторъ выполнилъ свою задачу.

Ему требовалось на всё важнѣйшія чудеса рыцарскихъ романовъ написать каррикатуру, высмѣять битвы съ великанами, борьбу съ очарованіями волшебниковъ, погоню за разными чудодѣйственными вещами, въ родѣ очарованныхъ шлемовъ.

Все это исполнено.

Амадись галльскій теперь просто смѣшонъ и нелѣпъ. Донъ-Кихоть, кувыркающійся и страдающій въ горахъ подобно мрачному красавцу, оказалъ ему самую жестокую услугу. Больше нельзя будетъ безъ смѣха говорить о славномъ рыцарѣ, — и врядъ ли кто теперь рѣшится оплакивать несчастья и смерть Амадиса. Смѣхъ убиваетъ все уродливое и бессмысленное. Ламанчскій рыцарь можетъ пока сойти со сцены, прекратить свои подвиги и страданія.

И это дѣлается авторомъ очень хитроумно, при помощи особой исторіи — совершенно испанской, — съ приключеніями и неожиданно счастливой развязкой.

Иначе, пожалуй, и нельзя. Какъ залучить домой рыцаря, подобнаго Донъ-Кихоту? Требуется особенное искусство и тонкій обманъ.

XIV.

Донъ-Кихоть созданъ за тѣмъ, чтобы защищать гонимыхъ и слабыхъ, — и вотъ предъ нимъ несчастная изгнанница, дѣвушка. Гдѣ же еще и развернуться рыцарской доблести!

Дѣвушка оскорблена жестокимъ челоуѣкомъ, — Донъ-Кихоть, разумѣется, возьмется отомстить за нее.

Но этого мало. Рыцаря надо завлечь въ его родной домъ. А это могутъ сдѣлать только его земляки, друзья, все тѣ же священникъ и цырульникъ, которые жгли рыцарскіе романы.

И вотъ изображается рядъ счастливыхъ встрѣчъ.

Санчо по пути къ Дульцинеѣ встрѣчаетъ друзей Донъ-Кихота. Они узнаютъ отъ оруженосца, въ какомъ положеніи рыцарь. Его надо спасти. Но какъ?

Донъ-Кихоть не пойдетъ ни на какія убѣжденія. Священнику

и цырульнику приходится являться къ нему незнакомцами; переодѣться,—одному странствующей дѣвушкой, другому оруженосцемъ.

Но судьбѣ угодно, чтобы спасители рыцаря встрѣтили красавицу Доротею, несчастную дѣвушку, и столь же несчастнаго молодого человѣка. Важнѣе всего дѣвушка. Ее можно выдать за принцессу, лишенную наслѣдства, бѣжавшую изъ родительскаго дома.

Пусть это будетъ Микомиконское царство. Нигдѣ его нѣтъ и не было на землѣ. Но не все ли равно? Воображеніе рыцаря представить все, что угодно, лишь бы на-лицо была несчастная, беззащитная дама.

Итакъ, принцесса Микомиконъ готова.

Отыскиваютъ въ горахъ Донъ-Кихота, принцесса падаетъ предъ нимъ на колѣни и умоляетъ его вернуть ей ея царство.

Санчо присоединяется къ ея просьбѣ. Онъ также увѣровалъ, что несчастная дѣвушка—принцесса и ждетъ не дожидется, когда его господинъ женится на ней и сдѣлаетъ его правителемъ острова.

Донъ-Кихотъ отправляется въ Микомиконское царство. На самомъ дѣлѣ его ведутъ въ его же деревню.

По дорогѣ Санчо находитъ своего осла.

Это одна изъ самыхъ трогательныхъ встрѣчъ!

Происходитъ она совершенно неожиданно. Похититель встрѣтился съ нашими путниками, и Санчо, всѣми силами души всматривавшійся во всякаго встрѣчнаго осла, немедленно узналъ своего пріятеля и принялся кричать во все горло:

— А, мошенникъ, отдай мнѣ мое добро, возврати мнѣ жизнь мою, возврати мнѣ постель, на которой я отдыхаю; вонъ, долой съ моего осла, отдай мнѣ то, что не твое.

Санчо совершенно напрасно потратилъ столько возгласовъ: при первомъ изъ нихъ похититель соскочилъ съ осла и пустился бѣжать чуть не галопомъ.

— Здравствуй, голубчикъ осель мой,—сказалъ обрадованный Санчо, подбѣжавъ къ своему ослу и крѣпко обнявъ и поцѣло-

вавъ его: — дитя мое, товарищъ мой, радость очей моихъ, здоровъ ли ты, ненаглядный мой?

Говоря это, онъ все цѣловалъ осла, молча принимавшаго всѣ эти ласки, рѣшительно не зная, что отвѣчать ему.

Санчо и его осель.

Немедленно послѣ этой радости Санчо пришлось очутиться въ довольно затруднительномъ положеніи.

Донъ-Кихоть посылалъ его къ Дульцинеѣ. Санчо не доѣхалъ

до нея, его перехватили на пути священникъ и цырульникъ. Но рыцарь потребовалъ у оруженосца отчета объ его путешествіи. Пришлось сочинять цѣлую исторію, — и Санчо блистательно сочинилъ ее. Ему было извѣстно, что Дульцинея — простая крестьянка, — и вотъ какой забавный разговоръ произошелъ между рыцаремъ и оруженосцемъ.

Донъ-Кихоть принимается спрашивать:

— Когда ты предсталъ предъ этой царицей красоты, чѣмъ была занята она? Вѣроятно, нанизывала жемчугъ на золотую нитку или вышивала золотомъ какой-нибудь любовный девизъ для плѣннаго ею рыцаря.

— Засталъ я ее, — отвѣтилъ Санчо, — на скотномъ дворѣ, гдѣ она просѣвала двѣ осмины ржи.

— Хлѣбныя зерна въ рукахъ ея, вѣроятно, превращались въ жемчужины, — сказала Донъ-Кихоть. — Но обратилъ ли ты вниманіе на то, какого качества была рожь: чистая ли, полнобѣсная и матовая?

— Нѣтъ, свѣтлая.

— Могу тебя увѣрить, другъ мой, — замѣтилъ Донъ-Кихоть, — что прошедши черезъ ея руки, рожь эта дастъ чудеснѣйшій пшеничный хлѣбъ. Но скажи, когда ты передалъ ей мое письмо, поцѣловала ли она его? подняла ли надъ своей головой? сознала ли она что-нибудь достойное полученнаго ею посланія, и что она, наконецъ, сознала? Ради Бога, говори, не мучь меня.

— Когда я пришелъ къ ней съ вашимъ письмомъ, — сказалъ Санчо, — то ей, кажется, было не до писемъ: такъ была занята она работой. „Положи, мой милый, — сказала она, махая порядочной связкой ржи, — это письмо на мѣшокъ; я уже, когда кончу работу, прочитаю его“.

— Понимаю, понимаю тебя, скрытная красавица! — воскликнулъ Донъ-Кихоть. — Ты желала прочесть его на свободѣ, чтобы насладиться каждымъ выраженіемъ. Но продолжай, Санчо. Скажи, что говорила она тебѣ за работой, что ты отвѣчалъ ей. Передай мнѣ разговоръ вашъ отъ слова до слова. Скажи, о чемъ она спрашивала тебя?

— Ни о чемъ она не спрашивала меня,—сказаль Санчо,—а самъ я разсказаль ей, какъ ваша милость страдаетъ во славу ея, какъ оставилъ я васъ между скаль, словно дикаря какого, голаго, не кушающаго со стола, не расчесывающаго бороды, почивающаго на голой землѣ и все страдающаго, и проклинаящаго свою звѣзду.

— Это ты напрасно сказаль, что я проклиная звѣзду свою,—замѣтилъ Донъ-Кихоть.—Напротивъ, я благословляю и не перестану благословлять ее до конца дней моихъ, потому что она сдѣлала меня достойнымъ любви такой высокой дамы, какъ Дульцинея Тобозская.

— Ужь именно высокой,—замѣтилъ Санчо,—я полагаю, что вершка на три выше меня.

— Ты почему это знаешь, развѣ ты мѣрился съ ней?—спросилъ Донъ-Кихоть.

— Вотъ какъ мѣрился,—отвѣчалъ Санчо:—помогая ей взвалить на осла куль муки, я очень близко подошелъ къ ней и увидалъ, что она цѣлой головой выше меня.

— Не правда ли, высокій ростъ ея,—сказаль Донъ-Кихоть,—гармонируетъ какъ нельзя больше съ высокими достоинствами ума и возвышенной прелестью ея манерь? Но вотъ, Санчо, отчего ты не можешь отпереться, когда ты приближался къ ней, не повѣяло ли на тебя восхитительнѣйшими ароматами, не благоухало ли все вокругъ нея, какъ въ магазинѣ самаго изысканнаго парфюмера?

— Никакихъ запаховъ я не слышалъ отъ нея, кромѣ одного,—отвѣтилъ Санчо,—происходившаго, видно, оттого, что, работая, она страхъ какъ потѣла.

— У тебя, вѣрно, былъ насморкъ,—сказаль рыцарь,—или ты слышалъ свой собственный запахъ, потому что я, кажется, знаю, какъ благоухаетъ эта роза между шипами, эта садовая лилія, эта амбра.

— Пожалуй, что свой собственный слышалъ я,—продолжалъ Санчо,—я точно зачастую слышу отъ себя такой же самый запахъ, какой, казалось мнѣ, слышалъ я отъ вашей дамы—Дуль-

цинеи. И ничего тутъ мудренаго нѣтъ, если и слышалъ, потому что одинъ чортъ, говорятъ, похожъ на другого.

— До сихъ поръ все идетъ какъ нельзя лучше, — продолжалъ Донъ-Кихотъ. — Но скажи мнѣ, когда ты поклонился ей, что подарила она тебѣ въ награду за тѣ вѣсти, которыя ты принесъ ей отъ ея рыцаря? Потому что узнай, Санчо, если ты этого не знаешь: дарить какія-нибудь драгоценныя вещи оруженосцамъ, дѣвушкамъ или карламъ, приносящимъ вѣсти отъ рыцарей дамамъ и отъ дамъ рыцарямъ, это старинный и ненарушимый рыцарскій обычай.

— Очень можетъ быть, что это такой обычай, — сказала Санчо, — и, право, нельзя сказать, чтобы онъ былъ дурной; но только, видно, обычай этотъ былъ въ обычаѣ въ прежнія времена, а нынче вмѣсто драгоценныхъ подарковъ даютъ ломоть хлѣба съ кускомъ овечьяго творогу. По крайней мѣрѣ, госпожа Дульцинея ничего больше не дала, а творогомъ точно попотчевала, когда я откланивался ей изъ-за плетня скотнаго двора.

— Дульцинея, сколько я ее знаю, женщина чрезвычайно щедрая, — отвѣчалъ Донъ-Кихотъ, — и если ты не получилъ отъ нея дорогаго подарка, то, вѣроятно, потому, что въ это время у нея не было ничего подъ рукой, иначе она тебѣ непременно подарила бы какую-нибудь драгоценную вещь. Ты, впрочемъ, ничего не потерялъ, потому что, когда я увижусь съ Дульцинеей, я устрою, какъ слѣдуетъ.

Путники прибыли въ ту самую корчму, гдѣ Санчо испыталъ заключеніе съ одѣяломъ.

Въ корчмѣ вскорѣ собралось многочисленное общество, явился человекъ, оскорбившій мнимую принцессу Микомиконъ, потомъ невѣста несчастнаго юноши, встрѣченнаго въ горахъ Донъ-Кихотомъ и его друзьями, и еще нѣсколько человекъ, въ числѣ ихъ и полицейскіе и, наконецъ, цырульникъ, владѣлецъ таза, на взглядъ Донъ-Кихота, мамбреновскаго шлема. Когда рыцарь присвоивалъ себѣ тазъ, Санчо воспользовался ослинымъ вьюкомъ цырульника. И вотъ теперь начинается разборъ дѣла. Полицей-

скіе, кромѣ того, желаютъ арестовать Донъ-Кихота за то, что онъ освободилъ каторжниковъ.

Корчма превращается въ поле битвы.

Жестокая и жалкая картина! Съ трудомъ прекращаетъ побище священникъ. Но вопросъ, какъ доставить Донъ-Кихота домой?

Бывшая принцесса Микомиконъ нашла теперь своего жениха, — ей не до рыцаря. Остается прибѣгнуть къ какому-либо другому средству:

Донъ-Кихоть воображалъ корчму очарованнымъ замкомъ, безпрестанно говорилъ о волшебникахъ, преслѣдующихъ его, о великанахъ, его врагахъ. Пусть же эти волшебники и великаны нападутъ на него ночью, свяжутъ и посадятъ въ клѣтку.

Все это будетъ дѣломъ привидѣній, т.-е. друзей рыцаря, желающихъ спасти его отъ приключеній.

Такъ это и происходитъ.

Напрасно Санчо сообщаетъ своему господину, что привидѣнія необыкновенно похожи на священника и цырульника изъ ихъ деревни. Донъ-Кихоть остается при убѣжденіи, что онъ очарованъ и ѣдетъ на очарованной колесницѣ.

Путешествіе кончается. Донъ-Кихота встрѣчаютъ домашніе и, вида его въ клѣткѣ, принимаютъ жестоко проклинать рыцарскіе романы.

Иначе встрѣтила Санчо его жена.

Первымъ долгомъ она спросила, здоровъ ли осель.

— Здоровѣе хозяина, — отвѣчалъ Санчо.

— Слава Богу за такую милость Его! — воскликнула жена Санчо. — Скажи же мнѣ теперь, мой милый, что выгадалъ ты, служивши оруженосцемъ, какой гостинецъ привезъ мнѣ?

— Никакого, — отвѣчалъ Санчо, — я привезъ нѣчто получше и подороже всякихъ гостинцевъ.

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Господи! — восклицала жена. — Показывай же, голубчикъ, что ты такого получше привезъ намъ: пусть отведетъ онъ мою душу, ужъ такъ она истосковалась по тебѣ.

— Погоди, дай домой добраться, — сказалъ Санчо; — тамъ увидишь, а теперь благодари Бога за то, что все такъ хорошо устроилось, что если намъ придется отправиться во второй разъ искать приключеній, такъ увидишь ты меня тогда, по крайней мѣрѣ, графомъ или губернаторомъ острова, и не какого-нибудь острова, а самаго лучшаго, какой только есть на свѣтѣ.

— Дай Богъ, голубчикъ, — сказала жена, — потому что въ крайней мы теперь нуждѣ. Но скажи, дружокъ мой, что такое это островъ? Никогда не приводилось слышать мнѣ про это.

— Медь созданъ не для осла, — замѣтилъ Санчо; — придетъ время, когда ты узнаешь, что значить островъ, и разинешь ротъ, слушая, какъ станутъ называть тебя барыней твои крестьянки.

— Что ты это толкуешь, Санчо, про крестьянокъ, острова и барынь? — воскликнула жена.

— Не трудись узнавать все сразу, — перебилъ Санчо. — Довольно будетъ, если я скажу тебѣ всю правду, да къ слову замѣчу, что нѣтъ, кажись, на свѣтѣ ничего лучше, какъ быть честнымъ оруженосцемъ странствующаго рыцаря, ищущаго приключеній. Правда, большая часть этихъ приключеній оканчивается не совсѣмъ такъ, какъ бы желательно было. Можно сказать, что изъ ста приключеній ровно съ девяносто девяти совсѣмъ дѣло дрянъ выходитъ. Я это по опыту знаю, потому что приключались со мной такія приключенія, изъ которыхъ я выходилъ немного помятымъ, приключались и такія, изъ которыхъ я вылеталъ на одѣлахъ. И, однако, все же это милая вещь, скажу я, искать приключеній, перелѣзая черезъ горы, пробираясь сквозь лѣса, взбираясь на скалы, посѣщая замки, ночуя и днюя въ корзинахъ совершенно даромъ, не платя ни гроша, ни — то-есть ровно ничего.

Такъ закончилось второе странствіе ламанческаго рыцаря. Герой лежалъ больной, не узнавалъ домашнихъ, — но ему не суждено окончательно успокоиться: предстояло третье путешествіе. Но раньше чѣмъ Сервантесъ успѣлъ рассказать о немъ, съ самимъ Сервантесомъ случилось крайне тягостное происшествіе, и

онъ закончилъ свою книгу въ другомъ настроеніи, чѣмъ началъ писать ее.

Пока его герой выздоравливалъ, — враги не дремали и дали самому Сервантесу жестокое сраженіе.

XV.

Самая большая опасность для всякаго человѣка — стать одному противъ очень многихъ, думать и говорить не такъ, какъ думаетъ и говоритъ большинство людей. Тогда каждый изъ этихъ людей становится или врагомъ смѣльчака или отворачивается отъ него, какъ отъ человѣка безразсуднаго и безпокойнаго. И тогда настааетъ грозная и тягостная борьба, страшнѣе всякаго сраженія, потому что въ этой войнѣ враги — на каждомъ шагу, и оружія у нихъ, сколько угодно: насмѣшки, оскорбленія, клевета.

И это еще самое невинное. Можетъ выйти хуже. Съ однимъ человѣкомъ толпа въ силахъ сдѣлать, что угодно, — покаратъ его всѣми средствами за его слишкомъ дерзкія непонятныя мысли.

Сервантесу было суждено попадать безпрестанно въ такое положеніе.

Когда онъ былъ солдатомъ, онъ мечталъ о томъ, что казалось несбыточнымъ и даже ненавистнымъ самому королю.

Изувѣченный воинъ говорилъ всѣмъ, кто только могъ слышать:

— Вы жжете еретиковъ безоружныхъ и беззащитныхъ. Безславное и жестокое это дѣло! Вотъ вамъ другое: вооружитесь и освободите христіанъ отъ рабства у магометанъ, спасите вообще христіанскій міръ отъ турецкаго варварства.

Никто Сервантеса не послушался, — только лишній разъ посмѣялись надъ бѣднымъ калѣжкой.

Но онъ не смутился и не испугался.

Сталъ онъ писателемъ, — немедленно передъ нимъ оказалось необъятное множество новыхъ враговъ.

Куда ни оглянись, — вездѣ ложь, глупость, жалкое кривлянье, напыщенность, — и какъ мало правды, искренности, ума!

И таковы не только читатели, но и писатели.

— Что, кажется, может быть бессмысленнѣе рыцарскихъ романовъ! А между тѣмъ, ими зачитывается вся Испанія.

Когда у хозяина корчмы священникъ намѣренъ отнять самыя дикіе романы и сжечь, любитель этихъ романовъ кричить:

— Я скорѣе позволю сжечь жену и дѣтей, чѣмъ какую-нибудь изъ этихъ книгъ!

Но романами бѣдствіе не кончается.

Сервантесъ приглашаетъ насъ взглянуть, какова вся остальная испанская литература. Здѣсь уже не сочинители безтолковыхъ сказокъ, а прославленные великіе поэты.

Они должны бы писать только правду, рассказывать читателямъ о томъ, что бываетъ на самомъ дѣлѣ, о настоящихъ людяхъ и о подлинной жизни.

И вмѣсто этого посмотрите на испанскую сцену.

Какія драмы и какія комедіи! Сплошь однѣ нечѣности. Ничего разумнаго и человѣческаго. Что ни лицо, то уродь.

Король, на примѣръ, является чернорабочимъ, принцесса—судомойкой, какой-нибудь лакей произноситъ пышныя рѣчи, пажъ дѣйствуетъ на подобіе государственнаго мужа,—и прочія столь же невѣроятныя превращенія.

Въ исторіи все перепутывается.

Государи, которые жили другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій, выводятся рядомъ. Здѣсь же всевозможныя чудеса—вперемѣшку изъ священной и гражданской исторіи.

Невѣжественной толпѣ все это нравится. Чѣмъ больше вздору, невѣроятныхъ происшествій, тѣмъ громче она одобряетъ представленіе.

И писатели угождаютъ толпѣ, сочиняютъ по ея вкусу. По ихъ мнѣнію, если драма имѣть успѣхъ,—больше ничего и не требуется. Писатель—покорный слуга публики: она вѣдь платитъ за представленіе.

Достойно ли это писателя?

Сервантесъ отвѣчаетъ рѣшительно: нѣтъ!

Литература не товаръ, производимый для продажи, и писа-

тель—не торговецъ. Онъ долженъ просвѣщать умъ зрителей, дѣйствовать на ихъ сердце, развивать ихъ вкусъ.

И это возможно.

Истинно-талантливое произведеніе непременно достигаетъ этой цѣли. Такъ учить опытъ. Только, разумѣется, талантливое произведеніе труднѣе написать, чѣмъ занимательное для нетребовательной публики.

И знаете, кто безпрестанно пренебрегаетъ достоинствомъ писателя и заботится гораздо больше объ успѣхѣ своихъ драмъ, чѣмъ объ ихъ качествахъ?

Не кто иной, какъ блистательный Лопе-де-Вега, фениксъ Испаніи, чудо природы, геній изъ геніевъ.

И Сервантесъ прямо на него и указываетъ, говоритъ жестокую вещь: иной писатель заботится только о деньгахъ, лишь бы карманъ его не оставался въ пакладѣ, а до остального ему нѣтъ дѣла: пусть будетъ въ пьесѣ больше вздору, чѣмъ жару въ солнцѣ,—лишь бы ее почаще играли.

Это значило бить не въ бровь, а въ глазъ.

Лопе именно такъ и говорилъ.

— Я пишу изъ-за денегъ.

Эти слова буквально написаны знаменитымъ поэтомъ въ одномъ изъ его писемъ.

И дѣйствовать иначе Лопе считалъ невозможнымъ.

Онъ такъ рассуждалъ:

— „Мнѣ, конечно, извѣстны разные правила искусства. Я знаю ихъ еще со школьной скамьи. Но что прикажете дѣлать! Когда я сталъ писать пьесы,—на сценѣ и помину не было о высококомъ искусствѣ. Пробовалъ я сочинять по правиламъ,—но толпа бѣжала на чудовищныя представленія, она уже привыкла къ разнымъ варварскимъ вымысламъ. Выходило, — кто въ настоящее время станетъ хлопотать о высококомъ искусствѣ, умретъ съ голода и въ забвеніи. Мода всегда беретъ верхъ надъ разумомъ. И я теперь, сочиняя пьесу, запираю на три замка всѣ правила и удаляю изъ своего кабинета образцовыхъ авторовъ, чтобы не слышать ихъ воплей: вѣдь и нѣмыя книги могутъ

кричать и мстить за истину! И пишу я такъ, какъ угодно толпѣ. Въдь она же платитъ за глупости,—значитъ, надо удовлетворить ея вкусу“.

Такъ писалъ Лопе вполне откровенно уже не въ письмѣ, а въ сочиненіи. Сервантесъ отвѣчалъ на это также публично:

„Авторъ и актеры утверждаютъ, что умныя комедіи нравятся людямъ со вкусомъ; но вкусъ встрѣчается рѣдко, а нелѣпости увлекаютъ толпу.

„Публика любитъ это, говорятъ они... Нѣтъ, толпа требуетъ глупостей только, когда ей не даютъ ничего лучшаго. Виноваты писатели. И не потому, что они не вѣдаютъ, что творять. Напротивъ, они же сами сознаются, что ихъ сочиненія—просто товаръ, и вся ихъ цѣль—ставить свои пьесы на сцену“.

Такъ писалъ Сервантесъ... Что могъ почувствовать Лопе, считавшій себя неограниченнымъ повелителемъ испанскаго театра?

И кто же шелъ противъ него?

Какой-то смѣшной калѣва, всю жизнь проповѣдывавшій никому ненужныя истины и самъ не имѣвшій успѣха на сценѣ.

Лопе даже не нуждался въ такихъ ясныхъ и рѣзкихъ рѣчахъ Сервантеса, чтобы загорѣться гнѣвомъ и жестоко отомстить.

Что было общаго между этими людьми?

Ничего, ни въ жизни, ни въ характерахъ, ни въ стремленіяхъ.

Лопе — моложе Сервантеса на пятнадцать лѣтъ. Родился онъ въ Мадридѣ въ состоятельной и благородной семьѣ.

Съ самаго начала жизнь сулила ему блестящій путь поэта. Лопе, еще не умѣя писать, говорилъ стихами и пяти лѣтъ диктовалъ товарищамъ свои произведенія.

А потомъ настала поэтическая молодость.

Четырнадцатилѣтній поэтъ бѣжалъ изъ гимназіи, страстно желая видѣть свѣтъ. Ему сопутствовалъ товарищъ.

Но путешествіе скоро разочаровало искателей приключеній. Они рѣшили вернуться домой. Но раньше они попались судѣ, продавая золотую цѣпь. Судья отправилъ ихъ въ Мадридъ съ полицейскимъ офицеромъ.

Но первая неудача не остановила Лопе.

Уже шестнадцать лѣтъ онъ воюетъ съ португальцами; война эта выходитъ скорѣе развлеченіемъ, чѣмъ серьезнымъ дѣломъ, — и молодой воинъ мѣняетъ опасности солдата на должность секретаря у одного епископа, поступаетъ въ университетъ, получаетъ вскорѣ ученую степень и едва не становится духовной особой.

Помѣшало сердечное увлеченіе, — да и вообще поэтъ не чувствовалъ себя способнымъ отказаться отъ свѣта и его радостей.

Гораздо пріятнѣе промѣнять домъ епископа на дворецъ герцога. И Лопе секретарь знатнаго вельможи, пишетъ романъ съ цѣлью рассказать разныя дѣла и приключенія своего покровителя. Герцогъ рассказываетъ поэту свою жизнь, а поэтъ превращаетъ герцога въ героя своего сочиненія. Поэту такъ легко рассказывать именно о приключеніяхъ: онъ самъ успѣлъ пережить ихъ не мало, бралъ отъ жизни все, что она можетъ дать блестящему, отважному поэту, любимцу знатныхъ и сильныхъ.

Двадцати двухъ лѣтъ Лопе женится.

Жена его — красавица, прекрасно образована, одарена всѣми добродѣтелями, — но мужъ ея слишкомъ молодъ.

Онъ дерется на дуэли, убиваетъ противника знатнаго происхожденія, ему грозитъ жестокая кара, — но за него сильные покровители, — и Лопе долженъ только уѣхать изъ столицы.

Ему предшествуетъ уже слава. Въ Валенціи его принимаютъ, какъ знаменитость. Такъ быстро и такъ дешево Лопе становится извѣстнымъ поэтомъ и, что еще важнѣе, для всѣхъ интереснымъ героемъ! И не потому, что онъ побывалъ въ сраженіяхъ, перенесъ какія-либо испытанія, а только потому, что подрался на дуэли, остался побѣдителемъ и теперь является изгнанникомъ.

Правда, въ Мадридѣ осталась жена. Но мужу это не причиняло большого огорченія. Жена не владѣла его сердцемъ, — и, когда она умерла, Лопе не оплакивалъ ея смерти.

Жена слишкомъ мучила его ревностью, мѣшала его развлеченіямъ, и она освободила его кстати.

Такъ этотъ человѣкъ вообще раздѣляется съ житейскими

огорченіями. Въ молодости никакое горе глубоко не западаетъ въ его душу. Умеръ одинъ человекъ,—на его мѣсто будетъ другой, — и Лопе стихами облегчаетъ горе и немедленно воспѣетъ новую радость.

Такая смѣна происходитъ немедленно послѣ кончины жены. Лопе долго увлекается какой-то красавицей. Та остается равнодушной, — и поэтъ забываетъ зарядъ мушкета тѣмъ самымъ стихотвореніемъ, какое онъ, было, посвятилъ жестокой красавицѣ, и снова становится солдатомъ.

На этотъ разъ онъ плыветъ въ Англію. Филиппъ II снарядилъ грозный флотъ и заранѣе назвалъ его Непобѣдимой Армадой. Англія должна быть покорена за то, что она измѣнила католичеству, и снова стать католической.

Буря разсѣяла Непобѣдимую Армаду; но Лопе возвратился въ Испанію здоровымъ и невредимымъ.

И здѣсь какъ мало общаго съ судьбой Сервантеса!

Тотъ сражался въ битвѣ, прославившей испанскихъ героевъ,— Лопе участвовалъ въ походѣ, унизившемъ Испанію. Зато Сервантесъ на всю жизнь остался калѣжкой,— Лопе сохранилъ весь прежній блескъ и молодость. Сервантесъ годы провелъ въ рабствѣ, съ опасностью жизни хлопоталъ о спасеніи рабовъ-соотечественниковъ, потомъ проповѣдывалъ крестовый походъ на невѣрныхъ, — Лопе даже и въ несчастномъ походѣ сочинилъ поэму подъ заглавіемъ „Красота Анжелики“. Одинъ хлопоталъ о достоинствѣ христіанскаго міра, приставалъ къ королю съ убѣжденіями и совѣтами, какъ усмирить турокъ, другой воспѣвалъ любовь и красоту.

И на долю одного выпала нужда, насмѣшки, одиночество, а другой все выше поднимался въ почетѣ и славѣ.

Лопе снова поступаетъ въ секретари къ разнымъ лицамъ, женится во второй разъ и начинаетъ писать комедіи и драмы.

Это истинное чудо — писательство Лопе!

Высчитано, что онъ написалъ двадцать одинъ милліонъ триста шестнадцать тысячъ стиховъ. Однѣхъ драмъ и комедій написано имъ около двухъ тысячъ двухсотъ.

Выходить, Лопе долженъ бы ежедневно сочинять не меньше девяносто строкъ, и притомъ безъ перерыва, день за днемъ.

Чудовищная быстрота и легкость!

Лопе могъ въ одинъ день сочинить пьесу въ пяти дѣйствіяхъ, раздать ее актерамъ, и дня черезъ два-три она уже шла на сценѣ и вызывала всеобщій восторгъ.

Толпа не могла опомниться. Она не знала, какъ и выразить свое восхищеніе предъ изумительнымъ человѣкомъ.

Со всей Испаніи и даже изъ-за границы пріѣзжали люди нарочно взглянуть на великаго поэта.

Случалось, самъ король приказывалъ останавливать на улицъ свою карету, чтобы взглянуть на Лопе и показать его другимъ.

Если какая вещь отличалась особенной красотой или цѣнностью, въ Мадридѣ говорили:

— Это великолѣпно, какъ Лопе.

Или просто:

— Это — Лопе!

Если актерамъ случалось не имѣть комедіи Лопе, они все-таки ставили его имя на афишѣ: иначе публика не пошла бы въ театръ.

Стоило Лопе выйти изъ дому, и на балконахъ появлялись дамы и кричали:

— Вотъ Лопе, фениксъ Испаніи!

Такова была слава, и даже трудно припомнить, кто еще изъ поэтовъ наслаждался такой славой.

И все съ одинаковой легкостью давалось этому счастливцу.

XVI.

Слава его особенно усилилась послѣ того, какъ онъ воспѣлъ св. Исидора пахаря, покровителя Испаніи.

Въ честь его онъ написалъ десять тысячъ стиховъ. Не всѣ они хороши, даже больше плохихъ, чѣмъ хорошихъ; но Исидора чтитъ вся Испанія,—и имя поэта разнеслось по всей странѣ.

Это было очень искуснымъ и выгоднымъ дѣломъ.

Столь же искусно Лопе задумалъ и выполнилъ другое произведеніе.

Испанцы ненавидѣли англичанъ, какъ еретиковъ и какъ погубителей Великой Армады. У англичанъ былъ знаменитый мореплаватель Дрэкъ, неустршимый, удачливый, безпрестанно покоившій и поражавшій испанцевъ. Это онъ называлъ: „подъ жечь бороду королю Испаніи“.

И Дрэкъ принималъ большое участіе въ гибели Армады.

Одинъ изъ семи большихъ испанскихъ кораблей сдался изъ страха при одномъ его имени.

Въ Испаніи имя Дрэка считалось именемъ сатаны, его такъ и называли дракономъ. О немъ пѣлось множество пѣсень, сочинялись жестокіе стихи,—но всѣхъ сочинителей превзошелъ Лопе. Онъ попалъ въ самое чувствительное мѣсто испанскаго сердца.

Его поэма прокликаетъ „Дракона“ и необыкновенно пышно прославляетъ доблесть испанцевъ.

Что могло быть пріятнѣе для испанскаго слуха?

Но это только начало.

Дальше послѣдовала цѣлая вихрь стихотвореній, драмъ,—все такихъ же удачныхъ, искусно-разсчитанныхъ.

Лопе говорилъ:

— Бѣдность и я—мы образовали общество для торговли стихами и принялись сочинять комедіи.

И бѣдность немедленно уступила мѣсто богатству. Лопе оставилъ состояніе въ сто десять тысячъ червонцевъ, въ то время, когда Сервантесъ почти рядомъ умеръ въ бѣдности.

А Лопе въ это время то прославлялъ библейскихъ патріарховъ и святыхъ, то писалъ драмы, преисполненныя испанской громкой славой, то сочинялъ необыкновенно веселыя комедіи.

Испанцы и очень набожны, и очень любятъ театръ и танцы: Лопе вполне удовлетворялъ и тому, и другому вкусу.

Сегодня онъ изобразить евангельскую исторію блуднаго сына, или Рождество Христова опишетъ въ лицахъ, или сотвореніе міра и грѣхопаденіе, или представить житіе св. Франциска,

св. Θомы Аквинскаго — славнѣйшихъ католическихъ угодниковъ,—а завтра на сценѣ является его же комедія—съ убійствами изъ-за любви и ревности.

Съ одной стороны, „священныя пьесы“ съ самыми высокими нравственными поученіями, съ другой, дуэли и приключенія.

И Лопе на все это одинаковый мастеръ.

А потомъ слава Испаніи.

Прочитайте исторію Донъ-Кихота, и вы увидите, какъ мало было этой славы у Испаніи, когда жили Лопе и Сервантесъ.

На каждомъ шагу нищія, разбойники, невѣжество, всевозможныя противозаконія. А защиты нѣтъ. Власти или сами грабятъ населеніе, или слишкомъ слабы, чтобы оберечь его отъ разнаго рода злодѣевъ.

И Сервантесъ ничего этого не скрываетъ. Никто правдивѣе его не раскрываетъ неправдъ и бѣдствій, царствующихъ во всей странѣ. Онъ будто оплакиваетъ свое отечество. Онъ предупреждаетъ соотечественниковъ о конечной гибели ихъ славы и силы.

Совершенно иначе поступаетъ Лопе.

Послушать его,—Испанія первая страна въ мірѣ, а испанцы самый просвѣщенный, добродѣтельный и независимый народъ.

Даже крестьяне—одни лишь герои, ни въ чемъ не уступаютъ рыцарямъ. Говорятъ они чрезвычайно краснорѣчиво, всегда готовы постоять за свою честь. А если нѣтъ своей силы,—крестьянинъ не побоялся отправиться къ королю и уже непременно отомстить знатному обидчику.

Вообще, испанскій король у Лопе всегда отецъ подданныхъ. Народъ обожаетъ его и находитъ въ немъ спасителя и защитника противъ всякаго беззаконія.

Лопе рассказывалъ очень чувствительныя исторіи на этотъ счетъ.

Король, напримѣръ, переодѣвается, является на мѣсто преступленія и смертью наказываетъ рыцаря за обиду крестьянина.

Въ другой разъ король милуетъ мятежниковъ за то, что они защищали себя противъ рыцарей.

И все это представлено на сценѣ, и крестьяне говорятъ не менѣ удивительныя рѣчи, чѣмъ короли и дворяне.

Хорошо и приятно было смотрѣть на подобныя представленія, — не то, что читать въ исторіи ламанческаго рыцаря о простомъ мужикѣ Санчо, честномъ и со здоровымъ разсудкомъ, но вовсе не блестящемъ. Бѣднякъ ни на минуту не забываетъ о насущномъ хлѣбѣ, и господину такъ просто выбрать и даже побить его! Санчо это считаетъ естественнымъ.

Столь разныя вещи изображали Лопе и Сервантесъ! И, разумѣется, правда, хотя и горькая, была на сторонѣ Сервантеса, но зато какой испанецъ могъ не почувствовать благодарности, когда ему рисовали его особу въ самомъ привлекательномъ видѣ, а его страну изображали чуть не земнымъ раемъ, съ мудрецами и героями даже въ послѣднемъ деревенскомъ захолустьѣ.

И Лопе торжествовалъ.

Есть и еще причина, объясняющая его торжество.

Произведеній онъ написалъ тысячи; но дѣйствующія лица у него всѣ одинаковы; весьма сходны и ихъ приключенія.

Обыкновенно предъ вами молодой влюбленный человѣкъ, молодая, красивая дѣвушка, у нея братъ или другой родственникъ, ея защитникъ, является еще гувернантка, по-испански — дуэнья, существо суровое, наблюдательное и мѣшающее молодому человѣку поговорить съ красавицей въ церкви или пропѣть ей серенаду у балкона или переслать ей письмо.

Вотъ изъ этихъ лицъ Лопе и устраиваетъ свои зрѣлища, выдумывая только происшествія похитрѣе, по возможности неожиданныя для зрителя. Нарочно для развлеченія выпускается на сцену шутъ или шутиха, часто оба вмѣстѣ. И выходитъ пьеса комичная и занимательная.

Но Сервантесъ и здѣсь былъ недоволенъ.

Онъ желалъ, чтобы писатель изображалъ дѣйствительныхъ людей, столь же разнообразныхъ, какими они встрѣчаются въ жизни. А то вѣдь выходитъ что-то въ родѣ кукольнаго театра: всегда

однѣ и тѣ же фигуры. Сервантесъ желалъ рисовать человѣческую душу, а не развлекать толпу запутанными приключеніями. Для Сервантеса главное—мысль, чувство, а не забава. Онъ желаетъ показать людямъ ихъ собственную природу и ихъ настоящую жизнь, а Лопе старается поразить ихъ пышными рѣчами и чудесами.

Не сговориться такимъ писателямъ! Совсѣмъ разные цѣли, и, конечно, совершенно различная судьба того и другого.

Сервантесъ писалъ пьесы, но не нравился ни публикѣ, ни актерамъ. Актеры даже отказывались играть комедіи Сервантеса: ужъ слишкомъ просты онѣ были!

И этотъ-то неудачникъ осмѣлился затронуть блистательнаго Лопе! Немедленно загорѣлся бой. На Сервантеса ополчился и самъ фениксъ, и многочисленные его приспѣшники.

Сраженіе вышло хуже Лепантскаго.

Тамъ, по крайней мѣрѣ, врагъ нападалъ открыто, лицомъ къ лицу, а здѣсь выступилъ какой-то незнакомецъ, съ клеветой, съ позорными насмѣшками, и наносилъ удары благородному рыцарю, не показывая своего лица.

И удары весьма чувствительные, искусно придуманные. Врагъ зналъ свое дѣло. Сервантеса поражали, какъ человѣка и какъ писателя.

XVII.

Первая часть исторіи Донъ-Кихота быстро разлетѣлась по всей Испаніи. Сервантесъ началъ писать вторую, и вдругъ эта вторая часть появляется независимо отъ него.

Донъ-Кихотъ и Санчо Панса снова ищутъ приключеній... Кто отправилъ ихъ въ путь? Кто дерзнулъ отнять у автора его трудъ?

На книгѣ стояло имя Авелланеда. Но это не настоящее имя, а вымышленное. Какъ на самомъ дѣлѣ назывался авторъ,—Сервантесъ не могъ узнать. Неизвѣстно вполнѣ достоверно и до сихъ поръ.

Можно предположить, это было духовное лицо, монахъ, жившій при дворѣ короля, любимецъ могущественнаго герцога.

По внѣшности онъ изумительно былъ похожъ на ламанческаго рыцаря, такой же сухой, черный, длинный. Но его прозвали Санчо Панса немедленно, лишь только выпла книга Сервантеса. Это и разозлило его противъ Сервантеса, и онъ не только написалъ продолженіе его книги, но и осыпалъ оскорбленіями самого автора.

Что было смѣшного въ несчастіяхъ Сервантеса?

Авелланеда нашелъ, что Сервантесъ смѣшонъ своимъ увѣчемъ, смѣшонъ своими сѣдыми волосами, своей бѣдностью, но особенно своими несбыточными донъ-кихотскими мечтаніями.

Да, Сервантесъ—Донъ-Кихоть, и Авелланеда пишетъ и книгу свою съ цѣлью изобразить сумасшедшимъ, жалкимъ шуткомъ автора первой части.

Это сплошная насмѣшка, шагъ за шагомъ, надъ жизнью Сервантеса.

Мы знаемъ,—Сервантесъ призывалъ Филиппа II на борьбу съ турками, то же самое дѣлаетъ Донъ-Кихоть. Онъ является предъ лицо государя и рассказываетъ ему чудовищныя небылицы, какъ онъ завоевывалъ цѣлыя государства, освобождая замки отъ очаровываній волшебниковъ, мстилъ за низверженныхъ королей. Теперь онъ намѣренъ вступить въ брань съ турецкимъ султаномъ.

Помимо турецкаго султана, у Донъ-Кихота не мало и другихъ непріятелей, и всѣ они личные враги Сервантеса.

— Вотъ,—говоритъ онъ,—всегда въ очарованныхъ замкахъ и встрѣчаю враждебнаго мнѣ волшебника, онъ старается надѣлать мнѣ побольше зла...

Кто же это?

Несомнѣнно, Лопе. Сервантесъ умираетъ отъ зависти къ славіи этого человѣка, усиливается уязвить его.

Лопе повелѣваетъ актерами, царствуетъ надъ ними своимъ талантомъ, и Донъ-Кихоть, т.-е. Сервантесъ, рѣшается разгромить актеровъ и ихъ повелителя.

Но актеры схватывают Донъ-Кихота, кладутъ его на землю и въ наказаніе играютъ предъ нимъ комедію Лопе.

Это самая жестокая мѣсть для завистливаго Сервантеса!

Сравните, — говоритъ авторъ, — его съ великимъ Лопе! Сервантесъ всегда сумраченъ, грустенъ, несчастливъ. Онъ исполненъ зависти къ чужимъ удачамъ. А Лопе! Съ его лица не сходитъ добродушная улыбка. Сервантесъ написалъ свою книгу въ тюрьмѣ, а потому она полна мрачнаго смѣха, ядовитаго гнѣва. Ужъ лучше бы Сервантесу сидѣть въ своемъ углу и злиться на человѣчество! Онъ совершенно одинокъ. У всякаго писателя имѣется другъ, знатный покровитель, кому посвятить свое произведеніе. Только у Сервантеса нѣтъ друзей, и во всей Испаніи не найдется человѣка, кто бы не оскорбился его посвященіемъ.

А жизнь Сервантеса? Да это сплошное бродяжничество, нигдѣ ему нѣтъ покоя. А всякій бродяга достоинъ нищеты, и Сервантесъ нищъ и одинокъ по заслугамъ.

— Посмотрите, — восклицаетъ насмѣшникъ, — Сервантесъ отъ старости сталъ такой же развалиной, какъ извѣстный всей Испаніи замокъ въ Толедо!

По счастливой случайности этотъ замокъ называется Санъ-Сервантесъ будто нарочно, чтобы постоянно напоминать о другой убогой развалинѣ, объ авторѣ Донъ-Кихота.

До сихъ поръ сохранилось преданіе, будто Сервантесъ жилъ въ лачужкѣ у самаго Толедо, недалеко отъ замка.

Современникамъ Сервантеса казалось чрезвычайно забавнымъ сравнивать писателя съ развалинами, — и даже Лопе не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пошутить надъ лепантской развалиной и припомнить кстати толедскую. Постоянно въ пьесахъ Лопе встрѣчается эта жалкая и жестокая шутка. Знаменитый поэтъ желаетъ разсмѣшить публику, потѣшить ее на счетъ старости своего противника. Пишутся даже безыменные письма и посылаются Сервантесу: онъ читаетъ здѣсь, какъ онъ удивительно похожъ на древній, полуразвалившійся замокъ!

Неужели это остроумно? и неужели справедливо и благородно преслѣдовать человѣка издѣвательствами надъ его лѣтами, стра-

даніями и несбывшимися безусловно благородными мечтами и надеждами?

Авелланеда идетъ еще дальше: онъ усаживаетъ Донъ-Кихота, т.-е. все того же Сервантеса, въ сумасшедшій домъ. Здѣсь рыцарь выздоравливаетъ и превращается въ нищаго. Санчо его встрѣчаетъ и подаетъ ему милостыню.

И все это разсчитано на Сервантеса! Такой цѣной пришлось расплачиваться ему за то, что онъ требовалъ отъ литературы правды и истины, а отъ писателей—нравственного и гражданского достоинства, говорилъ имъ самыя простыя слова:

— Вы должны писать не для денегъ и не угождать грубому вкусу толпы,—вы должны помнить, что вы—цвѣтъ родного народа и призваны развивать его, дѣлать его лучше и умнѣе.

И вотъ этого-то наставленія не могли простить Сервантесу Лопе и его почитатели. Будто заглушая голосъ своей совѣсти, они преслѣдовали мужественнаго судью насмѣшками и оскорбленіями.

Лопе пользовался успѣхомъ, былъ богатъ,—у него нашлось не мало приспѣшниковъ, готовыхъ вмѣсто него нападать на его противника.

Актеры также приняли сторону знаменитаго и счастливаго писателя и не желали и слышать о Сервантесѣ, съ презрѣніемъ отвергали его произведенія.

Самъ Лопе не остался въ долгу.

Ни разу онъ не упоминаетъ съ уваженіемъ объ авторѣ „Донъ-Кихота“, даже когда пишетъ объ алжирскихъ плѣнникахъ и заимствуетъ для своей дамы произведеніе Сервантеса. Будто Лопе было неизвѣстно, сколько страданій вынесъ и какой доблестью прославился въ Африкѣ лепантскій герой?

Лопе пріятнѣе порицать Сервантеса, не признавать его таланта.

Къ одному герцогу, другу, Лопе пишетъ:

„Въ Испаніи нѣтъ ни одного такого плохого поэта, какъ Сервантесъ, и ни одного настолько глупаго, чтобы хвалить Донъ-Кихота“.

Лопе, слѣдовательно, запрещалъ даже говорить хорошо о Сервантесѣ. И это дѣлалъ человѣкъ, окруженный славой, почестями и съ виду чрезвычайно набожный и добродѣтельный,—священникъ и монахъ!

Когда Лопе началъ войну противъ Сервантеса, онъ могъ назваться счастливейшимъ человѣкомъ во всей Испаніи.

Онъ женился во второй разъ, и у него былъ сынъ—Карлосъ, безгранично любимый, обожаемый. Каждое утро Лопе переживалъ блаженные минуты.

Къ нему вбѣгалъ четырехлѣтній красавецъ и начиналъ лепетать съ отцомъ о всевозможныхъ вещахъ.

И каждое слово, едва выговариваемое малюткой, казалось поэту изреченіемъ высшей премудрости, и онъ, и его жена наперерывъ цѣловали свое сокровище.

Часто Лопе зарабатывался долго, забывалъ про обѣдъ, — его звали, и онъ отвѣчалъ раздраженно и неохотно, требовалъ, чтобы его оставили въ покоѣ...

Но вотъ въ комнату вбѣгалъ Карлосъ, хваталъ отца за руки, звалъ его за собой,—и Лопе, очарованный, шелъ за сыномъ, и тотъ усаживалъ его рядомъ съ матерью.

Самъ Лопе все это разсказалъ публично, не находя словъ выразить свое счастье.

И вотъ оно разрушилось.

Карлосъ умеръ шести лѣтъ. За нимъ послѣдовала скоро и его мать. Дочь Лопе ушла въ монастырь,—красивая и талантливая дѣвушка,—Лопе оставался въ мірѣ одинокимъ.

Тогда баловень судьбы узналъ тяжелое горе,—но оно не смягчило его сердце къ его великому современнику.

Лопе сдѣлался священникомъ, поступилъ въ инквизицію, выстроилъ въ своемъ домѣ часовню и ежедневно, рано утромъ, служилъ здѣсь обѣдни.

Во время службы Лопе сильно волновался, часто плакалъ, и избранная публика могла присутствовать при службѣ.

Бывало хуже. Лопе подвергалъ себя истязаніямъ, суровому посту, даже бичеваніямъ. Его комнату находили забрызганной кровью.

Казалось, баловень славы и успѣха начиналъ все ненавидѣть, всѣмъ тяготиться, избѣгать людей, переодѣваться, чтобы его не узнавали,—и смерть постигла его, когда онъ уже совсѣмъ не цѣнилъ жизни.

Такъ кончилъ противникъ Сервантеса, — богатый, славный, всѣми признанный единственнымъ чудомъ испанской литературы.

Сервантесъ умеръ почти въ такомъ же возрастѣ, какъ и Лопе: онъ дожилъ до шестидесяти девяти лѣтъ, а Лопе до семидесяти трехъ.

Но въ его кончинѣ не было ничего мрачнаго. Онъ не служилъ въ инквизиціи, не жегъ людей и не подвергалъ себя бичеваніямъ, не проливалъ слезъ, какъ священникъ, и крови, какъ инквизиторъ,—и дни его окончились мирно и свѣтло, несмотря на горе и гоненія.

Они не прекращались и въ послѣдніе годы жизни Сервантеса. Когда онъ писалъ вторую часть „Донъ-Кихота“,—ему пришлось узнать о козняхъ враговъ, прочитать чужое сочиненіе, будто бы продолжавшее его собственную книгу.

Какъ же отвѣтилъ Сервантесъ?

У него отнимали славу и старались отнять почетное имя писателя и даже христіанина: Авелланада намекалъ, что недурно бы Сервантеса призвать предъ св. судилище.

Это было крайнее средство: ничего болѣе ужаснаго и низкаго враги не могли изобрѣсти. Какъ же защищалъ себя Сервантесъ?

XVIII.

Читатели съ нетерпѣніемъ ждали мести. Многіе, можетъ быть, рассчитывали: вотъ поднимается брань, писатели, какъ это часто бываетъ, начнутъ осыпать другъ друга всевозможными обвиненіями, — и Сервантесъ непременно обрушится на дерзкаго продолжателя своего сочиненія.

Ничего подобнаго!

Сервантесъ такъ предупреждалъ читателя, выпуская въ свѣтъ

вторую часть „Донъ-Кихота“: „я не могу доставить тебѣ, достославный читатель, удовольствія,—у меня даже нѣтъ и мысли объ этомъ. Пусть само прегрѣшеніе накажетъ моего противника, пусть онъ съѣстъ его съ своимъ хлѣбомъ и будетъ здоровъ.

„Одно только меня раздражаетъ,—зачѣмъ онъ желаетъ обидѣть меня, называя старикомъ и калѣкой,—будто я могу остановить время, заставить его совсѣмъ не касаться меня, или будто моя рука разбита гдѣ-нибудь въ нетрезвой дракѣ, а не въ славнѣйшей битвѣ, какая только была въ прошломъ и будетъ въ будущемъ“.

Сервантесъ съ негодованіемъ отрицаетъ, будто онъ завидуетъ Лопе. Совсе не зависть заставила его говорить о произведеніяхъ знаменитаго писателя. И это всякому ясно, кромѣ тѣхъ, кто не желалъ видѣть.

Наконецъ, Сервантесъ просилъ у Авелланеды прощенія за то, что онъ, Сервантесъ, неумышленно далъ ему поводъ написать плохую книгу.

А книга, дѣйствительно, была плоха, даже помимо недостойныхъ нападокъ на Сервантеса.

Авторъ все извратилъ и преувеличилъ.

Особенно пострадалъ Санчо. Онъ оказывался глупцомъ, обжорой, наѣдался до отвала и даже пряталъ недоѣденное кушанье къ себѣ за пазуху. Донъ-Кихотъ также выходилъ грубымъ, безумнымъ шуткомъ,—ни одной благородной, привлекательной черты.

Это и понятно. Авторъ подъ именемъ Донъ-Кихота изображалъ самого Сервантеса и, конечно, не щадилъ его героя.

Какое впечатлѣніе произвело это на Сервантеса?

Его самого объявили Донъ-Кихотомъ и даже показали, въ чемъ заключалось его донъ-кихотство, — какъ разъ въ тѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, какими онъ жилъ всю жизнь. Оказывается, все это были мечты,—не лучше бреда безумнаго рыцаря.

Надѣяться на борьбу христіанъ съ турками, значить то же самое, что воображать себя странствующимъ рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и гонимыхъ. А требовать отъ литературы честныхъ и высокихъ мыслей ничѣмъ не отличается отъ битвы ламанческаго рыцаря съ вѣтранными мельницами.

И Сервантесъ невольно долженъ задуматься.

Въ самомъ дѣлѣ,—что такое была вся его жизнь? Такъ же онъ странствовалъ, не находя нигдѣ укромнаго, мирнаго угла, такъ же сражался съ врагами, которые другимъ казались друзьями, и надъ нимъ такъ же смѣялись и теперь смѣются, отказывались его выслушать...

Правда, ему, наконецъ, выпала слава, но только сильнѣе раздражала завистниковъ, и у него теперь ихъ больше, чѣмъ когда-либо.

Да, онъ, дѣйствительно, Донъ-Кихоть, неприютный и осмѣянный.

И въ сердцѣ Сервантеса пробуждается глубокое чувство нѣжности къ своему герою. Онъ будто видитъ въ рыцарѣ своего двойника,—во всякомъ случаѣ, онъ теперь относится къ нему иначе, чѣмъ раньше.

Донъ-Кихоть теперь ближе, дороже душѣ Сервантеса. Раньше, можетъ быть, странствующій рыцарь только вызывалъ смѣхъ, являлся просто полоумнымъ читателемъ нелѣпныхъ романовъ,—теперь это несчастный мечтатель, одинокій, непризнаваемый.

Всѣ его подвиги безумны, часто забавны, — но цѣль-то ихъ вовсе не смѣшна: рыцарь желаетъ правды на землѣ, не допускаетъ, чтобы сильный обижалъ слабого, богатый—бѣднаго.

Развѣ это не благородно?

Только вотъ средство Донъ-Кихоть выбралъ неподходящее, и въ этомъ его безуміе. Только въ этомъ! На странствующихъ рыцаряхъ помѣшался Донъ-Кихоть,—и здѣсь онъ говоритъ и дѣлаетъ вещи нелѣпыя и смѣшныя.

Но, помимо рыцарства, онъ—умница, человекъ просвѣщенный, необыкновенно свѣдущій и разсудительный.

Попробуйте заговорить съ нимъ о чемъ угодно,—и онъ отвѣтитъ вамъ, какъ настоящій ученый и проповѣдникъ.

Говорятъ, Сервантесъ—Донъ-Кихоть.

— Ну, что жъ, — какъ бы отвѣчаетъ Сервантесъ,—пусть я буду Донъ-Кихоть. Походить на такого благороднаго и храбраго

рыцаря—вовсе не стыдно. Послушайте, какъ разсуждаетъ этотъ, по вашему мнѣнію, смѣшной и жалкій человекъ.

И Сервантесъ теперь настаиваетъ, что его герой вездѣ и всегда уменъ, гдѣ вопросъ не идетъ о странствующихъ рыцаряхъ.

Это вполне естественно. Такіе сумасшедшіе бываютъ: „заговариваются“ они на чемъ-нибудь одномъ, а все другое имъ такъ же ясно, какъ и обыкновеннымъ здоровымъ людямъ. Таковъ и Донъ-Кихоть.

И теперь онъ безпрестанно говоритъ отъ лица самого автора. Напримѣръ, онъ объявляетъ:

— Я всегда былъ страстный любитель театра, а въ дѣтствѣ только и думалъ о немъ.

Именно такъ могъ сказать о себѣ Сервантесъ, приходившій въ восторгъ отъ уличныхъ театральныхъ представленій.

Почему же слѣдуетъ любить театръ?

Отвѣчаетъ опять Донъ-Кихоть и такъ же, какъ отвѣтилъ бы самъ Сервантесъ:

— Сцена это—зеркало, отражающее въ себѣ во всѣхъ подробностяхъ нашу жизнь. Она показываетъ намъ, чѣмъ мы должны быть, и что мы въ самомъ дѣлѣ.

Еще любопытнѣе другое сужденіе вообще о поэзіи. Лучше не могъ бы обсудить вопросъ и самый талантливый поэтъ, чѣмъ дѣлаетъ это Донъ-Кихоть. Поэзія это—великое сокровище. Имъ нельзя торговать. Его нельзя показывать на утѣху черни, т.-е. невѣжественной толпы, будь это простолудинъ или даже принцъ-Чернь, по словамъ Донъ-Кихота,—все, что лишено образованія, а не одинъ только сѣрый народъ.

И дальше такъ же краснорѣчиво Донъ-Кихоть доказываетъ, что поэту надо обладать талантомъ, даромъ Божьимъ, и поэтъ вовсе не то, что стихокропатель, что онъ долженъ любить свой родной языкъ, быть правдивымъ, естественнымъ и въ то же время просвѣщеннымъ, много знающимъ.

Все—золотыя истины, и слушатели изумляются уму рыцаря. Имъ кажется, что ничего нѣтъ на свѣтѣ, чего бы не зналъ и не понималъ этотъ сумасшедшій. Они невольно преклоняются

предъ его разсудкомъ, и теперь Донъ-Кихоту часто оказывается почетъ, какъ настоящему рыцарю.

Перемѣнился и Санчо. Къ нему авторъ сталъ также благо-склоннѣе, нѣжнѣе. Санчо будто его спутникъ и собесѣдникъ.

Санчо всегда былъ остроуменъ и забавенъ,—теперь онъ сталъ еще умнѣе и часто говорилъ вещи простыя, но удивительно вѣрныя.

Донъ-Кихоть замѣчаетъ:

— Я нахожу, Санчо, что ты съ каждымъ днемъ становишься умнѣе.

— Еще бы!—отвѣчаетъ Санчо.—Что ни день толкаясь около вашей милости, я долженъ былъ, кажется, кое-чему научиться. Самая песчаная, ничега не производящая почва, то и дѣло удобряемая, даетъ, наконецъ, хорошую жатву.

Санчо необыкновенно похожъ на Донъ-Кихота своими рѣчами, то умными, то забавными.

Рыцарь безуменъ, когда вопросъ заходитъ о странствующихъ рыцаряхъ. Санчо, какъ простой крестьянинъ, простоватъ, грубоватъ, ни въ какія науки не посвященъ,—но часто съ его языка слетаютъ удивительно умныя рѣчи, и онъ попеременно—невѣжда и большой остроумецъ.

Напримѣръ, послушайте, какъ онъ разсуждаетъ о самомъ модномъ вопросѣ.

Свѣтскіе господа думаютъ и читаютъ въ книгахъ, что влюбленные непремѣнно умираютъ отъ любви, если ихъ не любятъ.

Санчо не вѣритъ этому.

Можетъ быть, и бываетъ такъ,—только съ людьми праздными, ничтожными и слабыми; нечего имъ на свѣтъ дѣлать,—они и занимаются любовью. Попробовали бы они поработать, какъ слѣдуетъ, забыли бы страдать изъ-за нѣжныхъ чувствъ.

И Санчо ссылается на свой опытъ:

— Въ жизнь мою не встрѣчалъ я кружевницы, умершей отъ любви. Работящая дѣвушка думаетъ больше о работѣ, чѣмъ о любви. Я по себѣ сузу: работая въ полѣ, я не думаю даже о моей хозяйкѣ, Терезѣ Панса,—а между тѣмъ я люблю ее, какъ зѣницу очей моихъ.

А то, что рассказываете в разных романах, Санчо считает достойным смеха.

Так же умен Санчо и в других более важных случаях.

Мы знаем, с какой жестокостью инквизиция преследовала морисковъ, т.-е. крещеных мавровъ. Возставать против этой жестокости совершенно открыто Сервантесъ не могъ: его самого сожгли бы,—враги его и безъ того уже намекали на инквизиционный судъ. Но обойти молча возмутительное дѣло Сервантесъ былъ не въ силахъ.

И вотъ предъ нами является сначала морискъ, потомъ мавританская дѣвушка. Оба они—прекрасные люди, искренніе христіане. Пусть изгоняли бы виноватыхъ,—за что же карать ни въ чемъ неповинныхъ?

На это высшія духовныя лица Испаніи отвѣчали:

— Все равно! пусть всё погибнуть,—на томъ свѣтѣ Богъ отличить праведниковъ отъ грѣшниковъ.

Сервантесъ не можетъ согласиться съ такимъ судомъ,—и его простодушный Санчо съ радостью встрѣчаетъ несчастнаго мориска, своего бывшаго сосѣда, вмѣстѣ съ нимъ ѣсть, выслушиваетъ его жалобы. А эти жалобы полны слезъ. Санчо, даже боясь короля, не можетъ не жалѣть несчастнаго. Онъ попрежнему остается его вѣрнымъ другомъ,—и на этотъ разъ онъ чувствуетъ одинаково съ самимъ Сервантесомъ.

Несчастный мавръ, несомнѣнно, является за тѣмъ, чтобы испанцы поняли, сколько несправедливостей причинила инквизиція, въ какой тяжкій грѣхъ впалъ король, карая всѣхъ морисковъ безразлично.

Наконецъ, Санчо поумнѣлъ въ самомъ главномъ для него вопросѣ.

Онъ теперь понимаетъ безуміе своего господина. Раньше онъ только съ изумленіемъ слушалъ розказни Донъ-Кихота изъ книгъ о странствующихъ рыцаряхъ,—теперь онъ прямо заявляетъ, что все это „тарабарщина“, что волшебники—вздоръ, и они перевернули вверхъ дномъ мозгъ несчастнаго рыцаря. И Санчо лукаво подсмѣивается надъ бреднями своего господина.

Вотъ какъ измѣнились наши герои!

И все потому, что перемѣнилось настроеніе самого автора. Герои стали ему ближе, дороже, будто родными, и великое искусство его заключается въ томъ, чтобы Донъ-Кихота оставить безумцемъ, Санчо—простакомъ, и заставить насъ преклоняться предъ благородствомъ и разумомъ рыцаря и удивляться здравому смыслу и доброму сердцу его оруженосца.

Такъ думаетъ и самъ авторъ.

Онъ говоритъ намъ, что предъ нами „самый мужественный, самый вѣжливый рыцарь, какой когда-либо существовалъ, и самый милый и остроумный оруженосецъ Санчо“.

Естественно,—съ такими людьми не будетъ такъ сурово обращаться судьба, какъ это было раньше, въ первой части. Смѣшного и жалкаго мы увидимъ не мало,—но все это не то, что палочные удары и прочія издѣвательства,—и даже рыцарь иногда будто забываетъ о своихъ очарованіяхъ,—случается,—харчевню принимаетъ за очарованные замки, стада животныхъ—за арміи. У сумасшедшихъ бывають такіе свѣтлые промежутки: они ясно, какъ здоровые, понимаютъ все окружающее.

И съ Донъ-Кихотомъ это происходитъ теперь довольно часто. Мы невольно ждемъ выздоровленія.

Какъ оно произойдетъ,—это большая задача для автора,—и она разрѣшается необыкновенно искусно.

Вторая часть приключеній Ламанческаго рыцаря выходитъ еще болѣе интересной, чѣмъ первая.

Трудно повѣрить, что она писалась Сервантесомъ въ глубокой старости: такая свѣжесть мысли, такой блескъ остроумія, такое богатство воображенія!

XIX.

Донъ-Кихоть медленно выздоравливалъ. Домашніе полагали, что онъ выздоровѣетъ и душевно, забудетъ о странствующихъ рыцаряхъ.

Ничуть не бывало!

Стоило Донъ-Кихоту услышать о приготовленіяхъ турокъ къ войнѣ съ христіанами,—онъ восклицаетъ:

— Если бы король при звукѣ трубъ воззвалъ ко всѣмъ странствующимъ рыцарямъ Испаніи, повелѣвая имъ собраться въ назначенный день ко двору, то пусть ихъ явится хотя бы не больше шести,—и тогда, я увѣренъ, найдется между ними такой, который уничтожить могущество невѣрныхъ. Развѣ мы не знаемъ битвъ, въ которыхъ одинъ рыцарь сражался съ двухсоттысячными арміями и побѣждалъ ихъ, точно ему приходилось вмѣсто цѣлой арміи отсѣкать всего одну голову. Великъ Господь! Да если бѣ жилъ теперь славный донъ-Беліанисъ, или хоть простой отпрыскъ Амадисовъ галльскихъ,—и сразись съ ними турки,—клянусь, я не желалъ бы очутиться на мѣстѣ турка. Но потерпимъ, Богъ не покинетъ Своего народа и пошлетъ ему рыцаря, быть можетъ, менѣ славнаго, зато столь же безстрашнаго, какъ рыцари временъ минувшихъ. Дальше я молчу. Богъ меня слышитъ.

— Пресвятая Богородице!—завопила племянница.—Провались я на этомъ мѣстѣ, если дядя мой не намѣренъ сдѣлаться опять странствующимъ рыцаремъ.

— Да, да!—сказалъ Донъ-Кихоть.—Рыцаремъ былъ я и рыцаремъ я умру. Пусть турки восходятъ или нисходятъ, какъ имъ будетъ угодно,—пусть они развертываютъ все свое могущество, я говорю одно: Богъ меня слышитъ.

И Донъ-Кихоть снова начинаетъ припоминать чудеса изъ рыцарскихъ романовъ. Онъ живо представляетъ себѣ даже внѣшность странствующихъ рыцарей. Его воображеніе горитъ. Амадисъ стоитъ предъ его глазами. Это—человѣкъ высокаго роста, съ бѣлымъ подвижнымъ лицомъ, съ окладистой черной бородой, съ гордымъ и вмѣстѣ ласковымъ взглядомъ. Онъ не любитъ много говорить, рѣдко сердится и коро забываетъ свой гнѣвъ.

Такъ же ясно представляются Донъ-Кихоту и прочіе небывалые герои.

Опять на сцену выступаетъ Санчо.

Онъ давно стосковался по своему господинѣ. Его опять начинаютъ одолевать мечты объ островѣ, о губернаторствѣ. Ему

хотѣлось бы раньше острова получать отъ Донъ-Кихота какое-нибудь определенное жалованье,—и онъ, по его мнѣнію, очень тонко наводитъ рыцаря на этотъ деликатный вопросъ.

— Мы—люди смертные, сегодня живемъ, а завтра, быть можетъ, ноги протянемъ. И ягненокъ такъ же быстро умираетъ, какъ овца, потому что никто изъ насъ не проживетъ больше того, сколько назначено ему Богомъ.

И Санчо долго говорить въ этомъ духѣ.

Донъ-Кихотъ, наконецъ, понимаетъ его. Онъ ничего не имѣетъ противъ жалованья,—но бѣда въ томъ, что въ рыцарскихъ романахъ нигдѣ не говорится, будто оруженосцы получали жалованье. Значить, и Санчо не долженъ получать,—иначе Донъ-Кихотъ и безъ него обойдется.

Санчо приходитъ въ ужасъ. Глаза его наполняются слезами; онъ кричитъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть не скажутъ обо мнѣ, что я заплатилъ неблагодарностью моему господину за его хлѣбъ... Если я просилъ васъ назначить мнѣ жалованье, то сдѣлалъ это единственно въ угоду моей женѣ,—а она если что вобьетъ себѣ въ голову, то станетъ высасывать изъ васъ всѣ соки, пока не настоитъ на своемъ. Но женщина пусть останется женщиной, а мужчина долженъ быть мужчиной, и я хочу быть имъ въ моемъ домѣ, какъ и вездѣ, не смотря ни на кого и ни на что.

И Санчо обѣщаетъ служить Донъ-Кихоту лучше всѣхъ оруженосцевъ въ мірѣ.

Онъ приказываетъ женѣ хорошенько ухаживать за нимъ въ теченіе трехъ дней, обѣщаетъ ей вскорѣ сдѣлать ее барыней, а дочь выдать замужъ за дворянина, даже за графа.

Тереза не согласна съ мужемъ. Она знаетъ, какъ люди смѣются надъ мужичками, которые лѣзутъ въ дворянство, и не желаетъ, чтобы издѣвались надъ ея дочерью.

Поднимается жестокой споръ, Тереза принимается плакать, Санчо приходится отложить свое рѣшеніе — сдѣлать дочь графиней.

Итакъ, путешествіе рѣшено.

Домашніе Донъ-Кихота обратились, было, съ просьбой къ пріятелю рыцаря—ученому молодому человѣку—Карраско. Но тотъ, напротивъ, сталъ на сторону Донъ-Кихота.

— Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

На это была причина. Карраско задумалъ отучить Донъ-Кихота отъ странствій болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ убѣжденія,—сойтись съ нимъ въ рыцарскомъ бою, взять съ него слово, что побѣжденный долженъ исполнить волю побѣдителя, побѣдить Донъ-Кихота и потребовать, чтобы онъ возвратился домой.

Придуманно искусно и впоследствии будетъ ловко выполнено, хотя и не сразу.

Итакъ, Донъ-Кихотъ въ третій разъ ѣдетъ искать приключеній. Но на этотъ разъ раньше подвиговъ онъ желаетъ испросить благословеніе несравненной Дульцинеи. Надо отправиться въ Тобозо.

Санчо въ отчаяніи. Онъ насочинилъ Донъ-Кихоту, будто лично вручилъ его письмо Дульцинеѣ,—на самомъ дѣлѣ онъ не былъ у нея и не знаетъ, гдѣ она живетъ.

Донъ-Кихотъ говоритъ, что онъ ни разу не видалъ Дульцинеи и избралъ ее своей дамой по-наслышкѣ.

Санчо въ восторгѣ и здѣсь же сознается, что онъ также по-наслышкѣ навѣщалъ Дульцинею и по-наслышкѣ приносилъ отъ нея отвѣтъ на письмо Донъ-Кихота.

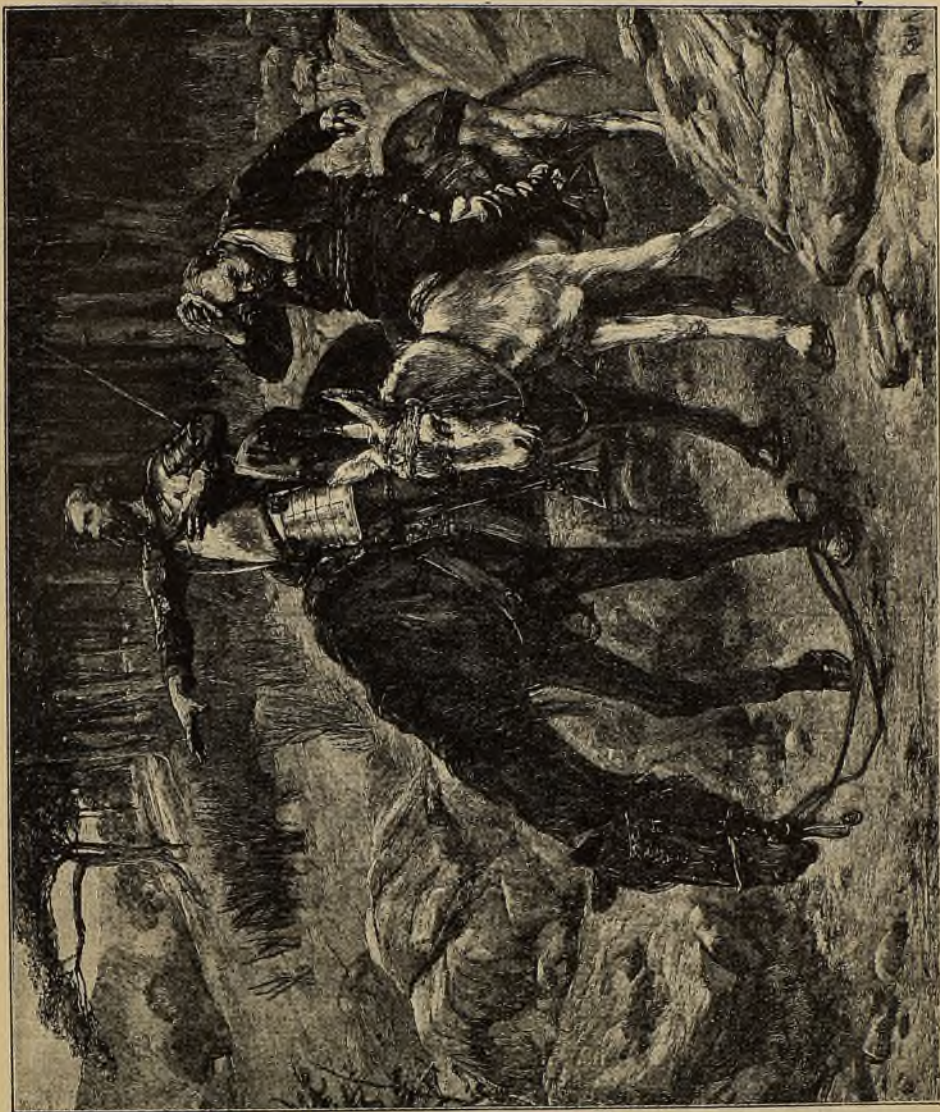
— Клянусь вамъ,—кричитъ Санчо:—если я разговаривалъ когда-нибудь съ этой Дульцинеей, то послѣ этого я дрался съ дуной.

Но теперь разубѣдить рыцаря нѣтъ возможности. Приходится опять пуститься на хитрости. И Санчо выходитъ изъ затруднительнаго положенія необыкновенно искусно.

Онъ безпрестанно слышитъ отъ Донъ-Кихота, что кругомъ странствующихъ рыцарей бываетъ иногда все очаровано,—особенно если вмѣшается враждебный волшебникъ.

Тогда пусть будетъ очарована и Дульцинея!

Рыцарю случалось принимать корчму за замокъ, цырульничій

Донъ Кихотъ и Санчо Пансо въ пути.

тазь за мамбреневскій шлемъ,—ничего не стоить его убѣдить, что первая же встрѣчная крестьянка—Дульцинея.

Донъ-Кихоть отправляетъ Санчо разыскать домъ красавицы. Оруженосецъ скоро возвращается и объявляетъ рыцарю, что по дорогѣ ѣдетъ сама Дульцинея.

— Пресвятая Богородице!—воскликнулъ рыцарь.—Правду ли ты говоришь? Санчо, будь откровененъ со мной и ложной радостью не думай разсѣять мое уныніе!

— А мнѣ что за выгода надувать васъ, когда — всего два шага, и вы можете провѣрить мои слова,—отвѣтилъ Санчо.— Пришпоривайте же Россинанта, слѣдуйте за мной, и вы узрите вашу владычицу принцессу, разряженную, какъ подобаеть ей. Она и ея прислужницы—это, я вамъ скажу, цѣлыя алмазныя рѣвки, жемчужныя ожерелья, золотыя и серебряныя ткачи, и, право, я не понимаю даже, откуда берутся у нихъ силы пести все это на себѣ. Волосы ихъ, широкими прядями разсыпанные по плечамъ, кажутся солнечными лучами, волнуемыми вѣтромъ, и вдобавокъ всѣ три онѣ ѣдутъ на парѣ породистыхъ одноходцевъ.

— Иноходцевъ, а не одноходцевъ,—замѣтилъ Донъ-Кихоть.— Санчо! подумай, за кого бы приняла насъ Дульцинея, если бы услышала, какъ ты коверкаешь слова!

— Отъ одноходцевъ до иноходцевъ недалеко, — возразилъ Санчо.—Но на чемъ бы онѣ ни ѣхали, а только я въ жизнь мою не видалъ такихъ роскошныхъ дамъ, особенно госпожа моя, принцесса Дульцинея, поражающая разомъ всѣ пять чувствъ.

— Санчо! въ благодарность за радостную вѣсть дарю тебѣ добычу, которая достанется мнѣ въ первомъ ожидающемъ насъ приключеніи, или, — если хочешь, — будущихъ жеребятъ моихъ трехъ кобылъ,—сказалъ Донъ-Кихоть.

— Нѣтъ, ужъ лучше жеребятъ, а съ добычей—Богъ съ ней,—отвѣчалъ Санчо.

Рыцарь и оруженосецъ выѣзжаютъ на дорогу. Донъ-Кихоть всматривается вдаль и видитъ трехъ крестьянокъ на осллахъ.

Санчо возмущенъ. Донъ-Кихоть, должно быть, ослѣпъ или очарованъ. Рыцарь спорить. Санчо бросается навстрѣчу крестьян-

камь, становится на колѣни и обращается съ рѣчью къ одной изъ нихъ, называя ее сіятельной принцессой, царицей и герцогиней красоты.

Донъ-Кихоть также опускается на колѣни. Но передъ нимъ толстая, курносая, съ раздутымъ лицомъ крестьянка; онъ не можетъ пошевелить губами отъ изумленія.

Санчо не унываетъ, и продолжаетъ кричать:

— Великая принцесса! О, всемірная дама Тобозо!..

Крестьянка выходитъ изъ терѣвнїя, принимаетъ колѣнопреклоненія и пышныя рѣчи за насмѣшку и проситъ рыцаря и его оруженосца убираться.

Тогда Донъ-Кихоть говорить съ грустью:

— Встань, Санчо. Я вижу, что судьба, еще не насыщенная моими несчастїями, заградила пока все пути, по которымъ радость могла бы проникнуть въ душу, оживляющую это брренное тѣло. А ты,—продолжалъ онъ,—обратившись къ крестьянкѣ,—ты, недосыгаемый предѣлъ земной красоты, божественное соединеніе всехъ земныхъ совершенствъ, единственная поддержка моей боготворящей тебя души, пусть преслѣдующій меня волшебникъ покрылъ глаза мои какимъ-то непонятнымъ туманомъ, скрывающимъ отъ меня, но не отъ другихъ, подъ чертами грубой крестьянки, твой образъ небесный, твою несравненную красоту. Я, тѣмъ не менѣе, умоляю тебя кинуть на меня взоръ, полный любви, если только врагъ мой и волшебникъ не преобразилъ и меня теперь въ какого-нибудь вампира, желая сдѣлать твоего рыцаря ужаснымъ въ твоихъ глазахъ. Ты видишь, боготворимая дама, мою вѣрность и преданность тебѣ. Ты видишь, что, несмотря на козни враговъ моихъ, я не перестаю воздавать тебѣ почести, достойныя твоей красоты.

— Таковушую нашли, — отвѣчала крестьянка: — стану я слушать, что вы тамъ городите. Пустите-ка, пустите насъ, намъ некогда по пустякамъ тратить съ вами время.

Санчо былъ въ восторгѣ: его предѣлка удалась. А Донъ-Кихоть такъ и остался при убѣжденїи, что волшебникъ скрылъ отъ него красоту Дульциней.

Такъ и не пришлось ему получить благословенія!

Но судьба на этотъ разъ на его сторонѣ, и въ очень серьезномъ дѣлѣ.

Недалеко отъ Тобозо Донъ-Кихотъ встрѣчаетъ рыцаря. Одежда его украшена множествомъ маленькихъ зеркаль: это, значить, *рыцарь зеркаль*,—на самомъ дѣлѣ пріятель Донъ-Кихота Карраско и его оруженосецъ—сосѣдъ и кумъ Санчо—Оома. Сраженіе должно рѣшить, вернется ли Донъ-Кихотъ домой, или нѣтъ?

Карраско, вооруженный и съ опущеннымъ забраломъ, неузнаваемъ, а Оома придѣлалъ себѣ страшный носъ, — и Санчо въ ужасѣ также не узналъ его.

Сора начинается изъ-за вопроса, чья дама прекраснѣе. Условіемъ ставится: побѣжденный долженъ исполнить приказаніе побѣдителя. Карраско намѣренъ потребовать отъ Донъ-Кихота—вернуться домой.

Но расчеты его не выполняются.

Неожиданно Донъ-Кихотъ остается побѣдителемъ: рыцарь зеркаль низверженъ,—и все благодаря Россинанту: достойный конь за всю свою жизнь только разъ пустился въ галопъ,—именно противъ Карраско,—и Донъ-Кихотъ восторжествовалъ.

Разумѣется,—немедленно открывается, кто такой рыцарь зеркаль и его оруженосецъ. Но зачѣмъ же иначе и существуютъ волшебники?

Это они опять подмѣнили настоящихъ людей,—и Донъ-Кихотъ посылаетъ Карраско, какъ побѣжденнаго рыцаря, на поклонъ къ Дульцинеѣ.

Донъ Кихотъ почти счастливъ. Одно только у него горе: Дульцинея очарована. Какъ ее разочаровать?

Пока нѣтъ средства,—и Донъ-Кихотъ теперь всей душой отдается этой мысли.

Послѣ приключенія съ рыцаремъ зеркаль онъ попадаетъ въ гости къ нѣкому гидальго, донъ-Діего, человѣку достаточному, доброму, не злорѣчивому, помогающему бѣднымъ тайно.

Санчо до такой степени восхищается всѣми этими простыми,

но рѣдкими добродѣтелями, что соскакиваетъ съ осла и со слезами на глазахъ принимается цѣловать ноги у донъ-Діега.

Простодушный Санчо считаетъ его прямо святымъ.

— Помилуй, какой я святой, — говоритъ гидальго, — напротивъ, я великій грѣшникъ. Скорѣе ты, мой другъ, судя по твоему умилению и довѣрчивости, долженъ быть причисленъ къ праведнымъ.

Не успѣлъ донъ-Діега доѣхать съ новыми своими друзьями до своего дома, — Донъ-Кихоту судьба посылаетъ удивительное приключеніе.

Въ двухъ клѣткахъ везутъ двухъ львовъ для короля. Донъ-Кихоть желаетъ вступить въ бой со львомъ и приказываетъ отворить клѣтку.

Сторожъ волей-неволей повинуется.

Клѣтка открыта, левъ на свободѣ. Но царь звѣрей на этотъ разъ пренебрегаетъ людскими сумасбродствами. Онъ мирно вытягивается во весь ростъ, зѣваетъ, облизываетъ себѣ глаза, глядитъ направо и налево, — Донъ-Кихоть съ обнаженнымъ мечомъ ждетъ: звѣрь поворачивается къ нему задомъ и преспокойно ложится.

Донъ-Кихоть приказываетъ сторожу бить льва палкой, — сторожъ ставитъ рыцарю на видъ, что онъ достаточно доказалъ свою доблесть и умоляетъ больше не тревожить звѣря.

Герой требуетъ отъ сторожа письменнаго удостовѣренія въ происшедшемъ событіи и ѣдетъ съ торжествомъ къ донъ-Діегу въ гости.

Съ этихъ поръ Донъ-Кихоть безпрестанно удивляетъ разныхъ людей своимъ умомъ, своимъ краснорѣчіемъ и своими познаніями.

Онъ великолѣпно бесѣдуетъ о поэзіи съ поэтомъ, сыномъ донъ-Діега, потомъ нападаетъ на крестьянскую свадьбу и даетъ превосходные совѣты новобрачнымъ насчетъ труда и семейнаго счастья.

Но воображеніе рыцаря попрежнему полно чудесъ, и немедленно послѣ самыхъ благоразумныхъ рѣчей онъ спускается въ волшебную Монтезиносскую пещеру и въ нѣсколько минутъ ви-

дить тамъ во снѣ всѣ небылицы, какія рассказывались про пещеру въ рыцарскихъ исторiяхъ,—даже очарованную Дульцинею.

Какое это слышать Санчо, которому такъ хорошо известна тайна очарованiя Дульциней?

Санчо боится, какъ бы ему самому не спятить съ ума или не допнуть отъ смѣха.

Наконецъ, онъ говоритъ рыцарю:

— Въ недобрый часъ, ваша милость, встрѣтились вы съ этимъ Монтезиносомъ, потому что вернулись вы отъ него, кажись, не совсѣмъ того... Давно ли подавали вы намъ на каждомъ шагу умные совѣты и говорили умныя рѣчи, а теперь рассказываете такую небывальщину, что ужъ я не знаю, право, что и подумать.

Санчо въ первый разъ такъ заговорилъ съ рыцаремъ. Онъ даже убѣждаетъ Донъ-Кихота не говорить чепухи, какая лѣзетъ ему въ голову.

Донъ-Кихоть не гнѣвается на оруженосца. Онъ знаетъ его преданность,—но остается при своей чепухѣ, хотя и не такъ твердо, какъ раньше.

Бываютъ свѣтлыя минуты, — Донъ-Кихоть готовъ вполне искренно сознаться въ своихъ ошибкахъ и возмѣстить ихъ извиненiями, деньгами, раскаянiемъ.

Въ душѣ рыцаря нѣтъ злости. Онъ совершенно неспособенъ на мстительность. Онъ безупречно благороденъ и неизмѣнно добръ,—только вотъ волшебники часто строятъ ему козни! А если бы не эти злыя существа, — привлекательнѣе челоуѣка и не было бы на свѣтѣ, чѣмъ Ламанчскiй рыцарь.

Вотъ, напримѣръ, приключенiе вскорѣ послѣ путешествiя въ волшебную пещеру.

На пути встрѣтился кукольный театръ. Хозяинъ театра предлагаетъ дать представленiе. Все идетъ какъ нельзя лучше.

Куклы представляютъ, какъ изъ плѣна у мавровъ бѣжали христіанинъ и его жена, и какъ мавры гнались за бѣглецами.

Все это на сценѣ вышло до такой степени живо и хорошо, что Донъ-Кихоть почувствовалъ новый приливъ чаръ и вообра-

зиль, что все это происходит на самомъ дѣлѣ: мавры преслѣдуютъ христіанъ и вотъ-вотъ нагонять ихъ.

Надо помочь!

И Донъ-Кихотъ громовымъ голосомъ кричить кукламъ:

— Остановитесь! не смѣйте преслѣдовать славныхъ героевъ, если не хотите имѣть дѣла со мной!

И рыцарь обнажаетъ мечъ, подходитъ къ сценѣ и съ несказанной яростью принимается поражать куколь-мавровъ направо и налѣво.

Хозяинъ театра въ ужасѣ.

— Остановитесь, господинъ Донъ-Кихотъ, — кричитъ онъ, — ради Бога опомнитесь: вѣдь вы рубите въ куски не настоящихъ мавровъ, а картонныя фигуры, которыя составляютъ все мое богатство; вы въ конецъ разорите меня...

Но Донъ-Кихотъ продолжаетъ сраженіе, и, когда все уже кончено, онъ видитъ, съ кѣмъ онъ сражался. Виноваты, конечно, волшебники. Тѣмъ не менѣе, рыцаръ щедро платитъ за убитыхъ.

Тѣ же волшебники заставляютъ Донъ-Кихота рыбацью лодку принять за рыцарскую, плыть на ней черезъ рѣку Эбро, будто черезъ океанъ, на помощь нѣкому рыцарю, который находится въ великой опасности.

Пришлось и здѣсь разсчитываться съ рыбаками. Но зато это— послѣднее приключеніе съ опасностью для нашего рыцаря.

Исторія измѣняетъ направленіе.

Рыцарскіе романы, разумѣется, остаются незабвенными: все дѣлается по нимъ, какъ по-писанному,—но все происходитъ въ шутку. Донъ-Кихоту не угрожаютъ ни палочные удары, ни расходы, и Санчо можетъ вспоминать о воздушномъ путешествіи на одѣялѣ, какъ о далекомъ прошломъ, а самому Донъ-Кихоту предоставляется, наконецъ, испытать не одни огорченія, но и кое-какія удовольствія странствующаго рыцаря.

XX.

Съ нашими путниками встрѣчается нѣкая герцогиня въ лѣсу на охотѣ.

Она и ея мужъ приглашаютъ къ себѣ Донъ-Кихота, принимаютъ его такъ, какъ вообще принимали странствующихъ рыцарей въ романахъ. Донъ-Кихоть въ восторгѣ: его мечты, наконецъ, исполняются; не меньше счастливъ и Санчо.

Встрѣча Донъ-Кихота съ герцогомъ.

Съ нимъ только происходитъ маленькая непріятность въ самомъ началѣ. Винавать оседь, столь дорогое для Санчо существо. Герцогиня чрезвычайно благосклонно обошлась съ оруженосцемъ,—и онъ, было, совсѣмъ забылся отъ удовольствія.

Но совѣсть скоро напомнила ему о покинутомъ ослѣ, и Санчо, замѣтивъ вблизи около себя почтенную дуэнью, спросилъ, какъ ее зовутъ:

— Зовутъ меня донна Родригець де Гріальва, — отвѣчала дуэнья. — Что тебѣ угодно, братецъ?

— Мнѣ бы угодно было, — сказала Санчо, — чтобы вы потрудились выйти на дворъ, тамъ стоитъ мой осель. Такъ вы ужъ распорядитесь, пожалуйста, чтобы этого самаго осла отвели въ конюшню. Нужно вамъ только сказать, что онъ немного трусливъ и если увидить себя одного, то я, право, не знаю, что станется съ нимъ, бѣднымъ.

— Если господинъ твой такой же невѣжа, какъ ты, — отвѣчала оскорбленная дуэнья, — то нечего сказать, — славную мы сдѣлали находку. Отвяжись, сударь ты мой, отъ меня, ступай самъ къ своему ослу, а мы не для ословъ твоихъ поставлены здѣсь. Въ недобрый, видно, часъ занесло васъ сюда.

— Странно, — сказалъ Санчо, — господинъ мой, который, можно сказать, собаку съѣлъ на разныхъ исторіяхъ, самъ мнѣ разсказывалъ: когда Ланчелотъ возвратился изъ Британіи, тогда дамы заботились о немъ самомъ, а дуэньи — объ его конѣ, я же, право, не промѣняю своего осла ни на какого Ланчелотова коня.

— Если ты, любезный, родился ужъ такимъ шуткомъ, — сказала дуэнья, — прибереги свои шуточки на другой случай, для другихъ людей, которымъ эти шуточки придется по вкусу; они и награждать тебя за нихъ; отъ меня же, кромѣ фиги, ты ничего не дождешься.

— Спасибо и за то, — молвилъ Санчо: — фига ваша должна быть спѣлая-преспѣлая, если только ровесница вашей милости.

— Шутовское отродье! — воскликнула разъяренная дуэнья. — Если я стара, — въ томъ я дамъ отчетъ Богу, а не тебѣ, грубіянь, негодяй.

Говоря это, дуэнья такъ возвысила голосъ, что ее услышала герцогиня и спросила, что съ нею.

— А то, — отвѣтила дуэнья, — что этотъ молодецъ отправляетъ меня со своимъ осломъ на конюшню, разсказывая про какого-то

Ланчелота, которому, будто, служили дамы, а о коняхъ его заботились дуэньи. Да вдобавокъ обругалъ меня еще старухой.

— Вотъ это обидно,—сказала герцогиня.— Берегись, милый Санчо; донна Родригець совсѣмъ не такъ стара, какъ тебѣ кажется.

— Да, клянусь Богомъ,—отвѣтилъ Санчо,— я говорилъ имъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы обидѣть ихъ, а потому, что очень люблю своего осла, и мнѣ казалось, что трудно будетъ поручить его болѣе милостивой и сострадательной особѣ, чѣмъ госпожа донна Родригець.

Донъ-Кихоть недовольнымъ голосомъ прервалъ своего оруженосца:

— Санчо, подумай, прилично ли говорить здѣсь подобныя вещи?

— О своихъ нуждахъ каждому прилично говорить вездѣ, если это нужно,—отвѣтилъ Санчо.— Я вспомнилъ о моемъ ослѣ здѣсь, и говорю о немъ здѣсь, а если бы вспомнилъ въ конюшнѣ, то сказалъ бы тамъ.

— Санчо совершенно правъ,—замѣтилъ герцогъ,— и возражать ему я нахожу рѣшительно невозможнымъ. Прошу его только не беспокоиться о своемъ ослѣ, — о немъ будутъ заботиться, какъ о самомъ Санчо.

Нѣсколько ядовитое обѣщаніе,—и герцогъ вообще оказался весьма насмѣшливымъ и веселымъ хозяиномъ.

Ни въ чемъ не оскорбляя Донъ-Кихота, онъ устраиваетъ съ нимъ рядъ остроумныхъ продѣлокъ, какъ съ настоящимъ странствующимъ рыцаремъ.

Санчо также вмѣстѣ съ рыцаремъ подвергается разнымъ опытамъ. Онъ даже больше, чѣмъ его господинъ, забавляетъ герцога, а особенно герцогиню.

Только одинъ разъ у Санчо съ герцогиней вышла отчасти неприятная сцена,—и все изъ-за того же осла. Чѣмъ лучше чувствовалъ себя Санчо, тѣмъ сильнѣе старался не забыть про свое скровище, про „свѣтъ очей своихъ“.

Поговоривъ о немъ съ дуэньей, Санчо счелъ нужнымъ попро-

сить и герцогиню, чтобы въ замкѣ получше присматривали за его „сѣрякомъ“.

Такъ Санчо рѣшилъ называть своего осла, чтобы не обижать его именемъ „осель“.

Герцогиня объщаетъ Санчо помѣстить „сѣряка“ въ свою душу.

Санчо этого вовсе не надо: ослу будетъ удобнѣе въ конюшнѣ, такъ онъ и говорить герцогинѣ. Не совсѣмъ ловко выходить; но Санчо такъ забавенъ, сыплетъ такими уморительными пословицами, что герцогиня тотчасъ же примиряется съ нимъ.

Начинаются приключенія, придумываемыя герцогомъ.

Въ лѣсу, во время охоты, является знаменитый волшебникъ Мерлинъ. Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ героевъ старыхъ сказокъ. Онъ и сынъ дьявола, и чародѣй, и пророкъ, и влюбленный рыцарь.

И вотъ онъ является Донъ-Кихоту и изрекаетъ пророчество, котораго рыцарь жаждетъ давно и всей душой.

Дульцинея будетъ разочарована, если только Санчо добровольно дастъ себѣ три тысячи триста ударовъ плетью.

Это ужасно для бѣднаго оруженосца! Онъ также вполне простодушно вѣритъ въ появленіе Мерлина и наотрѣвъ заявляетъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до красавицы Дульцинеи, что онъ бить себя не станетъ ни въ какомъ случаѣ.

Но исполнить это не такъ-то легко!

Рядомъ съ Мерлиномъ на-лицо и сама Дульцинея,—и она также настойчиво требуетъ, чтобы Санчо высѣкъ себя, даже бранить его.

Донъ-Кихоть тоже начинаетъ гнѣваться, а герцогъ увѣряетъ, что Санчо никогда не получитъ острова, если не разочаруетъ Дульцинеи...

Мерлинъ еще краснорѣчивѣй.

— Соглашайся, Санчо, на предложенное тебѣ бичеваніе: оно послужитъ въ пользу душѣ твоей и тѣлу. Душѣ—потому, что дастъ ей возможность показать свое христіанское милосердіе, тѣлу—потому, что, какъ мнѣ извѣстно, ты человекъ полнокровный, и тебѣ очень бы не мѣшало пустить себѣ немного крови.

Санчо не согласенъ лѣчиться подобнымъ средствомъ,—но что

подълаешь! Къ нему такъ пристають со всѣхъ сторонъ,—приходится покориться. Только ужъ пусть не придираются къ нему, какіе удары онъ будетъ наносить себѣ,—можетъ быть, иными и мухи не вспугнешь: это ужъ его дѣло!

Все, слѣдовательно, кончилось къ удовольствію герцога и самого Донъ-Кихота. Зрѣлище было устроено очень ловкимъ домоправителемъ герцога, онъ изображалъ Мерлина, а пажъ — Дульцинею.

Дальше слѣдуетъ еще нѣсколько подобныхъ представленій,—и все по рыцарскимъ книгамъ.

Донъ-Кихотъ не можетъ опомниться отъ удивленія и удовольствія. Все, что онъ когда-то читалъ, теперь совершается передъ нимъ на самомъ дѣлѣ.

Рыцарю приходится даже путешествовать на волшебномъ деревянномъ конѣ по воздуху, только съ завязанными глазами. Санчо также участвуетъ въ этомъ полетѣ.

Разумѣется, конь не двигается съ мѣста, только воображенію Донъ-Кихота представляется головокружительный полетъ. Санчо готовъ сомнѣваться, но Донъ-Кихотъ настойчиво разубѣждаетъ его: развѣ волшебники не могутъ устраивать полетовъ по воздуху! Столько истинныхъ исторій рассказывается на этотъ счетъ!

Дѣло кончается тѣмъ, что внутри коня разрываются ракеты, и всадники падаютъ на землю. Герцогъ и герцогиня въ восторгѣ!

Бѣдный рыцарь! надъ нимъ смѣются, разыгрываютъ съ нимъ комедіи,—и все только потому, что онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ увлеченія рыцарскими романами. Разъ вопросъ идетъ о нихъ, рыцарь безумень, жалокъ, смѣшонъ, но послушайте, какъ онъ разсуждаетъ о другихъ вопросахъ, о людяхъ, о жизни вообще.

Герцогъ желаетъ осчастливить Санчо именно такъ, какъ это дѣлалось въ старину съ оруженосцами странствующихъ рыцарей. Герцогъ отправляетъ оруженосца въ одну изъ своихъ деревень, называя ее островомъ Баратаріей. Санчо долженъ здѣсь губернаторствовать.

Онъ отправляется на свой островъ, но предварительно долженъ выслушать наставленія своего господина.

Донъ-Кихоть запирается съ нимъ наединѣ и начинаетъ увѣщавать его. Рѣчь въ высшей степени замѣчательная!

Она, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ лучшія истины, какія могъ бы высказать самъ Сервантесъ. И Донъ-Кихоть, оказывается, можетъ превосходно объяснить ихъ: дѣло идетъ не о странствующихъ рыцаряхъ и не о волшебникахъ,—и нашъ рыцарь является великимъ знатокомъ людей и жизни.

Вотъ какія, между прочимъ, правила онъ внушаетъ Санчо:

„Гордись, Санчо, своимъ скромнымъ происхожденіемъ и не стыдись говорить, что ты сынъ крестьянина. Если ты самъ не устыдишься его, тогда никто не пристыдитъ тебя имъ. Гордись лучше тѣмъ, что ты незнатный праведникъ, чѣмъ тѣмъ, что знатный грѣшникъ. Не ты первый, не ты послѣдній. Множество лицъ разнаго званія достигали высокихъ почестей, тѣры и короны; я могъ бы утомить тебя, перечисляя ихъ.

„Пусть слезы бѣдняка найдутъ въ сердцѣ твоемъ больше состраданія, чѣмъ дары богатаго, но не найдутъ несправедливости.

„Старайся открыть во всемъ истину; старайся прозрѣть ее сквозь обѣщанія и дары богатаго и сквозь рублище и воздыханія бѣдныхъ.

„Иногда правосудіе потребуетъ жертвы, не обрушай на главу преступника всей кары суроваго закона; судія неумолимый не вознесется надъ судьей сострадательнымъ.

„Но, смягчая законъ, смягчай его подъ тяжестью состраданія, но не подарковъ.

„Когда придется тебѣ судить виновнаго, смотри на него, какъ на слабого и несчастнаго человѣка, какъ на раба нашей грѣховной природы. И, оставаясь справедливымъ къ противной сторонѣ, яви, насколько это будетъ зависетьъ отъ тебя, милосердіе къ виновному. Хотя богоподобныя свойства наши всѣ равны, тѣмъ не менѣе милосердіе сіяетъ въ нашихъ глазахъ ярче справедливостей“.

Донъ-Кихоть не забываетъ также посовѣтовать Санчо употреблять въ разговорѣ поменьше пословиць не кстати.

Но именно этого совѣта Санчо выполнить не въ состояніи. Что дѣлать! у него въ головѣ больше пословиць, чѣмъ въ любой книгѣ. И стоитъ ему заговорить, ихъ столько заразъ лѣзетъ въ ротъ, что онѣ, можно сказать, дерутся другъ съ другомъ, какъ бы имъ выйти на свѣтъ Божій.

Единственно, что Санчо можетъ обѣщать, — говорить пословицы, приличныя губернаторскому званію.

Подпись Санчо Пансо.

Еще одно несчастье—Санчо неграмотенъ!

Когда онъ былъ старостой въ своей деревнѣ, — его выучили писать нѣсколько буквъ такихъ огромныхъ, будто знаки на тюкахъ. Для губернатора этого мало!

Но въ случаѣ, если Санчо не сумѣетъ достойно нести эту должность, — онъ готовъ и отказаться отъ нея.

— Господинъ мой, если вамъ кажется, что я не достоинъ быть губернаторомъ, такъ я сейчасъ откажусь отъ этого губернаторства, потому что я больше дорожу ноготкомъ души своей,

чѣмъ всѣмъ своимъ тѣломъ, — и я такъ же проживу прѣстымъ Санчо съ лукомъ и хлѣбомъ, какъ Санчо — губернаторомъ съ капдунами и куропатками. Когда мы спимъ, тогда мы всѣ равны: великіе и малые, богатые и бѣдные, сильные и слабые. И если ваша милость подумаете немного, такъ увидите, что вы же сами смутили мою голову этимъ губернаторствомъ, потому что я столько же понимаю въ немъ, какъ гусь. И если вы полагаете, что черти стащатъ меня съ него, такъ Богъ съ нимъ: лучше простымъ Санчо я отправлюсь въ рай, чѣмъ губернаторомъ въ адъ.

— Клянусь Богомъ, Санчо,—воскликнулъ Донъ-Кихоть, — за одни эти слова ты стоишь быть губернаторомъ. Ты человекъ хорошій, а это главное; безъ этого же мало къ чему служить знаніе. Поручи же себя, мой другъ, Богу и старайся не погрѣшить въ своихъ первыхъ помыслахъ. Имѣй всегда въ сердцѣ правду, твердо рѣшися быть справедливымъ во всякомъ дѣлѣ и вѣрь, Небо всегда помогаетъ благимъ намѣреніямъ.

Итакъ, Санчо сдѣлался губернаторомъ, а Донъ-Кихоть пока остается въ замкѣ герцога. Рыцарь и оруженосецъ прощаются со слезами, — Донъ-Кихоть чувствуетъ теперь всю тяжесть своего одиночества.

XXI.

Герцогъ все время забавляется, — и Санчо долженъ также потѣшить его на своемъ губернаторскомъ мѣстѣ.

Оказывается, герцогъ ошибается въ расчетахъ. Санчо не только не простакъ, но и весьма неглупый, здравомыслящій правитель. Не даромъ его могли выбрать деревенскимъ старостой, — и онъ теперь подчасъ изумляетъ герцогскихъ слугъ и самого герцога догадливостью, пониманіемъ человѣческой души, находчивостью въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

И знаете, какое впечатлѣніе получается? Подчасъ оказываются въ смѣшномъ, или, по крайней мѣрѣ, въ неумномъ положеніи тѣ, кто желаетъ позабавиться надъ Санчо, а не онъ самъ.

Съ перваго же дня управленія, Санчо обнаруживаетъ поразительный здравый смыслъ и человѣческое достоинство, рѣдко свойственное и болѣе родовитымъ и просвѣщеннымъ людямъ.

Его называютъ донъ-Санчо, т.-е. величаютъ его, какъ дворянина. Казалось бы, для мужика это очень лестно,—Санчо не желаетъ быть самозванцемъ:

— Ни я и никто въ моемъ родѣ не назывался донъ. Я зовусь Санчо Панса просто, такъ же звали отца и дѣда моего, бывшими Санчо Панса безъ всякихъ „донъ“ и безъ всякихъ удлиненій.

Немедленно начинается исполненіе губернаторскихъ обязанностей.

Являются просители. Санчо долженъ распознать, кто лжетъ, а это очень нелегко. Требуется большая наблюдательность и опытность. Санчо съ честью выходитъ изъ испытанія. Свидѣтели становятся втупикъ: мудрецъ или глупецъ Санчо.

Если бы герцогу не угодно было забавляться надъ оруженосцемъ Донъ-Кихота, — онъ, несомнѣнно, отъ начала до конца остался бы мудрецомъ.

Но Санчо поневоль смѣшонъ и жалокъ въ такомъ, на примѣръ, положеніи.

Къ Санчо приставленъ особый врачъ, и сдѣлано это съ умысломъ. Герцогу извѣстно, какой охотникъ Санчо поѣсть, и вотъ врачъ долженъ всѣми способами мѣшать ему удовлетворить аппетитъ.

И во время перваго же обѣда происходитъ слѣдующее.

Санчо приводятъ въ залу, играетъ музыка, его сажаютъ за столъ, и рядомъ съ нимъ помѣщается какая-то неизвѣстная особа съ маленькимъ жезломъ изъ китоваго уса. Это врачъ. Всѣ приготовления совершаются чрезвычайно торжественно, столъ полонъ фруктовъ и яствъ, духовникъ благословляетъ трапезу, слуги готовятся служить Санчо.

Но не успѣваетъ Санчо скушать и маленькаго кусочка, врачъ касается блюда своимъ жезломъ, и блюдо мгновенно уносятся.

Къ слѣдующему блюду Санчо не успѣваетъ даже прикоснуться,— оно исчезаетъ будто по волшебству.

Санчо пораженъ. Онъ спрашиваетъ у людей, окружающихъ его, слѣдуетъ ли ему ѣсть обѣдъ, или только смотрѣть на него.

Санчо за обѣдомъ.

— Нужно кушать, господинъ губернаторъ,— отвѣчаетъ врачъ,— но только такъ, какъ кушаютъ на другихъ островахъ другіе, подобные вамъ губернаторы. Я исполняю здѣсь должность губернаторскаго врача и занимаюсь больше губернаторскимъ здоровьемъ, чѣмъ своимъ собственнымъ, изучая день и ночь губернаторскіе организмы, чтобы удачно лѣчить ихъ, когда они заболѣютъ. Главная обязанность моя — находиться возлѣ нихъ

въ то время, когда они ѣдятъ и позволяютъ имъ ѣсть только то, что соответствуетъ ихъ комплекціи, запрещая все, что я нахожу вреднымъ для нихъ. Я велѣлъ прибрать блюдо съ фруктами потому, что это кушанье очень сырое, слѣдующее же блюдо я велѣлъ прибрать потому, что оно очень сухое и очень пряное и потому возбуждающее жажду. Тотъ же, кто много пьетъ, уничтожаетъ въ себѣ природную влажность, которая есть сама жизнь.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала Санчо, — вотъ эти куропатки, зажаренныя, какъ разъ какъ слѣдуетъ, не могутъ, кажется, повредить мнѣ.

— Пока я живъ, — отвѣтилъ врачъ, — господинъ губернаторъ не попробуетъ этихъ куропатокъ.

— Почему?

— Потому что звѣзда и компасъ медицины Гиппократъ сказалъ: „Всякое несвареніе — дурно, но несвареніе куропатокъ хуже всего“.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ, господинъ докторъ, рассмотрите вы эти кушанья и укажите мнѣ такое, которое было бы всего полезнѣе или всего менѣе вредно для меня, и позвольте мнѣ покушать его, сколько я захочу, безъ вашего жезла, потому что, клянусь жизнью губернатора (да позволить мнѣ Богъ насладиться ею), я умираю съ голоду!

— Совершенно справедливо, господинъ губернаторъ, — сказала докторъ, — и я нахожу необходимымъ, чтобы вы не изволили кушать этихъ фаршированныхъ зайцевъ; это кушанье — неудобоваримое. Если бы вотъ эта телятина не была зажарена и избита, вамъ бы можно было покушать ее, но теперь и думать нечего о ней.

— А вотъ то большое дымящееся блюдо, — сказала Санчо, — кажется, пахнетъ. Въ паштеты кладется обыкновенно столько разныхъ разностей, что я, вѣрно, найду тамъ что-нибудь полезное для моего здоровья.

— Absit! — воскликнулъ докторъ, — отгоните отъ себя эту мысль. Нѣтъ ничего на свѣтѣ неудобоваримѣе паштетовъ. Они хороши

для духовныхъ лицъ, начальниковъ школъ, для свадебныхъ пировъ, но только не для губернаторовъ, которые должны кушать самыя нѣжныя кушанья, соблюдая всевозможную умѣренность въ ѣдѣ.

Санчо откинулся на спинку своего сидѣнья, пристально взглянулъ на врача и строго спросилъ, какъ его зовутъ, и гдѣ онъ учился.

— Зовутъ меня, господинъ губернаторъ, — отвѣтилъ врачъ, — докторъ Педро Черствый, родомъ я изъ деревни Тертафуэра, находящейся между Каракуэллой и Альмадоваръ дель Кампо съ правой руки; докторскую степень я получилъ въ Оссунскомъ университетѣ.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ, не помня себя отъ гнѣва, Санчо, — господинъ докторъ, зловѣщій Педро Черствый, родомъ изъ деревни Тертафуэра, стоящей по правую руку, когда ѣхать изъ Каракуэлло въ Алмадоваръ дель Кампо, награжденный докторской степенью въ Оссунѣ, убирайся сію минуту съ глазъ моихъ, или, клянусь солнцемъ, я схвачу дубину и, начиная съ васъ, не оставлю на всемъ островѣ ни одного лѣкаря, по крайней мѣрѣ, такого невѣжду, какъ вы. Пусть же поскорѣе уберется отсюда Педро Черствый, или я разможжу ему голову этимъ сидѣньемъ, и пусть тогда спрашиваютъ у меня отчета въ управленіи. Въ оправданіе я скажу, что я сослужилъ службу самому Богу, уничтоживъ палача въ государствѣ, негоднаго лѣкаришку. И дайте мнѣ сейчасъ же поѣсть, или возьмите отъ меня это губернаторство, потому что служба, на которой съ голоду пропадешь, не стоитъ и пары бобовъ.

Не успѣлъ Санчо раздвѣлаться съ Педро Черствымъ, — насмѣшники придумали новую продѣлку, и уже послѣднюю: имъ просто надо было отдѣлаться отъ губернаторства Санчо.

Жителямъ деревни приходилось жалѣть объ этомъ. Санчо рѣшительно становился мудрымъ правителемъ. Законы его сохранились и послѣ его ухода, такъ они были хороши.

Санчо особенно заботился о бѣднякахъ, постановилъ строго слѣдить за продажей съѣстныхъ припасовъ, за ихъ доброкачествен-

ностью, понизилъ цѣну на платьѣ, запретилъ нищимъ распѣвать про вымышленныя чудеса съ цѣлью получить милостыню, устроилъ наблюденіе за нищими и убогими, чтобы отличить дѣйствительныхъ бѣдняковъ отъ бродягъ и лѣнтыевъ.

Но все это не спасло Санчо.

Герцогу надоѣло забавляться его губернаторствомъ, и вотъ ночью на островъ устраивается нашествіе непріятелей. Санчо будятъ, вооружаютъ его, т.-е. привязываютъ ему два щита—одинъ спереди, другой сзади,—Санчо не можетъ пошевелиться въ такомъ вооруженіи, онъ падаетъ, и въ ту же минуту поднимается страшная суматоха.

Бѣдный Санчо! На него валятся люди, кто-то становится ему на спину и будто съ возвышенія отдаетъ приказанія. Истоптанный, задавленный Санчо можетъ только бормотать про себя:

— Господи, если бѣ поскорѣ взяли, наконецъ, этотъ островъ и умертвили или освободили меня отъ этихъ страшныхъ мученій!

Раздаются крики: „побѣда! побѣда!“ Санчо поднимаютъ, отвязываютъ щиты. Санчо пришелъ въ себя, одѣлся и отправился въ конюшню.

Здѣсь онъ подошелъ къ своему ослу, поцѣловалъ его и со слезами на глазахъ сказалъ ему:

— Пойдемъ со мной, товарищъ мой, помогавшій мнѣ переносить горести и труды. Когда я жилъ съ тобой въ мирѣ и согласіи, когда у меня не было другихъ заботъ, какъ только чинить твою сбрую и откармливать твое мягкое тѣло, тогда счастливо протекали дни и годы мои. Но когда я покинулъ тебя и на башняхъ тщеславія и гордости вознесся вверхъ, съ тѣхъ поръ меня постигли тысяча горестей и четыре тысячи безпокойствъ.

Разговаривая такъ со своимъ осломъ, Санчо осѣдывалъ его, и никто во все это время не сказалъ ему ни слова.

Осѣлавъ осла, Санчо съ трудомъ сѣлъ на него верхомъ и обратился къ свитѣ, его окружавшей, съ такими словами:

— Посторонитесь, господа, и дайте мнѣ возвратиться къ прежней свободной жизни, дайте мнѣ воскреснуть отъ этой

смерти. Я не рожденъ быть губернаторомъ и не способенъ защищать ни острововъ, ни городовъ отъ вражескихъ нападений. Мое дѣло — работать заступомъ, управлять тельгой, ходить за виноградомъ, а не предписывать законы и защищать области и государства. Мѣсто святого Петра въ Римѣ, а каждый изъ насъ бываетъ на своемъ мѣстѣ тогда, когда занимается своимъ дѣломъ. Мнѣ больше присталь къ лицу серпъ, чѣмъ губернаторскій скипетръ, и я съ большимъ удовольствіемъ стану кушать похлебку съ лукомъ, чѣмъ выносить наглость какого-то невѣжественнаго лѣкаря для того, чтобы умереть съ голоду. На свободѣ я лучше засну лѣтомъ подъ тѣнью дубоваго дерева и зимою подъ толстымъ плащомъ, чѣмъ въ неволѣ на голландскихъ простыняхъ, подъ кунницами и соболями. Покойной ночи, господа!.. Передайте, прошу васъ, моему господину, что голякомъ я родился, голякомъ остаюсь, ничего не выигралъ, не проигралъ, безъ гроша вступилъ на губернаторство и безъ гроша оставляю его, не такъ, какъ другіе губернаторы.

Такъ Санчо покончилъ съ своимъ величіемъ, убѣдившись, что въ немъ нѣтъ счастья: просторъ полей и простота деревенской трудовой жизни лучше всякихъ острововъ и всякой власти надъ другими.

Съ этихъ поръ Санчо только и мечтаетъ попасть поскорѣе домой и зажить попрежнему деревенскимъ обывателемъ.

Все дѣло въ Донъ-Кихотѣ.

Но и его судьба ведетъ къ тому же концу. И дѣлается это безъ всякихъ чудесъ, вполне просто и естественно.

Пока Санчо подвизается на своемъ губернаторствѣ, господинъ его продолжаетъ жить въ замкѣ герцога и служить потѣхой герцогу и его двору. И все благодаря тѣмъ же рыцарскимъ романамъ.

Одна изъ придворныхъ дамъ, Альтиендора, влюбляется въ Донъ-Кихота и продѣлываетъ съ нимъ всѣ хитрости, какія полагались по обычаю рыцарскихъ временъ.

Она падаетъ въ обморокъ при встрѣчѣ съ Донъ-Кихотомъ, поетъ ему чувствительныя пѣсни, дѣлаетъ видъ, что она стра-

даетъ ужасно, нестерпимо, — а жестокой Донъ-Кихоть вѣрнѣе своей дамѣ, Дульциней Тобозской!

Но это не все.

Не надо забывать, что Донъ-Кихоть и на покоѣ, въ замкѣ остается защитникомъ гонимыхъ и несчастныхъ, особенно дамъ. Ему предстоитъ доказать свою доблесть, — и на этотъ разъ не въ шутку.

При дворѣ герцога, дѣйствительно, находится оскорбленная дѣвушка. Донъ-Кихоть вызываетъ ее обидчика на поединокъ.

Но трусливый герой, оскорбившій дѣвушку, скрывается. Герцогъ, тѣмъ не менѣе, устраиваетъ бой; противъ Донъ-Кихота выступаетъ лакей герцога.

Это оскорбленіе для странствующаго рыцаря! И, несомнѣнно, Донъ-Кихоть загорѣлся бы гнѣвомъ, если бы не вспомнилъ, что волшебники вѣчно шутятъ злыя шутки съ странствующими рыцарями, и волшебники, а не герцогъ, подмѣнили настоящаго противника лакеемъ.

Все кончается къ общему удовольствію.

Лакей отказывается сражаться, признаетъ себя побѣжденнымъ, готовъ жениться на дѣвушкѣ, оскорбленной другимъ, — и толпа единодушно кричитъ:

— Слава побѣдоносному Донъ-Кихоту!

Но рыцаря ждетъ другой поединокъ и уже окончательный.

Донъ-Кихоть рѣшается покинуть замокъ. Не дѣло странствующему рыцарю утопать въ нѣгѣ и роскоши, когда на свѣтѣ столько несчастныхъ! Онъ увѣжаетъ искать новыхъ приключеній.

На первыхъ порахъ съ нимъ случаются вещи, не особенно опасныя и даже подчасъ пріятныя.

Испанія такая чудная страна! Чего въ ней не встрѣтишь!

Напримѣръ, молодыя дамы и кавалеры облюбовали необыкновенно живописную мѣстность среди лѣсовъ и полей, нарядились пастухами и пастушками и проводятъ здѣсь время среди удовольствій.

Все это будто сказка, — а между тѣмъ все — правда. Въ Испаніи такъ просто привести въ исполненіе подобную прихоть, —

въ Испаніи, гдѣ такая роскошная природа, такое горячее солнце и такое синее небо!

И Донъ-Кихоть въ восторгѣ: предъ нимъ двѣ прекрасныя испанки. Не будь на свѣтѣ Дульцинеи Гобозской, пастушки были бы первыми красавицами. И Донъ-Кихоть провозглашаетъ это на большой дорогѣ, обращаясь къ рыцарямъ, оруженосцамъ и ко всѣмъ коннымъ и пѣшимъ путешественникамъ.

Пока нѣтъ ни рыцарей, ни оруженосцевъ,—только стадо быковъ. Оно налетаетъ на Донъ-Кихота и Санчо, сваливаетъ ихъ съ ногъ и проносится дальше..

Доблестному рыцарю приходится со стыдомъ уѣхать отъ прекрасныхъ пастушекъ.

Счастливыѣ кончается приключеніе съ разбойниками.

Мы знаемъ, что такое испанскій бандить. Это рыцарь, любезный кавалеръ, онъ умѣетъ грабить, говоря любезности, обыскивать прохожихъ, поражая ихъ остроуміемъ, изящными манерами.

Таковъ именно знаменитый Рокъ Гинарь, съ которымъ встрѣтился Донъ-Кихоть.

Рокъ Гинару не повезло въ жизни. Родился онъ человѣкомъ добрымъ и мягкимъ, — злые люди оскорбили его, разбили его счастье,—и онъ ушелъ отъ нихъ въ горы.

Онъ мститъ людямъ, но съ большимъ разборомъ. Бѣдняковъ онъ никогда не обижаетъ, даже помогаетъ имъ.

Сервантесъ все это рассказываетъ очень старательно, будто онъ лично зналъ именно такого благороднаго разбойника, бывавъ у него въ гостяхъ и сохранилъ о немъ весьма пріятныя воспоминанія.

Рокъ Гинарь прекрасно обращается съ Донъ-Кихотомъ, вообще на всѣхъ производитъ очаровательное впечатлѣніе. Нашъ странствующій рыцарь, послѣ такой любопытной встрѣчи, ѣдетъ въ Барцелону.

Здѣсь его встрѣчаютъ съ торжествомъ. Исторія его уже извѣстна всей Испаніи. Онъ — народная знаменитость, и Санчо вмѣстѣ съ нимъ. Донъ-Кихоту говорятъ пышныя, льстивыя рѣчи,

устраиваютъ ему почетныя приемы. Но все это—послѣднія рыцарскія радости героя.

Именно въ Барселонѣ суждено окончиться подвигамъ и страствіямъ Донъ-Кихота.

И виной все тотъ же лукавый землякъ и пріятель рыцаря—Карраско.

Онъ уже однажды встрѣтился съ Донъ-Кихотомъ и сразился съ нимъ. Тогда онъ былъ рыцаремъ зеркаль, и сраженіе вышло для него неудачно. Но онъ не оставилъ своего умысла вернуть рыцаря домой.

Теперь Карраско является въ Барселону. Онъ вооруженъ съ головы до ногъ, на его щитѣ изображеніе серебряной луны.

На прогулкѣ онъ встрѣчаетъ Донъ-Кихота и обращается къ нему съ такою рѣчью:

— Славный и еще никѣмъ достойно не восхваленный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанскій! Я—рыцарь серебряной луны. Неслышанныя дѣла мои, вѣроятно, напомнятъ тебѣ меня. Я явился сразиться съ тобою, испытать твою силу и заставить тебя признать мою даму, кто бы она ни была, прекраснѣ Дульциней Тобозской. Признавъ эту истину, ты избѣжишь смерти и избавишь меня отъ труда убивать тебя. Если я останусь въ этой битвѣ побѣдителемъ, то потребую одного: чтобы ты сложилъ свое оружіе и, отказавшись отъ всякихъ приключеній, удалился на одинъ годъ въ твою деревню. Въ продолженіе этого времени ты не прикоснешься къ мечу; это нужно для твоего счастья и для спасенія души твоей. Если же ты побѣдишь,—голова моя тогда въ твоей власти, мое оружіе и конь мой станутъ твоими трофеями, и слава моихъ подвиговъ увеличить твою.

Донъ-Кихотъ немедленно вступаетъ въ бой и падаетъ вмѣстѣ съ Россинантомъ, опрокинутый копьемъ противника.

Все кончено! Рыцарь печальнаго образа проситъ смерти,—но не того желаетъ рыцарь серебряной луны. Ему надо вылѣчить отъ безумія достойнаго гidalго. Онъ повторяетъ условія поединка,—и Донъ-Кихотъ покидаетъ Барселону и ѣдетъ домой.

Но рыцарь пока еще далекъ отъ выздоровленія. Его терзаетъ

мысль объ участи Дульцинеи. Она очарована, — и только Санчо может спасти ее. Оруженосец долженъ отстегать себя плетью.

И Донъ-Кихоть умоляетъ оруженосца сдѣлать это.

Санчо долго отговаривается, несмотря на жестокия укоризны Донъ-Кихота. Только новая продѣлка герцога заставляетъ Санчо рѣшиться.

Наши герои опять попадаютъ въ замокъ герцога. На этотъ разъ ихъ приводятъ сюда насильно.

Здѣсь они застаютъ печальное происшествіе. Альтисидора, та самая дама, которая притворилась влюбленной въ Донъ-Кихота, умерла, — и воскресить ее можно только единственнымъ способомъ: Санчо долженъ получить двадцать четыре щелчка по носу, кромѣ того, двѣнадцать разъ его ущипнуть за руки и шесть разъ кольнуть булавками въ икры.

Санчо, услышавъ это, приходитъ въ страшное негодованіе.

— Клянусь Богомъ, — кричитъ онъ, — я такъ же позволю щелкать, щипать и колоть себя, какъ стану туркомъ. Какое дѣло кожъ моей до воскресенія этой барышни? Что за невидаль такая! Дульцинею очаруютъ, — и чтобы разочаровать ее, я долженъ хлестать себя плетью; Альтисидора умираетъ отъ болѣзней, посланной ей Господомъ Богомъ, — и опять я долженъ воскресить ее, щипля себя до крови, искалывая булавками и подставляя физиономію свою подъ щелчки... Нѣтъ! Нѣтъ! Я — старая лисица, — меня не проведи. Пусть другому поютъ эти пѣсенки!

Но къ Санчо неотступно пристають всѣ присутствующіе; дѣлать нечего, — приходится получать щелчки. Кое-какъ онъ ихъ вытерпѣлъ, но о булавкахъ не жаждетъ и слышать, приходитъ прямо въ ярость. Къ счастью, Альтисидора начала оживать и послѣ щелчковъ.

Тогда Донъ-Кихоть сталъ на колѣняхъ умолять Санчо совершить подобное же чудо съ Дульцинеей. Приходится исполнить и эту просьбу. Герои навсегда покидаютъ герцога.

Донъ-Кихоть обѣщаетъ Санчо особую плату за каждый ударъ, и Санчо, дождавшись ночи, началъ разочаровывать Дульцинею. Донъ-Кихоть отошелъ отъ него въ сторону, и Санчо принялся

хлестать плетью по деревьямъ, снялъ кору съ нѣсколькихъ и, хвативъ плетью по буковому дереву, издалъ ужасный крикъ:

— Здѣсь умеръ Самсонъ, и пропадай я, какъ онъ!

Донъ-Кихоть все это принялъ за чистую правду. Ужасный ударъ и раздрающій крикъ Санчо поразили его въ самое сердце.

Онъ подбѣжалъ къ лукавому оруженосцу, вырвалъ у него недоуздокъ и сказалъ ему:

— Санчо, не допусти Богъ, чтобы ты погубилъ изъ-за меня жизнь, которой ты поддерживаешь семью свою. Пусть Дульцинея, какъ и я, живетъ близкой надеждой и подождетъ, пока ты соберешься съ силами, чтобы кончить это дѣло къ общему удовольствію.

— Если вашей милости такъ угодно, извольте, я согласенъ, — сказалъ Санчо. — Но только прикройте меня вашимъ плащомъ, потому что я страшно потѣю и не хотѣлъ бы схватить насморка, какъ это случается съ кающимися, бичующими себя въ первый разъ.

Довѣрчивый рыцарь покрылъ Санчо своимъ плащомъ.

Санчо вскорѣ dokonчилъ свое бичеваніе — такъ же по буквымъ деревьямъ.

Донъ-Кихоть теперь горѣлъ надеждой встрѣтить Дульцинею во всей ея красѣ.

Но Дульцинея такъ и не встрѣтилась до конца.

Путники пріѣхали въ родную деревню. Санчо почувствовалъ себя на верху блаженства; совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Донъ-Кихоть.

Съ тѣхъ поръ, какъ его побѣдилъ рыцарь серебряной луны, онъ началъ все чаще приходить въ себя. Ясный разсудокъ иногда не покидалъ его, даже когда ему могли припомниться рыцарскіе романы. Напримѣръ, харчевни онъ уже больше не принималъ за очарованные замки.

Очевидно, дѣло шло къ выздоровленію.

И оно, дѣйствительно, наступило. Но дни рыцаря были уже сочтены.

Выздоровливая отъ душевной болѣзни, онъ тяжко заболѣлъ тѣлесно. И съ него будто спали чары.

— Друзья мои, — говорилъ онъ знакомымъ, — поздравьте меня, вы теперь видите здѣсь не Донъ-Кихота Ламанчскаго, а простого гидальго Алонзо-Кихана, названнаго добрымъ за свой кроткій нравъ. Съ этой минуты я сталъ отъявленнымъ врагомъ Аматиса галльскаго и всего его потомства; я возненавидѣлъ безсмысленныя исторіи странствующихъ рыцарей и вижу все зло, причиненное мнѣ чтеніемъ этихъ небылицъ. При послѣднихъ земныхъ минутахъ, по милости Божіей, просвѣтлявая умомъ, я объявляю, какъ ненавижу эти книги.

Донъ-Кихоть обращается къ Санчо и проситъ у него прощенія за то, что онъ и его увлекъ своей безумной мечтой о странствующихъ рыцаряхъ. Теперь онъ не знаетъ, какъ и вознаградить его.

Вскорѣ Донъ-Кихоть умираетъ.

И не воскресить рыцаря врагамъ автора. Только для Сервантеса существовалъ Донъ-Кихоть и для Донъ-Кихота Сервантесъ, и авторъ такъ заканчиваетъ свою книгу:

„Мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и одну нераздѣльную душу“.

И Донъ-Кихоть умеръ послѣ того, какъ рыцарскіе романы окончательно осмѣяны, поражены на смерть.

А вскорѣ настала конѣцъ и для самого Сервантеса.

XXII.

Послѣдніе годы жизни не принесли Сервантесу утѣшенія послѣ столькихъ испытаній и разбитыхъ надеждъ.

Напротивъ, — злая молва не замолкала. У Лопе было слишкомъ много прислѣшниковъ, даже и не прошенныхъ. Противъ Сервантеса стояли двѣ грозныя силы: всѣ бездарные стихоплеты, оскорбленные его насмѣшками надъ искусственной и напыщенной поэзіей, и духовныя особы, не прощавшія ему терпимаго отношенія къ еретикамъ.

Даже прежніе знатные доброжелатели Сервантеса одинъ за другимъ покидали его. Когда престарѣлый писатель вздумалъ, было, посвятить первую часть Донъ-Кихота одному герцогу, тотъ отказался отъ посвященія.

Духовникъ герцога доказалъ ему, что Сервантесъ — жалкій шутъ, сочинитель неприличныхъ книгъ.

Сервантесъ не побоялся отомстить за клевету. Во второй части Донъ-Кихота онъ заставляетъ своего героя произносить грозную рѣчь противъ набожныхъ лицемѣровъ, втирающихся въ дома знатныхъ господъ и подъ видомъ благочестія обдѣлывающихъ тамъ свои мелкія дѣлишки.

Другой знатный покровитель литературы—графъ—также оттолкнулъ отъ себя Сервантеса.

Сплетники стали доискиваться, не обокралъ ли Сервантесъ казну, когда служилъ скупщикомъ хлѣба для солдатъ,—потомъ—знатнаго ли онъ происхожденія?

Что было отвѣчать Сервантесу?

Онъ написалъ „Разговоръ собакъ“ — трогательный и искренній.

Ночью на городской улицѣ сходятся двѣ собаки; онѣ принадлежатъ благотворительному учрежденію, приучены собирать милостыню и носить для этого корзину на палкѣ съ двумя фонарями на концахъ.

Сервантесъ издавна наблюдалъ за этими собаками. Онѣ дѣлали доброе дѣло незамѣтно, служили своимъ господамъ скромно и покорно, и Сервантесу казалось, что на этихъ собакъ похожи вообще все люди, служащіе обществу и не имѣющіе въ этомъ обществѣ почетнаго мѣста.

Эти бѣдняки, какъ и собаки, имѣютъ право служить, но не думать. Что бы сказали собаки, если бы онѣ вдругъ получили даръ слова и вздумали поговорить о своей участи?

Одна рассказываетъ простую и правдивую исторію. Передъ нами все та же испанская неприглядная жизнь, тѣ же тяжелые и несправедливые порядки—всюду, гдѣ только есть сильные и слабые.

Честная собака неоднократно пыталась возмущаться несправедливостями, и как же ей доставалось за это!

Стоило ей искренно сообщить лицу властному нѣсколько мыслей насчетъ лучшаго управленія,—и она едва не поплатилась жизнью.

И бѣдная собака вывела такое заключеніе:

— У каждаго свое дѣло. Совѣтъ бѣдняка никогда не принимается,—какъ бы хорошъ онъ ни былъ. Никогда униженная бѣдность не должна дерзать давать совѣты вельможамъ и тѣмъ, кто увѣренъ въ своемъ всевѣднїи.

Такъ думалъ и самъ Сервантесъ.

Всю жизнь онъ старался открыть глаза у людей властныхъ и сильныхъ, рассказать имъ всю правду о печальной участи Испанїи, указать, что они должны дѣлать.

И что же вышло?

Оказалось,—сильные люди любятъ только лести. Честному человѣку нельзя говорить свободно. Голосъ его будетъ заглушенъ льстецами и шутами. Честный человѣкъ не найдетъ себѣ покровителя. Если онъ бѣденъ,—вся его мудрость ничего не стоитъ, ее считаютъ глупостью и дерзостью.

Но это печальная мысль, и на ней нельзя успокоиваться. Сервантесъ убѣжденъ, что такъ останется не навсегда. Придетъ время,—умъ и правда возобладаютъ надъ лестью и своевольной властью, и голосъ бѣдныхъ будетъ услышанъ.

И Сервантесъ не бросалъ пера до конца.

Одновременно съ „Донъ-Кихотомъ“ онъ пишетъ произведеніе совершенно другого рода. Началъ онъ его давно, еще въ сравнительно молодые годы,—теперь продолжаетъ, будто отдыхая отъ грустнаго разсказа о приключенїяхъ несчастнаго рыцаря.

Это произведеніе—романъ „Персплесъ и Сигизмунда“, исторїя о томъ, какъ доблестный рыцарь странствуетъ по всей Европѣ и преодолеваетъ не воображаемая, а настоящія опасности. Та же мысль, что и въ „Донъ-Кихотѣ“, только въ другомъ видѣ. Ничего другого и не могъ вообразить Сервантесъ,

самъ вѣчный странникъ, вѣчный искатель правды и вѣчный борецъ съ ея врагами.

Не забывалъ Сервантесъ и увлеченія своей молодости,—театра.

За годъ до смерти онъ издалъ свои драматическія произведенія. Многое пришлось претерпѣть Сервантесу за свои мнѣнія о драмѣ, о театрѣ! Но онъ остался непоколебимъ. И теперь онъ возставалъ противъ шутовства, разныхъ чудесъ, защищалъ простоту, естественность. И это не все.

Сервантесъ также умѣлъ шутить, написалъ восемь веселыхъ небольшихъ пьесъ. Называются онѣ „Интермедіи“, т.-е. междудѣйствія; онѣ такъ коротки, что можно играть или въ концѣ большой пьесы или въ антрактахъ.

Здѣсь Сервантесъ желаетъ только смѣяться и острить. И между тѣмъ смѣхъ его часто долженъ быть весьма не по вкусу многимъ современнымъ знаменитостямъ.

Прежде всего не обходится дѣло безъ пышнаго Лопе. Въ одной пьесѣ является башмачникъ, большой любитель стиховъ. Влюбленный солдатъ говорить ему нелѣпые стихи, подъ заглавіемъ „Туфли сердца моего“—въ честь служанки, которая ему понравилась.

Башмачникъ въ восторгѣ и снѣшить заявить:

— Хоть я мало смыслю въ поэзіи, но эти стихи такъ звучны, какъ-будто ихъ написалъ Лопе. Ужъ у меня, что хорошо или что кажется мнѣ хорошимъ, все это—Лопе.

Въ Испаніи вообще поэтовъ дѣвать некуда. И всѣ сочиняютъ, сколько угодно и когда угодно. Сервантесу это смѣшно,—но для поэтовъ оскорбительно.

Цѣлая стая ихъ осаждала всякаго богатаго любителя стиховъ,—и иной любитель готовъ былъ просить пощады отъ этого нашествія.

Сервантесъ все это знаетъ и отдаетъ должную справедливость. Самый вѣрный способъ нажить новыхъ враговъ!

Не мало смѣшного и помимо бездарныхъ поэтовъ, — напримеръ, алькады, т.-е. деревенскіе судьи. Мѣста ихъ почетныя и прибыльныя,—но кто же сами алькады?

Напримѣръ, одинъ считаетъ себя достойнымъ судейскаго мѣста не потому, что онъ уменъ, грамотенъ, способенъ, а потому только, что онъ набоженъ, знаетъ наизусть четыре церковныя службы и читаетъ ихъ разъ пять въ недѣлю.

Опять Сервантесъ попалъ въ больное и опасное мѣсто!

Лицемѣры и ханжи, несомнѣнно, возмущались такимъ неуваженіемъ къ набожности, которая одна стоитъ всѣхъ добродѣтелей и талантовъ! А Сервантесъ жестоко высмѣивалъ набожнаго глупца и невѣжду.

Онъ поступалъ еще смѣлѣе.

Въ Испаніи существовало повѣрье, что колдуны и вѣдьмы научаются своему бѣсовскому ремеслу у чертей въ пещерѣ недалеко отъ Саламанки. Такъ думали и сами инквизиторы.

И вотъ Сервантесъ пишетъ забавную пьесу, гдѣ тайны Саламанской пещеры подвергаются полному осмѣянію.

На сцену являются три ловкихъ человѣка и дурачатъ суевѣрнаго простака: онъ будто бы видитъ самихъ дьяволовъ, хотя они необыкновенно похожи на его же сосѣдей, прекрасно ѣдятъ, пьютъ и поютъ насмѣшливые стихи о Саламанской пещерѣ. А потомъ происходитъ такой разговоръ.

Набожный простакъ спрашиваетъ у одного изъ своихъ гостей:

— Скажите мнѣ, сеньоръ мой, дьяволы все знаютъ,—гдѣ изобрѣтены танцы: сарабанда, самбапало и особенно знаменитый новый аскаррамонъ?

Гость отвѣчаетъ:

— Гдѣ? Въ аду. Тамъ они имѣютъ свое начало и происхожденіе.

Хозяинъ согласенъ:

— Да, я этому вѣрю.

И не столько важно, что хозяинъ этому вѣритъ, сколько вѣра св. инквизиціи въ дьявольское происхожденіе танцевъ. И Сервантесъ осмѣливался шутить надъ этимъ страшнымъ вопросомъ.

Очевидно, Сервантесъ былъ неисправимъ.

Такъ онъ и умеръ.

Никакія огорченія не могли сломить его, омрачить ясности его души, убить его неистощимое остроуміе.

Почти за годъ до смерти Сервантесъ переселился въ Мадридъ, вѣроятно, потому, что здѣсь основался королевскій дворъ. Писателю шель шестьдесятъ восьмой годъ, недуги быстро разрушали его тѣло,—но Сервантесъ трудился такъ же усердно, и домашніе попрежнему видѣли его веселымъ и неунывающимъ.

А между тѣмъ онъ готовился уже къ смерти. Всю жизнь онъ былъ искренно-вѣрующимъ католикомъ,—только не по-инквизиторски,—и поступилъ, наконецъ, въ члены религіознаго братства, гдѣ числились первые аристократы и знаменитости Испаніи,—отъ короля Филиппа III до Лопе-де-Веги.

Сервантесъ усердно выполнялъ правила братства, ежедневно слушалъ обѣдню, ежемѣсячно исповѣдывался и причащался, посѣщала больницы, раздавалъ милостыню.

Сервантесъ не удовольствовался всѣмъ этимъ и поступилъ еще во францисканскій орденъ.

Но какъ далеко было отъ набожности автора *Донъ-Кихота* до инквизиторскаго усердія Лопе-де-Веги! И какъ различно кончалась жизнь этихъ двухъ людей!

Лопе—жестокій гонитель еретиковъ, мрачный, тоскующій, истязающій свое старческое тѣло, — и Сервантесъ, искренно и горячо вѣрующій, но неизмѣнно свѣтлый, человѣколюбивый, терпимый!

Вотъ, на примѣръ, какъ рассказываетъ Сервантесъ о своей болѣзни.

Ему вздумалось ухать изъ Мадрида въ мѣстечко, гдѣ былъ у него небольшой клочокъ земли. Онъ надѣялся поправиться въ тиши на чистомъ воздухѣ. Ничего изъ этого не вышло. Болѣзнь развивалась, и Сервантесъ рѣшилъ вернуться въ Мадридъ.

По пути онъ встрѣтился со студентами. Во время остановки студенты узнаютъ, кто ихъ спутникъ, и одинъ изъ нихъ бросается къ Сервантесу, хватая его за лѣвую руку и кричить:

— Да, да, это—знаменитый одноручка... очаровательный писатель, утѣха музъ!..

Сервантесъ, тронутый восторгомъ молодого человѣка, обнимаетъ его и говорить:

— Вы ошибаетесь, какъ и многіе другіе. Я, дѣйствительно, Сервантесъ, но я вовсе не утѣха музъ и не заслуживаю вашихъ любезностей. Садитесь на своего мула, поѣдемъ вмѣстѣ и поболтаемъ.

Сервантесъ заговорилъ о своей болѣзни.

Студентъ объяснилъ ему, что у него водяная, и далъ ему утѣшительный совѣтъ.

Но Сервантесъ отлично понималъ свое положеніе и замѣтилъ студенту.

— Я кончаю вполнѣ спокойно. Судя по моему пульсу, я долженъ умереть въ воскресенье. Въ дурную минуту вы свели со мной знакомство. У меня слишкомъ мало времени отблагодарить васъ за вашу любезность.

Скоро спутники разстались. Сервантесъ обнялъ студента, и тотъ весело продолжалъ свой путь, а бѣдный старикъ говорилъ себѣ: „прощай, радость, прощайте, веселые друзья, я умираю и желаю поскорѣ видѣть васъ счастливыми въ другой жизни“.

Это происходило въ началѣ апрѣля 1616 года.

Смерть наступила неумолимо. Сервантесъ уже чувствовалъ себя въ ея власти, но не забывалъ до послѣдняго часа своего долга къ другимъ.

Восемнадцатаго апрѣля надъ Сервантесомъ совершили елеосвященіе, а на другой день онъ нашелъ у себя достаточно силъ написать въ послѣдній разъ графу Лемосу, своему доброжелателю, не особенно усердному и постоянному, но все-таки не забывшему совсѣмъ о старомъ писателѣ.

Сервантесъ говорилъ графу о своей преданности и желалъ ему счастья.

Двадцать третьяго апрѣля Сервантеса не стало.

Братства, къ которымъ онъ принадлежалъ, торжественно похоронили его въ Мадридскомъ монастырѣ св. Троицы.

Монастырь впоследствии уничтожили, и могила Сервантеса исчезла безслѣдно. Но имя его становилось все славнѣе, все дороже для всѣхъ, кто только въ состояніи цѣнить великій талантъ и благородную душу.

На его родинѣ успѣли появиться цѣлыя сотни изданій „Донъ-Кихота“,—и съ Испаніей усердно соперничали и продолжаютъ соперничать всѣ другія страны. Нѣтъ народа, гдѣ бы имя Сервантеса не стояло въ первомъ ряду міровыхъ писателей, гдѣ бы имя Донъ-Кихота не звучало близкимъ, роднымъ, гдѣ бы исторія Ламанческаго рыцаря не считалась одной изъ самыхъ увлекательныхъ книгъ.

И эта книга написана старикомъ! Вторая часть „Донъ-Кихота“ вышла всего за полгода до смерти автора, т.-е. когда Сервантесу было ровно шестьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ уже говорилъ о смерти и ждалъ ее черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ онъ самъ заявлялъ, и въ то же время писалъ исторію Персилеса и жалѣлъ, что ему, пожалуй, не хватитъ времени кончить ее.

И времени не хватило. Романъ явился уже послѣ смерти Сервантеса. Послѣ „Донъ-Кихота“ онъ не могъ увеличить его славы, но засвидѣтельствовалъ предъ современниками и потомствомъ,—до какой степени неутомимъ былъ старый писатель, и сколько силъ и желаній было въ его почти семидесятилѣтнемъ сердцѣ.

И всѣ эти желанія были направлены неизмѣнно къ одной и той же цѣли: показать людямъ, какія сокровища заключаются въ трудѣ на общую пользу, какой великій даръ — быть просто добрымъ и честно дѣятельнымъ.

Именно въ этой простой истинѣ заключается весь смыслъ жизни и таланта Сервантеса.

Бросимъ еще одинъ послѣдній взглядъ на его любимыхъ героевъ. Мы теперь знаемъ ихъ исторію, извѣстна намъ и судьба самого автора: поставимъ и исторію, и судьбу рядомъ и посмотримъ, что получается.

XXIII.

О Донъ-Кихотѣ и Санчо Пансо писало много людей,—и всегда съ однимъ и тѣмъ же чувствомъ: всѣмъ было жаль Ламанческаго рыцаря, и никто не могъ отказать ему въ невольномъ уваженіи—

за его доброту, благородство, искреннее стремление уменьшить зло на землѣ, всё также не могли не признать его оруженосца однимъ изъ самыхъ любезныхъ и занимательныхъ простаковъ.

Но всё, кто только писалъ о герояхъ Сервантеса, — особенно искренно и восторженно говорили прежде всего о Ламанчскомъ рыцарѣ.

Почему?

Вѣдь подвиги рыцаря—безумны, бой съ вѣтрыными мельницами и съ баранами—смѣшонъ и нелѣпъ, погоня за великанами и волшебниками—безеямыслица... За что же уважать Донъ-Кихота?

У насъ ясный и рѣшительный отвѣтъ.

Правда, у Донъ-Кихота воображеніе разстроено и направляетъ его мужество противъ несуществующихъ враговъ.

Но чѣмъ ихъ враговъ и во имя чего направляетъ?

Враговъ не самого Донъ-Кихота, а людей вообще, преимущественно людей слабыхъ и обижаемыхъ.

Донъ-Кихотъ живетъ и страдаетъ не для себя, ищетъ не личныхъ удовольствій, не личнаго счастья, а стремится другихъ сдѣлать счастливыми, истребить для этого всѣхъ притѣснителей.

И онъ вѣрить, что это его долгъ, его призваніе.

Онъ довольствуется самой скудной пищей, самой бѣдной одеждой, готовъ вынести всевозможныя лишенія, совершенно забываетъ о самыхъ простыхъ удобствахъ жизни,—и все ради чего?

Ради того, чтобы не страдали бѣдные и слабые, чтобы на свѣтѣ не было насцій и обмановъ, чтобы сироты жили спокойно и благополучно, чтобы царствовали всюду правда и справедливость.

Да, только къ этой цѣли и стремится бѣдный рыцарь.

Вотъ одна только бѣда: онъ неясно представляетъ, что такое зло, и гдѣ настоящіе враги правды?

Вычиталь онъ обо всемъ этомъ въ старыхъ книгахъ. И здѣсь—начало всѣхъ его ошибокъ, всего его безумія.

Донъ-Кихотъ не знаетъ подлинной жизни. Прожилъ онъ вдали отъ нея, въ захолустной деревнѣ и больше возился съ книгами,

чѣмъ съ живыми людьми. И по книгамъ онъ теперь судить рѣшительно обо всемъ: что бы онъ ни встрѣтилъ, ему непременно припоминается какая-нибудь подробность изъ рыцарскихъ романовъ.

Подробности все дикія и нелѣпныя.

Но нѣтъ ли и въ нихъ поучительнаго для насъ смысла?

Несомнѣнно, есть и такой глубокой смыслъ, что мы должны помнить о немъ на каждомъ шагѣ.

Смыслъ этотъ слѣдующій.

Чтобы толково помогать людямъ, чтобы изъ подвиговъ выходило полезное дѣло, надо прежде всего узнать по личному опыту, что такое человѣческія несчастія и несправедливости, надо сойтись съ самими несчастными и обижаемыми людьми, надо вмѣстѣ съ ними понять, что такое ихъ обиды и бѣдствія.

Книга, разумѣется, читать слѣдуетъ,—но горе читателю, если онъ только съ однѣми книгами и останется.

Книги бывають разныя—правдивыя и лживыя, книги, кромѣ того, могутъ устарѣть, отстать отъ жизни, рассказывать о томъ, чего уже нѣтъ на самомъ дѣлѣ, или о томъ, чего и быть не можетъ.

Какъ же распознать правду и ложь и какъ рѣшить, что слѣдуетъ дѣлать и чего нѣтъ?

Для этого единственный путь: надо узнать, какъ идетъ сама жизнь, и, узнавъ жизнь,—профривить, правду ли говорятъ книги.

Герои романовъ могутъ быть очень увлекательны, рассказы о нихъ необыкновенно занимательны, но вопросъ—бываетъ ли все это въ дѣйствительности?

Можетъ быть, герои и ихъ исторіи выдуманы, или, можетъ быть, все это и было да отжило свой вѣкъ, и теперь ужъ и люди другіе, и жизнь ихъ другая.

Все это надо разобрать, и тогда только можно и дѣлать добро, и совершать подвиги. Человѣкъ будетъ знать, что людямъ дѣйствительно требуется, отъ какихъ враговъ они на самомъ дѣлѣ страдаютъ?

А то иначе и выйдетъ одно донъ-кихотство.

Ламанчскій рыцарь вообразилъ, что люди терпятъ отъ волшебниковъ и великановъ. Ничего подобнаго! Такъ было написано въ его книгахъ, а въ дѣйствительности у людей совсѣмъ другіе враги.

И поэтому подвиги рыцаря выходятъ смѣшными и жалкими. Рыцарь ѣдетъ и сражается, будто впотьмахъ, и наноситъ свои удары зря и невпопадъ.

Намъ смѣшно,—но мы отлично понимаемъ, что такой Донъ-Кихотъ на свѣтѣ не единственный, бывали они, и до сихъ поръ бываютъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Только ни одинъ писатель не умѣлъ изобразить донъ-кихотства такъ ярко, съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, какъ это сдѣлалъ Сервантесъ.

И мы знаемъ, почему именно онъ могъ это сдѣлать!

Самъ великій писатель весьма былъ причастенъ къ донъ-кихотству. Правда, съ вѣтряными мельницами онъ не сражался,—но и противъ него стояли великаны и волшебники, вездѣ—при королевскомъ дворѣ, въ литературѣ, въ будничной жизни.

Развѣ Филиппъ II, жегшій своихъ подданныхъ дома и оставившій ихъ гибнуть въ рабствѣ у турокъ, не великанъ? И развѣ убѣждать этого государя—воевать съ невѣрными и быть милостивымъ съ еретиками—не значило сражаться съ какимъ-нибудь Мамбреномъ?

А Лопе, своимъ талантомъ угождавшій толпѣ и потѣшавшій ее, развѣ не волшебникъ—врагъ правды? И идти противъ него развѣ также не значило сражаться съ какимъ-нибудь Аркелаемъ и его слугами?

И вотъ почему Сервантесъ, задумавшій осмѣять рыцарскія небывлицы, съ теченіемъ времени чувствовалъ все больше и больше нѣжности и жалости къ своему несчастному герою.

И то же самое чувствуемъ мы.

Безпрестанно и современнымъ благороднѣйшимъ людямъ грозитъ участь Донъ-Кихота. Послушайте, какъ Санчо говоритъ о своемъ господинѣ:

— Онъ незлобивъ, какъ голубица, и никогда не сдѣлалъ онъ

никому никакого зла, но всё́мъ дѣлаеть добро. Онъ готовъ повѣрить дитяти, если бы оно сказало ему днемъ, что теперь ночь. Вотъ за это-то простодушіе я и люблю его, люблю, какъ зѣницу очей моихъ, — и какихъ бы безобразій ни натворилъ онъ, я не могу покинуть его, хоть ты что хочешь дѣлай.

Таковъ Донъ-Кихоть: голубиное сердце, добродушная довѣрчивость и желаніе всё́мъ дѣлать добро.

И все это неразрывно связано одно съ другимъ

Представьте человѣка съ кроткимъ, человеколюбивымъ сердцемъ, и окажется, — онъ непремѣнно и довѣрчивъ, и желаетъ сдѣлать людямъ побольше добра.

Такихъ людей не особенно много, но они есть, и вотъ вамъ готовый Донъ-Кихоть. Въ волшебниковъ и великановъ онъ не повѣрить, но на какой-нибудь менѣ грубый обманъ легко поддается, — стоитъ только вѣрить въ доброту другихъ такъ же, какъ въ собственную, — люди съ голубиными сердцами именно и вѣрятъ въ нее.

Слѣдовательно, донъ-кихотство вовсе не сказка, и поэтому для насъ такъ дорогъ, такъ любезенъ рыцарь печальнаго образа. Онъ одаренъ великимъ достоинствомъ человѣческой природы — добротой. Ему и прозвище было дано „Добрый“, и только при добротѣ онъ могъ принять на себя обязанность защищать гонимыхъ и возстановлять на землѣ правду.

Но мы должны помнить: одной доброты мало, и еще меньше — голубиной довѣрчивости. Надо не только любить, но и въ точности знать, что именно любить, не только стремиться къ добру но и здраво понимать добро, не только преслѣдовать зло, но и уметь обезоруживать его и никогда не забывать, что произошло съ добрымъ и довѣрчивымъ Донъ-Кихотомъ, когда онъ защитилъ мальчика отъ его хозяина.

Пока Донъ-Кихоть былъ на-лицо, крестьянинъ обѣщалъ не только не наказывать своего пастуха, но даже заплатить ему все жалованье сполна. Такъ онъ и обѣщалъ грозному рыцарю, — и рыцарь повѣрилъ.

Но стоило только Донъ-Кихоту отбыть, и мальчикъ подвергся

жестокой мести хозяина, а потомъ, при встрѣчѣ рыцаря, просилъ его никогда не вмѣшиваться въ его дѣла.

Вотъ что значить дѣлать добро по-голубиному, съ простодушной младенческой довѣрчивостью, на основаніи однѣхъ книгъ, а не глубокаго знакомства съ людьми и жизнью.

Но рядомъ съ Донъ-Кихотомъ—Санчо.

Это ужъ вовсе не мечтатель, напротивъ, очень положительный и здравомыслящій мужикъ.

Онъ безпрестанно осуждаетъ безумство своего господина, острить надъ волшебниками и Дульцинесей,—это человѣкъ практическій, понимаетъ толкъ въ деньгахъ и нигдѣ не упустить своего.

Что любопытнаго въ такомъ человѣкѣ?

Оказывается, очень многое.

Санчо, правда, рассуждаетъ очень трезво, и, странствуя съ Донъ-Кихотомъ, онъ ни на минуту не забываетъ о наградѣ, о добычѣ, вообще, о прибыли.

Иначе и быть не можетъ. Бѣднякъ цѣнить всякій грошъ, а у Санчо жена и дочь: онъ считаетъ долгомъ нести въ домъ все, что только попадаетъ ему въ руки. Попадаетъ рѣдко и съ трудомъ, и Санчо, естественно, дорожить всякой удачей.

Но все это неизбежно тамъ, гдѣ нужда и бѣдность, — и все это вовсе не дѣлаетъ Санчо грубымъ скрягой и холоднымъ себялюбцемъ.

Сердце у него не менѣ отзывчивое, чѣмъ и у его господина. Санчо непременно подастъ милостыню нищему, раздѣлитъ съ нимъ свой кусокъ сыру. Сдѣлаетъ онъ это совершенно просто, потому что самъ знаетъ голодь и понимаетъ чужую нужду.

Донъ-Кихота онъ обожаетъ, и мы уже слышали—за что: за доброту, за простодушіе. Обожаніе это иногда выражается необыкновенно трогательно,—напримѣръ, при смерти Донъ-Кихота.

Санчо заливается горячими слезами, не знаетъ, какъ спасти своего господина.

— Не умирайте, мой добрый господинъ, живите, живите еще

много лѣтъ. Если васъ убиваетъ мысль о вашемъ пораженіи, сложите вину на меня, скажите, что васъ свалили съ коня потому, что я дурно осѣдлалъ его. И развѣ вы не читали въ вашихъ книгахъ, что рыцарямъ не въ диковину побѣждать другъ друга, и что сегодня одинъ побѣждаетъ, а его самого побѣдятъ завтра.

Слова, идущія отъ сердца!

Такія чудеса совершаетъ доброта надъ простыми людьми, даже когда они не могутъ ни понимать, ни одобрять дѣйствій добраго господина.

И между тѣмъ Санчо идетъ за такимъ господиномъ.

Острова онъ не получитъ, да если бы и получилъ, — то вѣдь онъ убѣдился, что это все не такое ужъ счастье! Пожалуй, — даже одно огорченіе. Деньги, разумѣется, онъ у Донъ-Кихота возьметъ, но не изъ-за денегъ онъ мается съ безумнымъ рыцаремъ и несетъ жизнь, которую самъ же описываетъ самыми мрачными красками.

Ему дорогъ Кихада Добрый, а не Донъ-Кихоть Ламанчскій.

Представьте же, — у Донъ-Кихота явятся вполне здравыя, осмысленныя цѣли. Онъ станетъ бороться съ настоящими злодѣями, — какъ будетъ доволенъ преданный Санчо!

Онъ, простой крестьянинъ, пойдетъ тогда за рыцаремъ, какъ за своимъ вождемъ, учителемъ, старшимъ товарищемъ.

Ссоръ больше не будетъ между господиномъ и оруженосцемъ: теперь они ссорятся потому, что Санчо не можетъ вникнуть въ прелести рыцарскихъ сказокъ и сомнѣвается въ красоту Дульцинеи. А когда рыцарь будетъ воодушевленъ настоящей наглядной правдой, когда онъ начнетъ преслѣдовать не волшебниковъ и великановъ, до которыхъ Санчо нѣтъ никакого дѣла, а дѣйствительныхъ враговъ Санчо, вотъ тѣхъ самыхъ пышныхъ господъ и набожныхъ лицемѣровъ, какіе угнетаютъ и дурачатъ народъ, тогда душа оруженосца сольется съ душой рыцаря, и ихъ сердца станутъ биться согласно ради одной и той же цѣли.

Донъ-Кихоть безпрестанно возмущается пристрастіемъ Санчо къ пословицамъ. Санчо сыплетъ ими и кстати и некстати, — но

тотъ же Донъ-Кихотъ прекрасно понимаетъ смыслъ пословицъ: это—народная мудрость и часто поразительно вѣрная и пронизательная.

Если эта мудрость подчасъ ошибается, то вѣдь Санчо—невѣжда, думаетъ самъ по себѣ, безъ всякаго руководства, а такъ, какъ ему внушить его жизнь, часто грубая, бѣдная и тяжелая.

И самъ Донъ-Кихотъ замѣчаетъ эту смѣсь ума и неразумія.

— Чувствуешь недоумѣніе, — говоритъ онъ, — что такое Санчо, простака или остроумнѣйшій человекъ въ мірѣ? У него бывають злые шутки, которыя заставляютъ думать, что онъ очень хитеръ и тонокъ, бывають у него и глупѣйшія выходки, на которыя способенъ только деревенскій шутъ. Когда я думаю, что вотъ-вотъ онъ погрузится въ самую бездну негѣпостей, онъ отпускаетъ такія словечки, которыя поднимаютъ его выше небесъ.

И Донъ-Кихотъ не согласенъ промѣнять Санчо ни на какого другого оруженосца во всемъ мірѣ.

Санчо такого же мнѣнія о своемъ господинѣ и постоянно приходитъ въ восторгъ отъ его рѣчей, когда тотъ толкуетъ не о рыцаряхъ и волшебникахъ, а о простыхъ житейскихъ дѣлахъ.

Очевидно, и господинъ, и крестьянинъ могутъ вполне сойтись другъ съ другомъ, взаимно уважать и любить другъ друга.

И мы видимъ, что для этого требуется!

Пусть у Донъ-Кихота останется то же доброе сердце, та же жажда добра для другихъ, — но пусть прибавится ко всему этому ясное пониманіе, что такое добро для другихъ, кто подлинныя враги бѣдныхъ и гонимыхъ, и какъ съ ними слѣдуетъ бороться?

Здѣсь Донъ-Кихоту можетъ много помочь тотъ же Санчо. Онъ лучше рыцаря знаетъ жизнь и ея горе и ужъ, конечно, можетъ сообщить ему на этотъ счетъ больше правды, чѣмъ рыцарскіе романы.

Въ свою очередь, Донъ-Кихотъ пусть придетъ Санчо на помощь въ его невѣжествѣ. Санчо — неучъ, пусть же Донъ-Кихотъ просвѣтитъ его, сообщитъ ему тѣ знанія, какія восхищаютъ Санчо, но пока остаются ему недоступными.

Тогда рыцарь и оруженосецъ пойдутъ рука объ руку къ одной

и той же цѣли,—и уже больше не будетъ ни жалкихъ Донъ-Кихотовъ, ни невѣжественныхъ простаковъ.

Сердце, знаніе и мужество—вотъ силы, которыя побѣдятъ не сказочныхъ, а настоящихъ великановъ и волшебниковъ, т. е., враговъ правды и свѣта.

Такую истину доказываетъ великое произведеніе Сервантеса и о надеждѣ, что побѣда возможна, говоритъ вся многострадальная жизнь писателя, увѣнчанная безсмертной славой,—глубокой признательностью лучшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ..

Книгоиздательство **Д. И. Тихомирова.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

- АБРАМОВИЧЪ, Н.** Дѣтскіе годы Чехова. Ц. 12 к.
- АКСАКОВЪ, С. Т.** Аленькой цвѣточекъ. Разсказъ ключницы Пелагеи. Ц. 6 к.
— Семейная хроника. Ц. 25 к.
- БИРЮКОВЪ, П. Л. Н. Толстой.** Біогр. очеркъ для семьи и школы. Со мног. рис. Ц. 12 к.
- БРУСЯНИНЪ.** Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ. Ц. 15 к.
- БЭНКЪ, Е.** Изъ жизни одной американской журналистки. Въ пересказѣ Э. Пименовой. Ц. 15 к.
- ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ.** Владыка міра. Пер. Г. Галиной. Съ рис. Ц. 40 к.
- ГАМИЛТОНЪ-ДОННЕЛЬ.** Сильные волей. (Ребекка-Мэри). Пер. съ англ. Р. Рубиновой. Съ рис. Ц. 30 к.
- ЕРМИЛОВЪ, В. Е.** Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ. Съ рис. худ. А. Апсита. Ц. 45 к.
— Юность Добролюбова. Съ рис. худ. А. Апсита. Ц. 30 к.
- ЕФИМЕНКО, А. Я.** На Украинѣ. Выпускъ четвертый. Самуиль Зборовскій. Съ рис. худ. К. Фридберга. Ц. 20 к. Допущена въ ученич. библ. низш. учил.
- ИНФАНТЪЕВЪ, П.** Сибирскіе разсказы. Маленькіе китоловы.— Беркутъ Галея.—Смерть Омулина.—Враги.—Возвращеніе со святокъ.—Ночная тревога. Съ рис. Ц. 50 к. Допущена въ ученич. библ. низш. учил. и въ безпл. библ. и чит.
- ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ, І.** Разсказы. Ц. 20 к.
- МАЙКОВЪ, А. Н. и ПОЛОНСКІЙ, Я. П.** Біографія и избран. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.
- НОСИЛОВЪ, К.** Въ лѣсахъ. За карасями.—На лабазѣ.—Бѣлая рукавичка.—Керка.—Инокъ. Съ рис. Ц. 25 к. Допущена въ ученич. библ. низш. учил. и въ безпл. библ. и чит.
- ПИРИ, Р.** Открытіе сѣвернаго полюса. Перев. съ англ. А. Д. Дмитриева. Со многими рис. Ц. 50 к.
- ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н.** Біографія и избран. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.
- ПОГОДИНЪ, А., проф.** Очеркъ исторіи Польши. Съ рисунками. Ц. 50 к.
- РАДИЧЪ, А. В.** Дѣтскіе разсказы. Ц. 40 к.
- РУСАНОВА, О.** Свѣтлые дни жизни. Съ рис. Ц. 35 к.
- СЪРОПОЛКО, С. О.** Народныя бібліотеки. Порядокъ открытія бібліотекъ и ихъ организація. Ц. 15 к.

САВВИНЪ, Н. А. Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1908 г. Ц. 30 к.

— Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1909—1910 г. Ц. 25 к.

СВѢШНИКОВА, Е. Добрый старикъ. Ц. 5 к.

СКВОРЦОВЪ, Н. А. Какъ животныя добываютъ себѣ пищу. Съ рисунками. Ц. 40 к.

— Въ царствѣ животныхъ. Какъ животныя плачутъ и смѣются, радуются и сердятся, любятъ и мстятъ и т. п. Съ рис. Ц. 30 к.

ТИХОМИРОВЪ, Д. И. Великая Сѣверная война Россіи со Швеціей. (1700—1721 г.). Чтеніе для школь и народа. Съ рис. Ц. 10 к.

— Современныя задачи начальной школы. Ц. 5 к.

ТОЛСТОЙ, А. К., гр. ТЮТЧЕВЪ, Ф. И. и ФЕТЪ, А. А. Биографія и избр. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 25 к. Допущена въ ученич. библ. низш. уч.

ХОМЯКОВЪ, А. С., К. С. и И. С. АКСАКОВЫ. Сборникъ избранныхъ стихотвореній, съ портретами и биографіями, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

ЦЕБРИКОВА, М. Разсказъ няни. Ц. 10 к.

— Мой отецъ. Ц. 10 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. Моимъ малышамъ. Съ рис. худ. В. Снасскаго. Ц. 25 к.

— Въ деревнѣ. Съ рис. Ц. 15 к.

— Дѣти нужды. Съ рис. худ. А. Апсита. Ц. 20 к.

ШЕВЧЕНКО, Т. Г. Биографія и избр. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 12 к.

ШКЛЯРЪ, Н. Лѣтняя сказочка про малютку подъ елочкой и лѣсного шныря, про листьвянокъ и душлянокъ, лѣсовиковъ, моховичковъ и про весь народъ мурзилчій. Роскошное изданіе съ цвѣтными рисунками въ 3 краски художника М. Щеглова. Ц. 1 р.

ШМЕЛЕВЪ, Ив. Въ новую жизнь. Повѣсть. Съ рисунками худ. Н. Богатова. Ц. 50 к.

— Служители правды. Повѣсть. Съ рис. худ. Андропова и Живаго. Ц. 50 к.

— Къ свѣтлой цѣли. Первая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— Они и мы. Вторая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 45 к.

ЭКЪ, Е. Вѣрные друзья. Съ рис. Ц. 15 к.

Подробный каталогъ книгоиздательства и проспекты журналовъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ высылаются бесплатно по первому требованію.

Ивановъ, Ив. Ив. проф. Шиллеръ. Донъ-Карлосъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Съ рисунок. Ц. 30 к.

— Шиллеръ. Гамлетъ. Въ изложеніи для семьи и школы. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учебныя старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. (Отнош. за № 11914, отъ 31 октября 1905 г.).

— Шиллеръ. Орлеанская дѣва. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Съ рис. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. зав. (Отн. 12338, отъ 15 ноября 1905 г.).

— Шиллеръ. Марія Стюартъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Съ рисунок. Ц. 20 к.

— Шиллеръ. Біографическій очеркъ для семьи и школы. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ учебныя младшаго возраста библіотеки. (Отнош. № 10112, отъ 12 сентября 1905 г.).

— Вильямъ Шекспиръ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Шекспира и рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учебныя библіотеки низшихъ училищъ. (Отнош. № 16454, отъ 29 мая 1904 года).

— В. Шекспиръ. Король Лиръ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Съ рис. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учебныя библіотеки низшихъ училищъ. (Отнош. № 16454, отъ 29 мая 1904 г.).

— В. Шекспиръ. Коріоланъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ учебныя библіотеки низшихъ учебныхъ завед. (Отн. 1442, отъ 29 января 1905 г.).

— В. Шекспиръ. Макбетъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Ц. 20 к. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ учебныя библіотеки низшихъ учебныхъ завед. (Отн. № 1442, отъ 29 января 1905 г.).

— В. Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. Ц. 20 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народныя читальни и библ. (Отнош. № 5034, отъ 22 апрѣля 1905 г.).

— В. Шекспиръ. Ромео и Джульетта. Въ изложеніи для семьи и школы. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народ. читальни и библіот. (Отнош. 5034, отъ 22 апрѣля 1905 г.).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова и проспекты журналовъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ высылаются бесплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“
(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученого Комитета Мин. Нар. Пров. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ завед. и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и биографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Пров. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:	«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:
Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ 5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ . . . 5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ . . . 6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года 3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года 3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года 3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . . 4 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . . 2 » 25 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . . 2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . . 2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . . 3 » — »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . . 1 » 15 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . . 1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . . 1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . . 1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За переимѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналѣ: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 24—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

50X

